
Русская
Быль

Физика
Химия
2 матем.
Історія

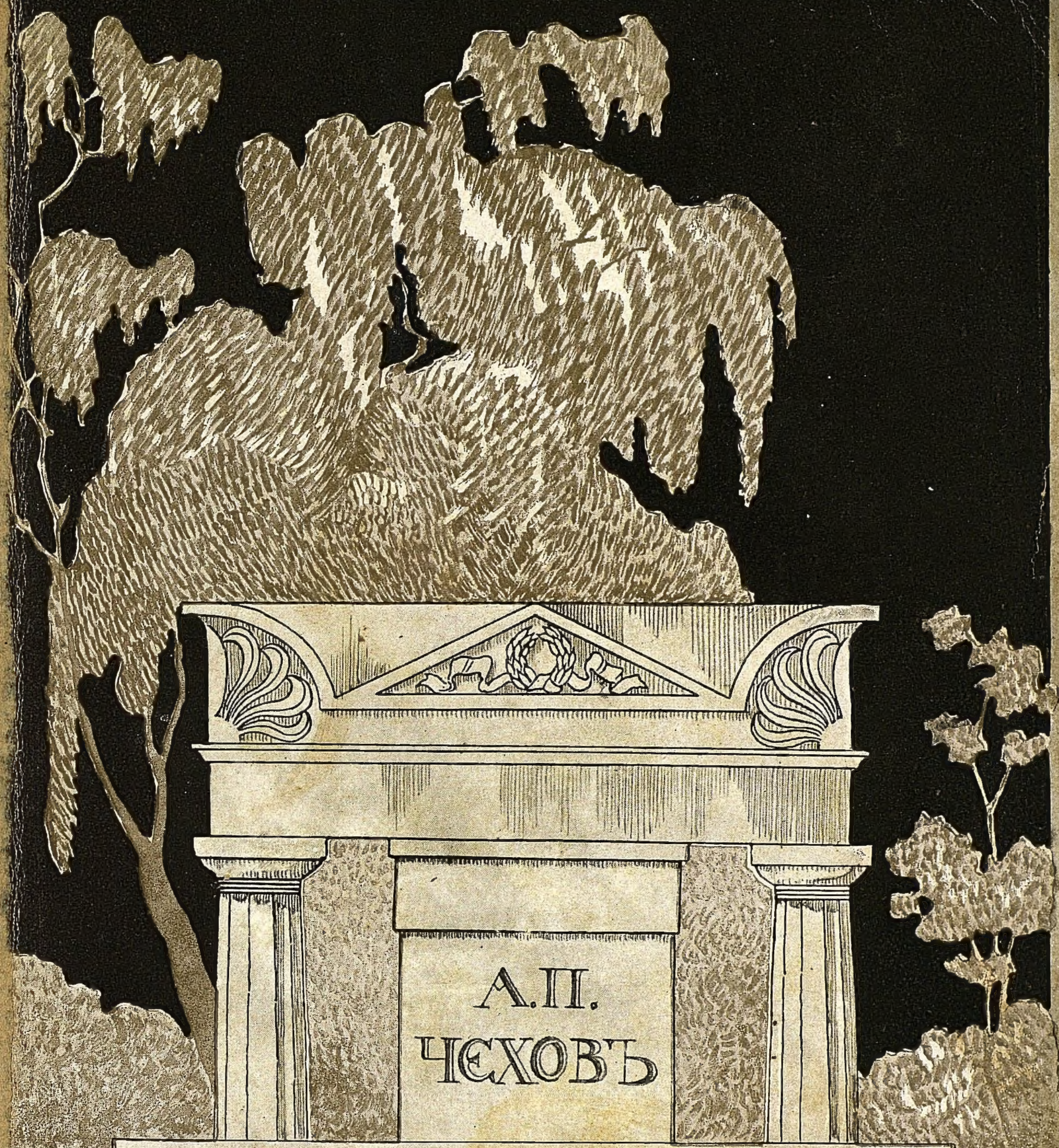

Книга
найдена в
макулатуре
15.IV-61 г. Н.Я.

„СБОРНИКЪ"

„Русская быль“, серія III.

II.

А. П. Чеховъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

МОСКВА—1910 г.

МОСКВА.—1910.
Типографія Русскаго Товарищества печатн. и издат. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефоны: 18.35 и 53-95.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Сборникъ этотъ посвящается свѣтлой памяти Антона Павловича Чехова.

Своеобразна была его жизнь, своеобразно сложилась и его литературная карьера.

Онъ выступилъ на писательское поприще «Антошей Чехонте» съ могучимъ запасомъ свѣжаго, молодого, задорнаго смѣха, безпощадно бичевавшаго пошлость, съ жизнерадостной вѣрой въ свои силы. «Большая публика», крупные писатели (какъ Григоровичъ, Плещеевъ) сразу почувствовали въ начинающемъ писателѣ признаки сильнаго, яркаго и оригинальнаго дарованія; критика, отупѣвшая въ пережовываніи старыхъ шаблоновъ, попыталась и его втиснуть въ Прокрустово ложе своихъ убогихъ теорій, и вынесла «Чехонте» безапелляціонный приговоръ — «о смерти подъ заборомъ». Сдалась она подъ напоромъ симпатій читателя къ гонимому писателю очень поздно—и безславно. А между тѣмъ въ самомъ Чеховѣ назрѣвалъ глубокій внутренній переломъ, и грусть, изрѣдка окрашивавшая его раннія произведенія, широкимъ потокомъ разлилась по всему его творчеству: сумерки жизни превратили юмориста въ пѣвца тоски и безвременья съ еле теплившейся вѣрою о счастьѣ «черезъ 200—300 лѣтъ»...

Русскій обыватель съ его грубой, рабьей психологіей обнаружилъ по отношенію къ Чехову много неожиданной чуткости. Послѣдніе годы его жизни, которые свелись къ умиранію, были скрашены трогательными и тревожными симпатіями самыхъ широкихъ слоевъ русскаго общества; «неотразимая обида» его преждевременной смерти жутко ударила по всѣмъ живымъ сердцамъ...

И какъ то самъ собою сложился обычай ежегодныхъ поминокъ въ день смерти, 2 іюля—паломничества на могилу, посвященія его памяти ряда статей въ періодической печати. Еще недавно, 17 января, вопреки сложившейся традиціи, было друж-

но вспомянуто 50-лѣтіе со дня его рожденія. Характерно, что все это впервые было примѣнено къ Чехову...

Все возрастающій интересъ къ его личности и творчеству среди читателей за послѣднее время вызвалъ цѣлую литературу. Много въ ней спѣшнаго, непродуманнаго, даже рекламнаго, бьющаго на внѣшній эффектъ, который былъ столь глубоко антипатиченъ изящной въ своей простотѣ и скромности душѣ Чехова; но все же положено прочное основаніе серьезному изученію его, какъ писателя и человѣка.

Накопленіе матеріаловъ, пока отрывочныхъ и неупорядоченныхъ, выдвинуло нѣсколько очередныхъ задачъ, и прежде всего — задачу свода біографическихъ данныхъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ даже попытокъ такого свода. Въ этомъ отношеніи нашъ сборникъ беретъ на себя благодарную, но и отвѣтственную инициативу. Данныя напечатанныхъ воспоминаній и переписки неполны и часто противорѣчивы; много цѣнныхъ свидѣтелей молодости Чехова, очень мало извѣстной, по русской халатности, до сихъ поръ еще не успѣло и, вѣроятно, такъ и не успѣетъ высказаться.

Многіе, въ томъ числѣ семья покойнаго писателя, думаютъ, что браться теперь, при наличныхъ данныхъ, за составленіе біографіи Чехова преждевременно. Съ этой точкой зрѣнія мы согласиться не можемъ. Въ первомъ опытѣ біографіи всегда, конечно, возможны и пропуски, и промахи, но онъ важенъ уже тѣмъ, что даетъ отправную точку для будущихъ изысканій. Начинать въ этомъ отношеніи всегда труднѣе, чѣмъ дополнять и исправлять... Начинать же нужно — пока не поздно, пока столько живыхъ свидѣтелей, которые могутъ пополнить и исправить уже готовую схему.

Мы отводимъ затѣмъ извѣстное мѣсто раннему творчеству Чехова, которое до сихъ поръ очень мало разработано, хотя въ немъ много цѣннаго и съ художественной, и съ историко-литературной точекъ зрѣнія.

Наконецъ, въ Толстовскомъ сборникѣ мы даемъ очеркъ П. А. Сергѣенка, посвященный личнымъ отношеніямъ Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, этихъ наиболѣе яркихъ представителей двухъ полюсовъ нашего литературнаго и общественнаго развитія — 60 и 80-хъ годовъ: при всей разницѣ натуръ, положеній, самыхъ свойствъ художественнаго дарованія, они такъ дополняли другъ друга, влеклись другъ къ другу силою такого властнаго внутренняго притяженія...

Памяти А. П. Чехова.

(17 января 1860—17 января 1910 г.).

И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды...

Пушкинъ.

Недавно кто то сказалъ: «послѣ всевозможныхъ Цусимъ, пережитыхъ нами за послѣднее время, — военныхъ и штатскихъ, морскихъ и сухопутныхъ, у насъ осталось одно, за что мы можемъ себя уважать—Левъ Толстой». Съ этимъ можно согласиться если прибавить: «Толстой—и русская литература, русское искусство».

Этотъ нѣжный и благоухающій цвѣтокъ выросъ и распустился на грязномъ болотѣ нашей общественной жизни, среди мерзости запустѣнія, «власти тьмы» и «тьмы власти».

Мы все дѣлали, чтобы заглушить его,—загромождали ядовитыми отбросами около него почву, съ безсмысленною жестокостью обрывали его корни и листья, а онъ все развивался, цвѣлъ и благоухалъ, подчиняясь своимъ внутреннимъ извѣчнымъ законамъ, не замѣчая тупой неблагодарности тѣхъ, для которыхъ онъ былъ единственнымъ лучомъ радости среди промозглой и безпросвѣтной тьмы...

За рѣдкими исключеніями, печать таланта у насъ—печать проклятія. Нужна большая жизнеспособность, чтобы пробиться сквозь толщу злобныхъ преслѣдованій хулиганствующей критики, общественнаго равнодушія, «независящихъ обстоятельствъ», матеріальной необезпеченности, наглой эксплоатаціи.

Такова судьба Чехова.

Бодрый, полный яркаго юмора, брызжущій радостью, вышелъ онъ на кремнистый путь литературы въ началѣ 80-хъ годовъ. Тонкая, хрупкая, мечтательная душа, съ грезами о счастьѣ «черезъ двѣсти, триста лѣтъ», онъ не разсчиталъ своихъ силъ, и скоро грусть закралась въ его сердце; ему говорили: «не рас-

цвѣвъ, отцвѣтаете», «вы умрете подъ заборомъ», «ваше творчество безыдейно и безцѣльно». И Чеховъ, болѣзненно-воспріимчивый, все это выслушивалъ, голодалъ, мыкался по редакціямъ «Будильниковъ» и «Осколковъ», пока «безсмертная пошлость людская» и «коховскія запятыя» не сдѣлали его авторомъ «скучныхъ исторій», странныхъ трагикомедій нашей жизни, писателемъ признаннымъ—и приговореннымъ къ смерти...

Ушелъ онъ—

Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній...

Въ послѣдніе годы жизни въ немъ назрѣвалъ какой то внутренній переломъ; о тайнахъ его мы можемъ только догадываться по отдѣльнымъ штрихамъ «Вишневаго сада» и «Невѣсты», въ которыхъ чуются новыя, мягкія, примиренныя ноты...

Когда И. А. Бунинъ назвалъ Чехова поэтомъ, А. П. со свойственнымъ ему тонкимъ юморомъ воскликнулъ: «что вы, что вы! Какой я поэтъ! Поэтъ—это тотъ, кто говоритъ: *серебристая даль, аккордъ*».

Въ этомъ восклицаніи проскользнуло сложное душевное настроеніе: и насмѣшка надъ поэтами «серебристой дали» и «аккордовъ», и органическая боязнь слишкомъ торжественныхъ опредѣленій, и стыдливая скромность слишкомъ чуткой къ каждому ложному звуку души.

Еслибы его назвали мыслителемъ, философомъ, учителемъ, онъ запротестовалъ бы еще энергичнѣе и, по привычкѣ, все свелъ бы на шутку: «философъ—это тотъ, кто говоритъ: транцендентальный, имманентность, категорическій императивъ... Учитель даже на смертномъ одрѣ будетъ повторять: дважды два—четыре... Волга течетъ въ Каспійское море»...

Русскій читатель, вопреки г.г. Скабичевскимъ съ ихъ зловѣщими, хотя и неосмысленными предсказаніями, давно уже полюбилъ въ авторѣ «Степи», «Чайки», «Вишневаго Сада» тонкаго, обвѣяннаго свѣтлою грустью поэта. Никто не будетъ теперь, вслѣдъ за Скабичевскимъ и Михайловскимъ, называть смѣхъ Чехова безпринципнымъ и безсознательнымъ, его грусть — безотчетною и нудною. Смерть, какъ всегда, многое объяснила, на все бросила новый, особый отсвѣтъ...

Своеобразный, тонкій, иногда капризный рисунокъ Чеховскаго разсказа глубоко прячетъ въ себѣ и за собою мысль. Въ

рѣдкихъ, даже исключительныхъ случаяхъ она прорѣзываетъ повѣствовательную нить и выступаетъ во всей своей наготѣ (напр., «Крыжовникъ», «Человѣкъ въ футлярѣ»); чаще она таится за противорѣчіями діалога и спора, въ глубинѣ смѣха, подъ покровомъ сумеречныхъ, «матовыхъ» настроеній. На протяженіи всей литературной карьеры Чехова, она послѣдовательно двигалась отъ молодого, «свѣтлаго» смѣха и правовѣрнаго позитивизма къ «проклятымъ» вопросамъ, тоскѣ исканій и грезамъ о далекомъ, будущемъ счастьѣ человѣчества.

Въ неустанной тревогѣ Чеховской мысли передъ страшными загадками жизни вообще, русской въ особенности, въ грустномъ раздумьѣ надъ прошедшимъ и настоящимъ при благородной вѣрѣ въ будущее—залогъ ея глубокаго нравственнаго значенія; она не укладывается въ отточенныя, какъ «только что выпущенный Монетнымъ дворомъ пятакъ», формы опредѣленнаго міровоззрѣнія, но, чтобы осудить за это Чехова, нужно быть любителемъ такихъ формъ; не укладывается она и въ узкія, тѣсныя рамки нашихъ общественныхъ программъ—тѣмъ хуже для этихъ программъ...

Чеховъ-мыслитель со всѣми противорѣчіями разныхъ моментовъ своего внутренняго развитія, своихъ исканій, не менѣе интересенъ, чѣмъ Чеховъ-поэтъ: онъ всегда сводитъ читателя съ проторенныхъ путей, будитъ мысль, вызываетъ переоцѣнку мнимыхъ или преувеличенныхъ цѣнностей традиціоннаго міровоззрѣнія. Изъ-за его произведеній выступаетъ вдумчивый и обаятельный обликъ художника-мыслителя, который весь—*исканіе и тревога, обостренная совѣсть и изболѣвшая невѣріемъ вѣра...*

За послѣднее время на нашемъ литературномъ горизонтѣ вспыхнуло и закатилось много метеоровъ; даже ихъ эфемерный блескъ не закрылъ отъ насъ звѣзды Чеховскаго таланта съ ея тихимъ, кроткимъ и грустнымъ свѣтомъ; съ ихъ закатомъ она должна затеплиться сильнѣе и ярче; сумѣемъ же быть благодарными ея лучамъ и тому, чья благородная душа вдохнула въ нихъ вѣчную жизнь...

Вл. Каллашъ.

Біографія Антона Павловича Чехова.

(1860—1890).

I.

Предо мной — листикъ пожелтѣвшей бумаги... Это—выпись изъ «Метрической книги г. Таганрога Соборной Успенской церкви»... Она говоритъ, что «Тысяча восемьсотъ шестидесятаго года мѣсяца Генваря семнадцатаго дня рожденъ, а двадцать седьмаго крещенъ Антоній. Родители его, Таганрогскій 3-й гильдіи Купецъ Павелъ Георгіевичъ Чеховъ и законная жена его Евгенія Яковлева, оба православнаго исповѣданія. Воспріемники были: Таганрогскій купеческій братъ Спиридонъ Федоровъ Титовъ и таганрогскаго 3-й гильдіи купца Дмитрія Кирикова Сафьянопуло жена. Таинство крещенія совершалъ Священникъ Собора Михаилъ Орловскій съ Діакономъ Моисеемъ Егоровымъ. Что утверждается»... [1]).

Домъ, въ которомъ родился Антонъ Павловичъ, еще цѣлъ. Онъ помѣщается въ глубинѣ двора № 47 по бывшей Александровской, а теперь Чеховской улицѣ, и принадлежитъ мѣщанкѣ Коваленко. Это—крошечный флигель въ 3 комнаты съ кухней, отдающійся въ аренду за 10 рублей въ мѣсяцъ. Впрочемъ, здѣсь Чеховы прожили только 2 года. Истинная колыбель Антона Павловича, гдѣ онъ выросъ и воспитался—въ другомъ домѣ, № 67, что на прежней Конторской, а нынѣ Елисаветинской улицѣ. Построенный Павломъ Егоровичемъ, онъ принадлежалъ ему до поступленія сына въ университетъ. Тогда вслѣдствіе нужды въ деньгахъ этотъ домъ былъ заложенъ мѣстному обывателю Селиванову за 600 рублей. Впослѣдствіи его не выкупили, и недавно онъ былъ пріобрѣтенъ за 5000 рублей еврейскимъ благотворительнымъ обществомъ, которое устроило въ немъ богадѣльню.

---

[1]) Московскій университетъ. Архивъ. 1879, № 548. Дѣло канцеляріи проректора «О принятіи въ студенты Антона Чехова».

«Комнаты остались безъ всякихъ измѣненій. Тотъ же странный, полуподвальный входъ и рядомъ деревянное крылечко безъ перилъ, похожее на приставную лѣстницу, тѣ же неожиданныя окна подъ самымъ потолкомъ. Сосѣдній домъ, построенный Митрофаномъ Егоровичемъ Чеховымъ, до сихъ поръ принадлежитъ его вдовѣ и сыну Владимиру Митрофановичу, двоюродному брату Антона Павловича. Въ этой семьѣ сохраняется культъ имени Чехова. Здѣсь можно услышать много интересныхъ разсказовъ о дѣтствѣ Чехова, о тѣхъ суровыхъ расправахъ, которыя тогдашніе отцы чинили надъ дѣтьми, даже надъ гимназистами. Въ самыя опасныя минуты молодой Антонъ спасался въ сосѣдній гостепріимный домикъ, ибо здѣсь господствовали болѣе мягкіе нравы» [1]).

Фамилія Чехова ведетъ свое начало изъ Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи.

«Мои дѣдъ и отецъ были крѣпостными у Черткова, отца того самаго Черткова, который издаетъ книжки» [2]).

Дѣдъ Антона Павловича въ молодости откупился на волю и служилъ управляющимъ въ имѣньи графа Платова.

Это была удивительно своеобразная личность.

«Даже одѣвался онъ не такъ, какъ другіе, а всегда соединялъ жилетъ и брюки, посредствомъ пуговицъ, въ одно цѣлое представляя собою какъ бы подвижную бронзовую статую.

«Пріѣздъ внуковъ всегда радовалъ гостепріимнаго старика, и онъ помѣщалъ ихъ иногда, точно «графятъ», въ огромномъ барскомъ домѣ, всячески баловалъ ихъ по-своему, возилъ на бѣговыхъ дрожкахъ по полямъ, познакомилъ ихъ съ процессомъ куренія и гонораромъ (по 3 копейки) за литературные труды въ конторѣ.

«Самымъ любимымъ занятіемъ будущаго писателя въ деревнѣ было пребываніе въ людской, гдѣ хохлушка-стряпуха удивительно мастерила «затерку» и гдѣ бывалъ постоянный свѣжій притокъ поденныхъ рабочихъ и работницъ съ ихъ своеобразнымъ говоромъ и свычаями.

«Онъ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними, слушалъ ихъ дивныя украинскія пѣсни, участвовалъ въ ихъ забавахъ, любовался чудесными зорями, спалъ на свѣжемъ сѣнѣ и загоралъ за лѣто, какъ цыганъ.

---

[1]) Танъ. На родинѣ Чехова. «Современный Міръ». 1910, I, стр. 166—167.

[2]) Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревымъ. М. 1909. А. И. Эртелю, 11 марта 1893.

«И когда, въ концѣ лѣта, приходилось возвращаться опять въ Таганрогъ, то нѣкоторое время мальчикъ грустилъ и томился, какъ будто оставилъ въ Княжей часть своей души» [1]).

Отецъ Чехова въ дѣтствѣ жилъ въ деревнѣ и усердно посѣщалъ сельскую церковь, гдѣ во время службъ пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Затѣмъ его привезли въ Таганрогъ и отдали въ ученье къ богатому купцу Кобылину. Пройдя суровую школу сначала «мальчика», потомъ «молодца» и, наконецъ, «приказчика», онъ открылъ собственную бакалейную торговлю и женился на дочери купца Морозова. Отъ этого брака у него кромѣ Антона Павловича было еще 5 дѣтей: нынѣ также покойный Николай (художникъ) и здравствующіе Александръ, Михаилъ (писатели), Иванъ (учитель) и Марія (художникъ).

«Талантъ въ насъ со стороны отца,—часто говорилъ Чеховъ,—а душа со стороны матери» [2]).

Въ Павлѣ Егоровичѣ съ его страстью къ благолѣпному пѣнію билась несомнѣнная артистическая жилка, но, окостенѣвъ въ условіяхъ тогдашняго воспитанія и всего уклада жизни вообще, она не получила должнаго развитія и даже послужила для его дѣтей источникомъ горя...

Подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ матери, увлекательно разсказывавшей Антошѣ о быломъ и между прочимъ о томъ, какъ тяжело жилось крестьянамъ въ пору крѣпостничества, а также— ея сестры, Ѳедосьи Яковлевны, которая всегда болѣла душой за сирыхъ и убогихъ, мальчикъ не могъ равнодушно видѣть жестокаго обращенія съ живой тварью. Наблюдая избіеніе животныхъ, онъ почти плакалъ, а когда при немъ били людей, его охватывала нервная дрожь. Человѣкъ стараго воспитанія, Павелъ Егоровичъ мало считался съ этимъ, и дѣтство Антона Павловича было омрачено тяжелыми впечатлѣніями...

Въ Таганрогѣ Павелъ Егоровичъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Онъ былъ избранъ на почетную должность ратмана полиціи, а впослѣдствіи—члена торговой депутаціи. Со стороны коммерческаго люда это было выраженіемъ особаго довѣрія. Ростовъ, Маріуполь, Бердянскъ и Ейскъ не играли въ то время, какъ порты въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, никакой роли, и весь экспортъ зернового хлѣба съ Приазовья сосредоточивался въ Таганрогѣ. Его населеніе наполовину состояло изъ иностран-

[1]) П. Сергѣенко. Дѣтство Чехова. «Русское Слово» 1910, № 13.

[2]) Михаилъ Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. «Журналъ для всѣхъ». 1909, № 7, стр. 416.

цевъ. Преобладали греки. Прогремѣвшій своимъ процессомъ о колоссальныхъ хищеніяхъ въ таможнѣ Вальяно, Скараманга и другіе негоціанты прибрали къ своимъ рукамъ всю торговлю. Устроиться въ ихъ конторахъ значило блестяще обезпечить себя. Мечталъ объ этомъ для своихъ дѣтей и Павелъ Егоровичъ. Но, чтобы попасть въ число такихъ счастливцевъ, прежде всего необходимо было знать разговорный греческій языкъ. И отецъ задумался:

— «Ну, что вотъ я съ утра до ночи сижу въ своей лавкѣ, торгую, а каждый годъ при подсчетѣ оказываются одни убытки... То ли дѣло служить у Вальяно или у Скараманги... Сидитъ человѣкъ въ теплѣ спокойно за конторкой, пишетъ и щелкаетъ на счетахъ, и безъ хлопотъ получаетъ чистоганомъ 1000 рублей въ годъ. Надо будетъ отдать дѣтей въ греческую школу...

— Не лучше ли въ гимназію?—возражала Евгенія Яковлевна.

— Богъ съ ней, съ гимназіей!.. Что она даетъ? Вонъ у Ефремова сынъ вышелъ изъ 5-го класса, и латынь училъ,—а что въ немъ толку? Сидитъ у отца на шеѣ, ходитъ безъ дѣла по городу да пожарнаго козла дразнитъ...» [1]).

Павелъ Егоровичъ встрѣчалъ поддержку въ завсегдатаяхъ своей лавки, хлѣбныхъ маклерахъ-грекахъ, горячо отстаивавшихъ покинутое ими отечество и открывавшихъ предъ своимъ слушателемъ самыя радужныя перспективы.

Мать находила опору въ нѣсколькихъ преподавателяхъ гимназіи, которые забирали въ лавкѣ товаръ.

Рѣшающее слово произнесъ учитель греческой школы, Вучина. Встрѣтившись съ Павломъ Егоровичемъ, онъ увлекся, «повелъ разсказъ объ Иліадѣ и Одиссеѣ, разсказалъ съ пѣною у рта и съ ворочаньемъ бѣлковъ о подвигахъ греческихъ героевъ Марка Боцариса и Міаулиса и заявилъ, что всѣ свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть только въ одной греческой школѣ, и больше нигдѣ» [2]).

Его собесѣдникъ былъ очарованъ. И вскорѣ въ спискѣ учениковъ этого учрежденія появилось 2 новыхъ имени: «Антоніосъ Тсехофъ» и «Николаосъ Тсехофъ».

Греческая «Приходская при Цареконстантиновской церкви школа» состояла, включая и приготовительный, изъ 6 классовъ, помѣщавшихся въ одной комнатѣ. Въ ней стояло 6 рядовъ грязныхъ партъ. Въ началѣ каждаго торчалъ шестъ съ черной,

---

[1]) А. С—ой. Чеховъ въ греческой школѣ. «Вѣстникъ Европы». 1907, IV стр. 545—571. [2]) Ibidem.

обозначавшей соотвѣтствующій классъ надписью. Въ случаѣ же тѣсноты всякое подраздѣленіе воспитанниковъ пропадало: ихъ сажали, куда попало.

Въ приготовительномъ — преподавалась греческая азбука, въ послѣднемъ—греческій синтаксисъ.

Занятія производились съ 9 часовъ утра до 3 пополудни.

Учениковъ было около 70 въ возрастѣ 6—20 лѣтъ.

Это были дѣти ремесленниковъ, маклеровъ, грузчиковъ, матросовъ и шкиперовъ. Задавленные нуждой и поглощенные своимъ промысломъ родители не обращали на нихъ никакого вниманія. Одни приходили босикомъ. Другіе—въ неимовѣрно изорванномъ платьѣ. Сравнительно прилично одѣвались лишь весьма немногіе. Всецѣло предоставленная самой себѣ эта дѣтвора очутилась во власти улицы.

Педагогическій персоналъ состоялъ изъ Вучины и его помощника, Спиро.

Вучина прибылъ изъ Кефалоніи въ Россію по собственному признанію «безъ панталонія». Получилъ ли онъ какое-либо образованіе и чѣмъ былъ ранѣе,—объ этомъ не зналъ никто. Но, судя по его педагогической дѣятельности, можно безошибочно утверждать, что подвернись ему не школа, а кабакъ, онъ и тамъ былъ бы ничуть не менѣе на мѣстѣ. Невѣжественный и зачастую разрѣшавшійся отборной бранью, — Вучина раздавалъ дѣтямъ подзатыльники, билъ ихъ линейкой по ладонямъ до появленія опухолей и иногда прибѣгалъ къ заправской инквизиціи, подвѣшивая проказника на полотенцѣ за оконную раму, ставя его предъ каѳедрой на стулъ на нѣсколько сутокъ съ часовымъ отпускомъ домой для обѣда, или же—на лѣстницу съ кочергой и позорными дощечками на груди и спинѣ, при чемъ всѣ остальные учащіеся должны были поочередно подходить къ жертвѣ, называть ее «мерзавцемъ» и плевать ей въ лицо.

Спиро былъ хлѣбнымъ маклеромъ, показывался изрѣдка и преподавалъ чистописаніе, чтеніе и ариѳметику, которая дальше задачи на сложеніе для всей школы сразу у него не шла.

Придя туда, «Тсехофы» сразу же оторопѣли: они очутились въ обществѣ Антонопулоса, Вогазіаноса, Ликацаса, Магуласа, Макраса, Фекіакиса и другихъ гречатъ. Тѣ говорили, спрашивали и отвѣчали только по-гречески. Самочувствіе новичковъ было отчаяннымъ.

«Ученіе началось съ того, что Николай Спиридоновичъ, проводивъ съ поклонами Павла Егоровича до дверей, посадилъ обо-

ихъ новыхъ учениковъ на самую первую скамью, т. е. въ приготовительный классъ, положилъ предъ каждымъ изъ нихъ по тоненькой книжечкѣ подъ заглавіемъ «Неонъ Алфавитаріонъ», т. е. «Новая азбука», и сказалъ:

— Завтра нада приносити за каздая книзка 20 копейкъ. Сказите это васа папаса. А типеръ возмите книзка и уцыте: альфа, вита, гамма, дельта, эпсилонъ...» [1]).

Алфавитъ давался имъ съ величайшимъ трудомъ. Наконецъ, за нихъ взялся его помощникъ.

«Спиро доходилъ въ своемъ усердіи чуть ли не до бѣлаго каленія, оттягивалъ своимъ большимъ пальцемъ нижнюю губу Антона Павловича книзу и приказывалъ:

— Полози языка на зуба и скази ѳита!..» [2])

Ничего не выходило. Спиро бился и бросилъ. За полгода «Тсехофы» успѣли усвоить лишь чтеніе словъ. Но Вучина, радѣя о своемъ карманѣ, доложилъ пришедшему освѣдомиться Павлу Егоровичу, что все идетъ прекрасно, и для документальнаго доказательства успѣшности обученія выдалъ его дѣтямъ по наградѣ—«вравіонъ» (отъ слова «браво»).

«Коля принесъ домой листочекъ съ надписью «эвсевисъ», т. е. «благочестивый», а Антоша—«эпимелисъ», т. е. «прилежный» [3]).

Отецъ былъ чрезвычайно обрадованъ и на Рождество вздумалъ блеснуть ихъ познаніями предъ гостями. Но его постигло жестокое разочарованіе. Испытуемые, особенно Антоша, провалились и, выслушавъ сдѣланный имъ тутъ же выговоръ, ушли спать со слезами на глазахъ.

«Ночью Антоша вздрагивалъ и часто просыпался» [4]).

Ему мерещилось происшествіе съ 2 школьниками, изъ которыхъ одинъ былъ до полу-смерти избитъ въ классѣ своимъ дядей-матросомъ, а другой—въ неописуемомъ ужасѣ повисъ на прикрѣпленномъ за верхушку оконной рамы полотенцѣ...

Прошла зима. Приближались экзамены. Павелъ Егоровичъ былъ убѣжденъ, что дѣти перейдутъ въ слѣдующій классъ, но и тутъ осѣкся. За годъ они не научились даже читать и писать.

Мечта о конторѣ Вальяно или Скараманги рухнула. Евгенія Яковлевна и знакомые педагоги одержали верхъ. И ближайшей же осенью Антоша поступилъ въ приготовительный классъ, который тогда въ составъ гимназіи не входилъ. Онъ даже помѣщался отдѣльно, въ небольшомъ домѣ неподалеку отъ

---

[1]) Ibidem. [2]) Ibidem. [3]) Ibidem. [4]) Ibidem.

нея, и, называясь «академіей», находился въ вѣдѣніи Сомова. Здѣсь Антоша учился хорошо, особенно отличался въ письменныхъ работахъ и, пройдя «академическій» курсъ, получилъ награду I степени. Затѣмъ Павелъ Егоровичъ подалъ прошеніе о зачисленіи сына въ гимназію, и 2 октября 1869 года маленькій Чеховъ былъ принятъ въ I классъ. Но тутъ произошло нѣчто, въ отдаленной степени напоминающее «Случай съ классикомъ»: отецъ все еще не оставлялъ своего первоначальнаго намѣренія хотя бы за собственной стойкой пустить дѣтей по торговой части.

— «Тово... Я сейчасъ уйду по дѣлу, а ты, Антоша, ступай въ лавку и смотри тамъ хорошенько!

У мальчика навертываются на глаза слезы, и онъ начинаетъ усиленно мигать вѣками.

— Въ лавкѣ холодно,—возражаетъ онъ,—а я и такъ озябъ пока шелъ изъ гимназіи.

— Ничего... Одѣнься хорошенько—и не будетъ холодно.

— На завтра уроковъ много...

— Уроки выучишь въ лавкѣ... Ступай, да смотри тамъ хорошенько... Скорѣе!.. Не копайся!..» [1]).

Пыталась вступаться за него мать:

— «Павелъ Егоровичъ, пожалѣй ты ребенка! Вѣдь ты его чуть свѣтъ разбудилъ къ ранней обѣднѣ... Онъ обѣдню выстоялъ, потомъ домашній акаѳистъ выстоялъ... Ты ему не далъ даже и чаю напиться, какъ слѣдуетъ... Онъ усталъ...» [2]).

Ничто не помогало. Приходилось идти въ лавку, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и аптекой, и складомъ всякихъ товаровъ до аѳонскихъ и іерусалимскихъ, будто бы, святынь включительно, и клубомъ для праздныхъ завсегдатаевъ.

Тутъ Антоша проводилъ за конторкой цѣлые дни.

Торговля шла неудачно. Вскорѣ разразился крахъ. Дважды возобновлялъ послѣ этого Павелъ Егоровичъ свое предпріятіе и снова сажалъ въ немъ дѣтей.

«Саша, у котораго уже начиналъ пробиваться пушокъ на верхней губѣ, съ геройствомъ, приличнымъ ученику 5-го класса, пообѣщалъ достать пистолетъ и застрѣлиться, а Антоша только съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Господи, что мы за несчастный народъ! Товарищи на каникулахъ отдыхаютъ, ходятъ купаться и удить рыбу, бываютъ

---

[1]) А. С—ой. Антонъ Павловичъ Чеховъ - лавочникъ. «Вѣстникъ Европы». 1908, XI, стр. 192—224. [2]) Ibedim.

по вечерамъ въ казенномъ саду и слушаютъ музыку, а мы—какъ каторжные...» [1]).

Все было напрасно. Уповая на улучшеніе дѣлъ, Павелъ Егоровичъ даже думалъ взять дѣтей изъ гимназіи и оставить ихъ въ лавкѣ. Евгенія Яковлевна категорически протестовала. Разсчетъ отца не оправдался. Не окупалась даже наемная плата за ничтожное помѣщеніе на окраинѣ, у вокзала.

И эту лавчонку пришлось закрыть. Но не одно это было для дѣтей и въ частности Антоши помѣхой.

Оставивъ должность регента соборнаго хора, которымъ онъ долго управлялъ (изъ-за ропота ли прихожанъ на неимовѣрное затягиваніе службъ, размолвки съ духовенствомъ или же въ виду пагубнаго вліянія частой отлучки на торговлю,—неизвѣстно), Павелъ Егоровичъ затосковалъ и вскорѣ сформировалъ собственную пѣвческую капеллу. Она состояла изъ любителей (10—12 кузнецовъ) и, во главѣ съ нимъ шествуя по церквамъ, безвозмездно пѣла молебны, обѣдни, вечерни и всенощныя. Вслѣдствіе отсутствія въ ней дискантовъ и альтовъ пѣніе выходило грубымъ и подчасъ вызывало насмѣшку. Это побудило Павла Егоровича ввести дѣтскіе голоса. И онъ воспользовался съ этой цѣлью своими подростками.

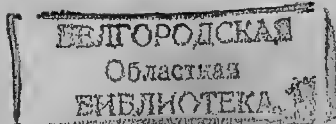
Двоимъ старшимъ выпало на долю исполнять партію перваго и второго дисканта, а третій, младшій, только недавно поступившій въ I классъ гимназіи, долженъ былъ волею-неволею пѣть альтомъ.

«Этотъ третій — альтъ — и былъ будущій писатель Антонъ Павловичъ. Тяжеленько приходилось бѣдному Антошѣ, только еще слагавшемуся мальчику, съ неразвившейся еще грудью, съ плоховатымъ слухомъ, съ жиденькимъ голоскомъ... Не мало было имъ пролито слезъ на спѣвкахъ, и много дѣтскаго здороваго сна отняли у него эти ночныя, позднія спѣвки. Павелъ Егоровичъ во всемъ, что касалось церковныхъ службъ, былъ аккуратенъ, строгъ и требователенъ. Если приходилось въ большой праздникъ пѣть утреню, онъ будилъ дѣтей въ 2 и въ 3 часа ночи и, не взирая ни на какую погоду, велъ ихъ въ церковь» [2]).

Почти 3 года Антоша пѣлъ въ Греческомъ монастырѣ. Затѣмъ, когда кузнецы мало-по-малу разбрелись,—въ Митрофаніев-

---

[1]) Ibidem. [2]) А. С-ой. А. П. Чеховъ-пѣвчій. Матеріалъ для его біографа.» Вѣстникъ Европы». 1907, X, стр. 825—834.

ской церкви, на клиросѣ которой онъ зачастую записывалъ бабамъ имена для поминовенія «о здравіи» и «за упокой» (отсюда разсказъ «Канитель»). И, наконецъ,—въ домовой церкви такъ называемаго дворца, гдѣ жилъ и умеръ Александръ I и куда ѣздила говѣть вся мѣстная знать. Изъ желанія щегольнуть предъ ней Павелъ Егоровичъ заставлялъ дѣтей разучить «Да исправится» и «Архангельскій гласъ» и для исполненія этихъ хораловъ—согласно уставу—выводилъ малышей на средину храма. Здѣсь повторялось то, что происходило на смотру по греческому языку дома. Повторялись и послѣдствія...

И лавка, и пѣніе съ ихъ принудительностью,—все это, не говоря уже объ ущемленіи запросовъ юной души, не могло не отразиться на занятіяхъ Антоши. И дѣйствительно, въ низшихъ классахъ онъ учился плохо. Педагогія, которая и понынѣ не интересуется домашними условіями учащагося, щедро награждала его двойками не только по предметамъ, но и за прилежаніе и дважды оставила на повторительный годъ: въ III классѣ, гдѣ ему особенно не давалась математика (круглая двойка по ариѳметикѣ и алгебрѣ) и въ V—изъ-за греческаго языка, по которому Чеховъ при общемъ выводѣ въ тройку срѣзался на экзаменѣ (письменная работа) и на переэкзаменовкѣ.

Когда же Павелъ Егоровичъ съ крушеніемъ послѣдней попытки обосноваться—на этотъ разъ на базарѣ—ликвидировалъ торговлю и на послѣднія крохи перебрался съ семьей въ Москву, сынъ, перешедшій къ тому времени въ VI классъ и оставшійся въ Таганрогѣ для окончанія курса гимназіи, вздохнулъ свободно и «вдругъ» обнаружилъ такое прилежаніе, что помимо обычныхъ успѣховъ по любимымъ предметамъ (Законъ Божій, русскій языкъ, исторія) сталъ получать пятерки даже по безконечно ненавистному ему греческому языку.

Въ VIII классѣ изъ 22 учениковъ Чеховъ былъ одиннадцатымъ.

За весь заключительный годъ своего пребыванія въ гимназіи онъ пропустилъ всего 13 уроковъ, т. е. меньше всѣхъ остальныхъ, у которыхъ число пропущенныхъ уроковъ достигаетъ 80.

Въ спискѣ допущенныхъ къ испытаніямъ на аттестатъ зрѣлости о немъ сказано:

«Посѣщеніе уроковъ исправное, приготовленіе къ урокамъ весьма добросовѣстное, исполненіе письменныхъ работъ весьма аккуратное, весьма внимателенъ, къ ученью относился съ интересомъ».

Вступительнымъ экзаменомъ было русское сочиненіе на присланную попечителемъ Одесскаго учебнаго округа тему:

«Нѣтъ зла болѣе, чѣмъ безначаліе».

Оцѣнку производили: директоръ Рейтлингеръ, и. д. инспектора Дьяконовъ, преподаватель словесности Мальцевъ и преподаватель русскаго языка въ младшихъ классахъ Стефановскій, обратившій вниманіе педагогическаго совѣта на необыкновенную литературную отдѣлку и смыслъ сочиненія Антона Павловича.

Таково свидѣтельство оффиціальнаго историка гимназіи, Филевскаго. Мнѣ оно кажется неправдоподобнымъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе несоотвѣтствіе между столь лестнымъ отзывомъ о работѣ Чехова и поставленнымъ ему за нее балломъ—4.

Затѣмъ (и это—главное) трудно допустить, чтобы сочиненіе на такую тему, какъ отливающее всѣми цвѣтами политическаго сыска и поэтому принудительное: «нѣтъ зла болѣе, чѣмъ безначаліе» могло выйти превосходнымъ у того юноши, въ которомъ, безспорно, уже тогда были черты, впослѣдтсвіи сложившіяся въ обоятельный образъ чуждаго всякихъ догматизма и тенденціозности художника.

Косвеннымъ подтвержденіемъ этого можетъ послужить сообщеніе его одноклассника, въ настоящее время врача Шамковича, по словамъ котораго Антонъ Павловичъ справился съ сочиненіемъ «еле-еле» [1]).

Въ протоколѣ совѣта попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 26 января 1880 года по поводу письменныхъ работъ учениковъ Таганрогской гимназіи говорится: «Въ сочиненіяхъ за 1879 годъ часто встрѣчается мысль, что при безначаліи прекращается и сильно страдаетъ торговля»,—мысль, въ которой явственно проступаетъ печать Таганрога, какъ промышленнаго центра.

Что касается слога нѣкоторыхъ сочиненій, то онъ найденъ «плавнымъ, сильнымъ и даже изящнымъ».

По окончаніи экзаменовъ Чеховъ получилъ слѣдующее удостовѣреніе:

Аттестатъ зрѣлости.

«Данъ сей *Антону Чехову* вѣроисповѣданія *православнаго, сыну купца*, родившемуся въ г. Таганрогѣ 17-го января 1860 года, обучавшемуся въ Таганрогской гимназіи десять лѣтъ въ томъ: во-первыхъ, что на основаніи наблюденій за все время обученія его въ

---

[1]) Чествованіе памяти А. П. Чехова. «Приазовская Рѣчь» 1910, № 44.

Таганрогской гимназіи поведеніе его вообще было *отличное*, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ *весьма хорошая*, прилежаніе *очень хорошее* и любознательность по *всѣмъ предметамъ одинаковая*, и, во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Наименованіе всѣхъ предметовъ гимназическаго курса.	Отмѣтки, выставленныя въ Педагогическомъ Совѣтѣ на основаніи § 45 сихъ правилъ.	На испытаніи, происходившемъ 15, 16, 17, 18, 19 мая, 2, 4, 7 и 11 іюня.
Законъ Божій	пять (5)	пять (5)
Русскій языкъ и словесность .	четыре (4)	четыре (4)
Логика	четыре (4)	» »
Латинскій языкъ	три (3)	три (3)
Греческій языкъ	три (3)	четыре (4)
Математика	три (3)	три (3)
Физика и математ. географія .	три (3)	» »
Краткое Естествовѣдѣніе . . .	» »	» »
Исторія	четыре (4)	четыре (4)
Географія	пять (5)	» »
Нѣмецкій языкъ	пять (5)	» »
Французскій языкъ	» »	» »

На основаніи чего и выданъ ему сей аттестатъ зрѣлости, предоставляющій ему всѣ права, обозначенныя въ § 130—132 Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій. Таганрогъ. Іюня 15 дня 1879 года.

Директоръ Таганрогской Гимназіи Дѣствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Э. *Рейтлингеръ*.

И. д. Инспектора А. *Дьяконовъ*.

Законоучитель Протоіерей Ѳ. *Покровскій*.

Преподаватели: Э. *Штейнъ*.
В. *Старовъ*.
И. *Стефановскій*.
В. *Логиновъ*.
К. *Зико*.
А. *Мальцевъ*.
Ю. *Макъ*.

За секретаря совѣта И. *Островскій*.

Примѣчаніе. 1 значитъ во всемъ неудовлетворительные, 2—не совсѣмъ удовлетворительные, 3 — удовлетворительные, 4—хорошіе, 5—отличные успѣхи» [1]).

Серебряной медалью изъ товарищей Чехова былъ награжденъ лишь Зельмановъ, при чемъ гимназическое начальство отозвалось о немъ, какъ о подающемъ «наибольшія надежды относительно дальнѣйшихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ». О судьбѣ его кромѣ того, что онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, ничего неизвѣстно.

II.

«Антоша былъ всегда здоровъ, веселъ, но къ дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ его никогда не тянуло. Бывало больше сидитъ гдѣ-нибудь и читаетъ. Дѣтской подвижности и рѣзвости въ немъ совсѣмъ не было. Любилъ онъ также вслушиваться въ разговоры старшихъ. Надо сказать, что семья Чеховыхъ, да и вообще всѣ Чеховы были люди патріархальные, богобоязненные. Дядя Антона Павловича, Митрофанъ Егоровичъ, долгое время церковнымъ старостой состоялъ въ Архангело-Михайловской церкви. Ну, и знакомства у нихъ всѣхъ соотвѣтственныя были. Часто посѣщалъ семью Чеховыхъ теперь уже покойный благочинный и настоятель Успенскаго собора, о. протоіерей Ѳеодоръ Покровскій. Обѣдъ уже давно отойдетъ, а гости и хозяева еще сидятъ за столомъ и занимаются бесѣдой. Всѣ дѣти играютъ во дворѣ, одинъ Антоша сидитъ въ комнатѣ со взрослыми и время отъ времени обращается къ о. протоіерею съ тѣмъ или другимъ вопросомъ» [2]).

. . . .

«Тихій, скромный мальчикъ былъ на удивленіе. Бывало Евгенія Яковлевна кричитъ на другихъ своихъ дѣтей: «дѣти, пора уже вамъ заниматься». Одинъ Антоша въ этомъ окрикѣ не нуждался. Онъ уже давно сдѣлалъ, что нужно. Такъ какъ Антоша всегда дома сидѣлъ, всегда на глазахъ былъ, то онъ за всѣхъ и отвѣчалъ. Куда послать, что поручить,—все Антоша дѣлалъ. И претензій у него никакихъ не было» [3]).

---

[1]) Московскій университетъ. Архивъ. 1879. № 548. Дѣло канцеляріи проректора. «О принятіи въ студенты Антона Чехова».

[2]) Scriba. А. П. Чеховъ по воспоминаніямъ родственниковъ. Бесѣда съ И. И. Лободой (братъ тетки А. П. по матери, М. И. Морозовой). «Приазовскій Край» 1904, № 180.

[3]) Ibidem. Бесѣда съ М. И. Морозовой.

Если ничего другого, кромѣ этой буколики, не подмѣтили близкіе къ нему люди, то что же требовать отъ его товарища по низшимъ классамъ гимназіи? Онъ вспоминаетъ Чехова «пухленькимъ, большеголовымъ съ ямочками на щекахъ и слегка выпяченнымъ брюшкомъ, которое часто бывало объектомъ одной шутки, царствовавшей нѣкогда въ таганрогской гимназіи. Шутка заключалась въ слѣдующемъ: къ Чехову подходилъ съ пресерьезнѣйшимъ видомъ кто-нибудь изъ товарищей-шалуновъ и, внезапно хлопнувъ его ладонью по затянутому въ мундиръ животу, полуукоризненно вскрикивалъ:

— Шутникъ, право!..

«Чеховъ поспѣшно втягивалъ животъ и, улыбаясь, лѣниво отмахивался рукою. Но самъ никогда не увлекался этимъ спортомъ.

«Вообще онъ не былъ ни рѣзвъ, ни шумливъ, ни прытокъ, ни задорливъ, но и не являлъ собою «буку» или «нюню». Скорѣе, онъ былъ всегда нѣсколько вялъ и сыроватъ» [1]).

. . . .

«Большая до ослѣпительности выбѣленная классная комната. Въ классѣ точно пчелиный рой. Ожидаютъ грозу I класса—учителя ариѳметики, извѣстнаго подъ кличкой «китайскаго мандарина». У полуоткрытой двери съ круглымъ стекляннымъ окошечкомъ стоитъ небольшого роста плотный, хорошо упитанный мальчикъ, съ низко-остриженной головою и бѣлымъ лунообразнымъ, пухлымъ, какъ булка, лицомъ. Онъ стоитъ со слѣдами мѣла на синемъ мундирѣ и флегматически ухмыляется. Кругомъ него проносятся бури и страсти. А онъ стоитъ около двери, нѣсколько выпятивъ свое откормленное брюшко съ отстегнувшейся пуговицей, и ухмыляется. На черной классной доскѣ появляется вольнодумная фраза по адресу «китайскаго мандарина». Рыхлый мальчикъ вялой походкой подходитъ къ доскѣ, флегматически смахиваетъ влажной губкой вольнодумную фразу съ доски. Но ухмыляющаяся улыбка все-таки остается на его губахъ. Точно она вцѣпилась въ его бѣлое, пухлое лицо, а ему недосугъ отцѣпить ее.

«Вялаго увальня съ лунообразнымъ лицомъ и ухмылявшейся улыбкой товарищи называютъ Антошей Чехонте. За его улыбку, главнымъ образомъ, мы и передѣлали рыхлаго Чехова Антона въ ласкательнаго Антошу Чехонте. И когда произносили это имя, то

---

1) П. Сергѣенко, «Русское Слово» 1909, № 150.

почти всегда съ ласковымъ оттѣнкомъ, хотя Чеховъ никакими особенными ни дарованіями, ни прелестями не отличался.

«Въ его природѣ было нѣчто каратаевское, если не вполнѣ круглое, то и безъ острыхъ выступовъ, за которые могла бы уцѣпиться какая-нибудь острая страсть.

«Вообще, при всемъ моемъ желаніи, я не могу припомнить ни одного яркаго эпизода изъ ранней жизни Чехова; отчетливо рисуется передо мною только бѣлая маска лица съ ухмыляющейся улыбкой» [1]).

Портретъ—вполнѣ законченный, но какъ и 2 предыдущихъ, явно односторонній. Достаточно сопоставить его съ семейной хроникой самихъ Чеховыхъ. И тогда окажется, что «рыхлый мальчикъ» приходилъ въ отчаяніе отъ невозможности во время вакацій ходить купаться, удить рыбу, бывать по вечерамъ въ казенномъ саду и слушать музыку [2]).

Что «вялый увалень» сталъ въ VI классѣ издавать юмористическій журналъ «Заику», имѣлъ нѣсколько жизнерадостныхъ романовъ съ гимназистками и выписывалъ «Сына Отечества» [3]).

И что юнецъ «безъ острыхъ выступовъ, за которые могла бы уцѣпиться какая-нибудь острая страсть», по собственному признанію, очень рано отдалъ дань одному изъ проявленій уродливаго воспитанія: «тайны любви постигъ я, будучи 13 лѣтъ» [4]).

Погрѣшивъ въ общемъ, авторъ характеристики Антоши недостовѣренъ и въ частномъ: отнюдь не «за его улыбку, главнымъ образомъ» и вовсе не «мы передѣлали рыхлаго Чехова Антона въ ласкательнаго Антошу Чехонте». Это прозваніе далъ ему законоучитель о. протоіерей Ѳеодоръ Покровскій. Онъ такъ и вызывалъ баскомъ по слогамъ: Че-хон-те! [5]) По всѣмъ вѣроятіямъ, это прозвище возникло отъ слова, которымъ ученики низшихъ классовъ дразнили Чехова и обозначающимъ южную породу рыбы: чехонь.

Въ противоположность этимъ показаніямъ, въ свѣтѣ которыхъ Чеховъ кажется созерцательнымъ тихоней, помощникъ

---

[1]) Сергѣенко. «Нива». Литературныя приложенія 1904, № 10, стр. 204—205.

[2]) А. С—ой. Антонъ Павловичъ Чеховъ—лавочникъ. «Вѣстникъ Европы» 1908, XI, стр. 192—224.

[3]) М. Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. Воспоминанія. «Новое Слово». Товарищескіе сборники. 1907. Книга 1, стр. 199.

[4]) Письма. В. А. Тихонову. Безъ даты. Стр. 146.

[5]) М. Кукушкинъ. Свѣдѣнія о гимназическихъ годахъ жизни Чехова. «Южный Телеграфъ» 1904, № 193.

классного наставника вспоминаетъ о немъ, какъ о неугомонномъ весельчакѣ:

«Мы всѣ удивлялись, откуда онъ доставалъ самые смѣшные... разсказы! Бывало раздобудетъ такой разсказикъ... и читаетъ всему классу. Слышишь вдругъ въ классѣ гомерическій хохотъ. Подняли шумъ на всю гимназію. Что такое? Оказывается, это ужъ Антоша разсказами потѣшаетъ. Ну, разумѣется, тетрадочку отберешь съ тѣмъ, чтобы наказать проказника. А въ учительской черезъ нѣсколько минутъ повторяется такой же хохотъ. Послѣ этого, конечно, уже наказывать Антошу никто и не помышляетъ. Чрезъ недѣлю опять такая же исторія. Но, вообще, это былъ очень симпатичный мальчикъ, хорошій, честный, прямой, хотя особенныхъ способностей не проявлялъ. Никому и въ голову тогда не приходило, что Антоша превращается во всероссійскую и даже европейскую знаменитость.. Надъ его мѣткими, остроумными замѣчаніями и шутками много смѣялись, но особаго значенія имъ не придавали. Скорѣе можно было ожидать блестящаго будущаго отъ его старшаго брата, Александра, который и способности большія проявлялъ и гимназію окончилъ съ золотой медалью. Оказалось не то. Что обнаруживалось въ мальчикѣ только вспышками и молніеобразными блестками, расцвѣло потомъ въ исключительное блестящее дарованіе» [1]).

Отзывъ—вполнѣ совпадающій со свидѣтельствомъ школьнаго товарища Антона Павловича, но—позднѣйшаго періода, о томъ, что «Чеховъ зналъ массу славянскихъ текстовъ и въ товарищескихъ бесѣдахъ увлекалъ... разсказами, пересыпанными славянскими изреченіями» [2]).

Очевидно, что до извѣстной степени правы обѣ стороны и что наблюдательнѣе другихъ оказались тѣ изъ сверстниковъ Антоши, которымъ казалось весьма страннымъ, что на ряду съ весельемъ и общительностью въ немъ уживалась какая то хмурость и замкнутость.

«Точно предъ вами было 2 совершенно различныхъ человѣка. Одинъ—весельчакъ, шутникъ, острословъ, другой—хмурый, будничный, сѣрый» [3])

Веселье и общительность—такимъ было его врожденное индивидуальное настроеніе, которое подъ вліяніемъ дѣйствитель-

---

1) Шиллеръ изъ Таганрога. Арабески. «Приазовскій Край» 1904, № 189.

2) М. Кукушкинъ. Свѣдѣнія о гимназическихъ годахъ жизни Чехова. «Южный Телеграфъ» 1904, № 193.

3) Шиллеръ изъ Таганрога. Ibidem.

ности свертывалось въ хмурость и замкнутость, и въ этомъ отношенiи условiя, въ которыхъ протекало дѣтство писателя, сыграли по моему мнѣнiю огромную роль.

Чеховъ любилъ цвѣты и, по словамъ жены, не могъ сносить, когда при немъ ихъ рвали или срѣзали. Такова была и его любовь къ дѣтямъ.

На пути изъ Одессы въ Севастополь сынишка знакомаго съ нимъ поэта сталъ перегибаться черезъ бортъ. Антонъ Павловичъ поспѣшилъ къ нему вмѣстѣ съ его матерью и обратился къ ней:

— «Боитесь, чтобы онъ въ море не упалъ?

— Да.

— А еслибы упалъ?

— Я бы бросилась за нимъ.

— И я бы тоже бросился,—тихо и спокойно замѣтилъ Чеховъ и, положивъ руку на плечо мальчика, отвернулся и не сказалъ больше ничего» [1]).

Не характерно ли, что по окончанiи университета онъ подавалъ прошенiе о зачисленiи его врачомъ именно въ дѣтскую больницу и что въ качествѣ вольнопрактикующаго особенно удачно лѣчилъ какъ разъ дѣтей?

Душа ребенка была ему глубоко понятна, ибо въ немъ самомъ въ теченiе всей его жизни никогда не умирало дитя, какъ олицетворенiе нѣжной простоты.

...Въ Ялтѣ Антонъ Павловичъ подолгу сиживалъ на верандѣ рядомъ съ сироткой 3—4 лѣтъ и сосредоточенно слушалъ ее, а она безъ умолку лепетала ему свои дѣтскiя наивныя слова и путалась ручонками въ его бородѣ [2]).

Чеховъ видѣлъ въ дѣтяхъ великую возможность и соотвѣтственно этому надѣлялъ ихъ самыми привлекательными чертами, какiя только могутъ быть присущи не обвѣяннымъ жесткимъ дыханiемъ жизни.

Но если отъ его картинъ спецiально дѣтскаго мiрка [3]) вы обратитесь къ тѣмъ произведенiямъ, въ которыхъ онъ сталкиваетъ ребенка съ взрослымъ, то увидите, какъ безпощадно эта великая возможность попирается.

И отношенiе автора къ этому многогранному факту заставитъ васъ вспомнить объ Антошѣ, питавшемъ безконечную сим-

---

[1]) А. Ѳедоровъ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова». М. 1906, стр. 107.

[2]) А. Купринъ. Ibidem.

[3]) «На Страстной недѣлѣ», «Кухарка женится», «Дѣтвора», «Мальчики», «Событiе».

патію къ служившимъ въ лавкѣ его отца Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ: эти одинокіе и забитые хохлята во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ представляютъ собой какъ бы экранъ, на которомъ художественный рефлекторъ писателя останавливается съ особо любовной грустью.

Чтобы хоть на часокъ вздремнуть, измученная Варька душитъ въ люлькѣ неугомоннаго младенца [1].

Подмастерье Ванька пишетъ «на деревню дѣдушкѣ» слѣдующее письмо: «А вчерась мнѣ была выволочка, хозяинъ выволокъ меня за волосы во дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейною мордою начала меня въ харю тыкать. А намедни хозяинъ колодкою по головѣ ударилъ меня, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой» [2].

За пропажу шапки Кузька услышалъ такой окрикъ: «Я тебѣ уши оборву! Поганецъ этакій!». Когда она тутъ же на днѣ телѣги нашлась, онъ «рукавомъ стряхнулъ съ нея сѣно, надѣлъ и робко все еще съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, точно боясь, чтобы его не ударили сзади, полѣзъ на повозку» [3])

Единственной утѣхой Васи было пальто и записная книжка съ золотой надписью «Nota bene». Отецъ пропилъ ихъ. Спустилъ и шаль, укутавшись въ которую юнецъ шелъ въ школу. Затѣмъ скрылся. Покинутый сынъ поступилъ въ прачечную, а оттуда—къ проституткѣ, гдѣ его уже звали «вышибалой» [4].

Карточный проигрышъ былъ сорванъ на Ѳедѣ: «Не ревѣть! Хочешь, чтобы я тебя, подлеца этого, высѣкъ?» [5].

По просьбѣ матери жилецъ безпощадно выпоролъ ея сына Ваню за провалъ на экзаменѣ по греческому языку [6].

Егорушку повезли въ городъ отдавать въ гимназію, помѣстили на частной квартирѣ, преподали нѣсколько наставленій, оставили двугривенный,—и кончено: «Какова то будетъ его жизнь?» [7].

Мечтавшій о жизни «чистой, благородной, теплой, изящной, полной любви, ласкъ и раздолья» и покончившій съ собой Володя раньше стоналъ: «Мнѣ не стыдно своей бѣдности, но стыдно, что у меня такая мать. Когда мои товарищи спрашиваютъ о васъ, я всегда краснѣю» [8].

---

1) «Спать хочется». 2) «Ванька». 3) «Бабы». 4) «Старый домъ». 5) «Отецъ семейства». 6) «Случай съ классикомъ». 7) «Степь». 8) «Володя».

Отецъ, глядя на коллекцію насѣкомыхъ Пети, среди которыхъ многія были еще живы и шевелились, думалъ: «Боже, какъ онъ мерзко воспитывается!» [1]).

Алеша, несмотря на данное ему честное слово, былъ жестоко обманутъ. «Онъ дрожалъ, заикался и плакалъ. Это онъ въ первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу такъ грубо столкнулся съ ложью; ранѣе онъ не зналъ, что на этомъ свѣтѣ, кромѣ сладкихъ грушъ, пирожковъ и дорогихъ часовъ, существуетъ еще и многое другое, чему нѣтъ названія на дѣтскомъ языкѣ» [2]).

Вотъ какъ протекала жизнь тѣхъ, кто представлялся Чехову мощной благотворной силой, способной проявить себя даже въ исключительной обстановкѣ:

«Самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ—это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости и радости... Присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку... Дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія» [3]).

Ссыльные хорошо понимаютъ и дорого цѣнятъ ихъ... Но это—тамъ... Это—далеко... А здѣсь, среди насъ «неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей, и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери» [4]).

Въ этомъ похоронномъ звонѣ на дѣтскомъ погостѣ явственно слышится эхо пережитого самимъ колоколомъ и во многихъ отношеніяхъ—увы!—совсѣмъ еще не стараго закала.

Но можетъ быть это только такъ кажется и подтвержденіе этого, встрѣчаемое въ трагедіи дѣтства Антоши—мнимое?

Будучи ученикомъ VII класса, Чеховъ написалъ уничтоженную имъ впослѣдствіи большую драму. Юное творчество всегда черпаетъ свое содержаніе въ непосредственно окружающей его дѣйствительности. Поэтому крупнѣйшее раннее произведеніе Антона Павловича пріобрѣтаетъ громадное показательное значеніе, хотя отъ него осталось лишь заглавіе: «Безотцовщина»...

Наконецъ, выслушайте его исповѣдь, и ужъ тогда станетъ совершенно очевиднымъ, что дѣтства, какъ отрады, у него дѣйствительно не было.

---

[1]) «Лишніе люди». [2]) «Житейская мелочь». [3]) «Островъ Сахалинъ», т. XVI, стр. 65—66. [4]) «Три сестры».

«Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда перестали драть, была страшная» [1]).

Незадолго до смерти, коснувшись въ бесѣдѣ греческой школы, Антонъ Павловичъ сказалъ:

— «Не люблю я вспоминать о ней. Много испортила она моихъ дѣтскихъ радостей...» [2])

Въ другомъ случаѣ, отвѣчая на восторженный отзывъ объ извѣстномъ педагогѣ Рачинскомъ, Чеховъ тяжко вздохнулъ:

«Я готовъ за Рачинскаго животъ свой положить, но, милый другъ... разрѣшите мнѣ это «но» и не сердитесь — я не отдалъ бы въ его школу своихъ дѣтей. Почему? Я получилъ въ дѣтствѣ религіозное образованіе и такое же воспитаніе—съ церковнымъ пѣніемъ, съ чтеніемъ Апостола и каѳизмъ въ церкви, съ исправнымъ посѣщеніемъ утрени, съ обязанностью помогать въ алтарѣ и звонить на колокольнѣ. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ; религіи у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли тріо «Да исправится» или же «Архангельскій гласъ», на насъ всѣ смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками. Да, милый! Рачинскаго я понимаю, но дѣтей, которыя учатся у него, я не знаю. Ихъ души для меня потемки. Если въ ихъ душахъ радость, то они счастливѣе меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданіемъ» [3]).

Литература объ Антонѣ Павловичѣ довольно велика. Между тѣмъ, до сихъ поръ на это не было обращено никакого вниманія, и никто не сдѣлалъ попытки исчерпывающе обнажить и показать этотъ едва ли не важнѣйшій корень жизнечувствія, а, стало быть, и творчества такъ рано ушедшаго отъ насъ человѣколюбца.

Это тѣмъ болѣе странно, что самъ Чеховъ толкалъ изслѣдованіе именно на такой путь:

«Спасибо за ласковое слово и теплое участіе. Меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, при-

---

[1]) А. Суворинъ. «Маленькія письма». «Новое Время» 1904, № 10179.

[2]) А. С—ой. Чеховъ въ греческой школѣ. «Вѣстникъ Европы» 1907, IV, стр. 545—571.

[3]) Письма. И. Л. Щеглову 9 марта 1889.

нимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Поэтому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно» [1]).

Гуманизмъ Антона Павловича—отблескъ слезъ Антоши... И—тѣмъ болѣе горькихъ, что въ немъ уже тогда было чрезвычайно развито сознаніе человѣческаго достоинства. Послушайте его наставленіе младшему брату. Трудно повѣрить, что оно вышло изъ-подъ пера 16-лѣтняго юнца и—когда? Болѣе четверти вѣка тому назадъ!

«Письмо твое я получилъ какъ разъ въ самый разгаръ ужаснѣйшей скуки, зѣвая у воротъ, а потому ты можешь судить, какъ оно, длиннѣйшее, пришлось весьма кстати. Почеркъ у тебя хорошъ, и во всемъ письмѣ я не нашелъ на единой грамматической ошибки. Не нравится мнѣ только одно: зачѣмъ ты величаешь свою особу «незамѣтнымъ братишкой»? Ничтожество свое сознаешь? Не всѣмъ, братъ, Мишамъ быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай, знаешь гдѣ? Предъ Богомъ, пожалуй, предъ умомъ, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Вѣдь ты не мошенникъ, честный человѣкъ? Ну, и уважай въ себѣ честнаго малаго и знай, что честность вовсе не ничтожность. Не смѣшивай «смиряться» и «сознавать свое ничтожество».

III.

Покинувъ Таганрогъ, Чеховъ съ любовью вспоминалъ о родномъ городѣ и питалъ къ нему трогательную симпатію:

«Мой дядя, Митрофанъ Георгіевичъ—извѣщалъ онъ городского голову—писалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ нимъ Вамъ угодно было выразить желаніе, чтобы я прислалъ свои книги въ Таганрогскую городскую библіотеку. Такое Ваше вниманіе ко мнѣ, мною незаслуженное, слишкомъ лестно для моего авторскаго самолюбія, и я не нахожу словъ, чтобы благодарить Васъ. Я счастливъ, что могу хотя чѣмъ-нибудь быть полезенъ родному городу, которому я многимъ обязанъ и къ которому продолжаю питать теплыя чувства. Уѣзжая изъ Москвы, я поручилъ выслать на Ваше имя «Пестрые разсказы», три книги, четвертая моя книга вся распродана и будетъ напечатана слѣдующимъ изданіемъ, по-

[1]) Ibidem. В. А. Тихонову. Безъ даты. Стр. 142.

моемъ возвращеніи, т. е. не раньше будущаго года. Между прочимъ я поручилъ послать Вамъ экземпляръ «Власти тьмы» Л. Толстого, съ собственноручною авторскою надписью. Я прошу городскую библіотеку принять отъ меня этотъ небольшой подарокъ, какъ со-временемъ буду просить принять отъ меня и всѣ тѣ книги съ авторскими факсимиле, какія у меня теперь имѣются и какія я собираю и сохраняю спеціально для библіотеки моего родного города» [1]).

Съ тѣхъ поръ отъ него стали періодически получаться цѣлые транспорты книгъ (изъ Ниццы—полное собраніе французскихъ классиковъ въ 319 томахъ), и городская библіотека, до того въ теченіе 12 лѣтъ не пополнявшаяся новыми изданіями, привлекла къ себѣ особое вниманіе муниципалитета.

Въ сопровождавшемъ одну изъ посылокъ письмѣ есть приписка, характеризующая крайнюю деликатность Антона Павловича

«Мой посыльный забылъ заплатить на станціи стоимость пересылки книгъ. Посылая при этомъ пять руб., прошу деньги эти отправить на вокзалъ вмѣстѣ съ накладной для полученія книгъ» [2]). Онѣ прибывали отъ него вплоть до его кончины и, часто заключая въ себѣ библіографическую рѣдкость, заняли отдѣльный шкафъ, носящій названіе «Чеховскаго отдѣленія». Тѣ изъ нихъ, что съ автографами, не выдаются публикѣ и замѣнены для нея дубликатами. Вотъ перечень экземпляровъ, надпись на которыхъ представляетъ большій интересъ:

Авилова, Л. А. «Счастливецъ» и др. разсказы. «Гордому мастеру отъ подмастерья. Л. Авилова. 12 января 96 г.»

Отвѣтъ Чехова: «Почему вы назвали меня гордымъ мастеромъ? Горды только индюки. Гордому мастеру чертовски холодно. Морозы 20» [3]).

Бальмонтъ, К. Д. «Тишина». Антону Павловичу Чехову отъ искренняго поклонника его прекраснаго артистическаго таланта. А. Бальмонтъ. Ялта, сентября 98 г.

Гаринъ, Н. «Дѣтство Темы» и «Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ». Изданіе 3. Проникновеннѣйшему изъ писателей Антону Павловичу Чехову отъ горячо любящаго Н. Гарина. 30 октября 1903 г.

Гиляровскій, В. А. «Забытая тетрадь». Антону Павловичу Чехову. Вл. Гиляй.

---

[1]) К. Г. Фоти, 3 мая 1890. «Приазовская Рѣчь» 1910, № 40.

[2]) Къ кончинѣ А. П. Чехова. «Приазовскій Край» 1904, № 176.

[3]) А. Авилова. Мои воспоминанія. «Русскія Вѣдомости» 1910, № 13.

Пройдутъ года... Откроешь ты
Тетрадь случайно предъ собою,
И пусть кипучею волною
Воскреснутъ съ прелестью былого
Далекой юности мечты.

Григоровичъ, Д. В. «Не по хорошему милъ — по милому хорошъ». Дорогому товарищу по литературѣ, Антону Павловичу Чехову на память отъ сердечно ему преданнаго Григоровича. СПБ. 10 января 89 г.

Кругловъ, А. В. «Стихотворенія». Многоуважаемому Антону Павловичу Чехову.

Смолкли бурливыя вешнія воды,
Тучей затянута даль...
Годы прошедшіе—грѣшные годы,
Сердцу ихъ все-таки жаль.

На память о томъ далекомъ свѣтломъ, огни котораго грѣютъ меня и нынѣ въ суровую осень. Здѣсь Вы найдете меня и такимъ, какимъ я былъ тогда, когда мы встрѣтились впервые, и меня,—какой я нынѣ. Я могъ писать слабо, но я писалъ всегда искренно—искренно преданный авторъ 27 I. 1904 г. Москва.

Купринъ, А. «Миніатюры». Глубоко уважаемому Антону Павловичу Чехову съ чувствомъ большой робости авторъ.

Лазаревскій, Б. «Повѣсти и разсказы». «Я не знаю, что написать вамъ, дорогой Антонъ Павловичъ, но одна мысль, что вы будете читать эти разсказы, даетъ большое счастье». 1903 г. VIII. 24.

Незнакомецъ (А. Суворинъ) «Очерки и картинки». Милому другу Алекс. Л. Боровиковскому, на память о прекрасной защитѣ (рѣшеніе палаты), отъ патентованнаго клеветника А. Суворина, 2 апр. 75 г. Милому Антону Павловичу Чехову, на память сей экземпляръ, пріобрѣтенный у букиниста. А. Суворинъ. 24 февраля 96 г.

Примѣчаніе Чехова: «Эта книга имѣетъ свою исторію. Какъ то зимою я и А. С. Суворинъ шли по Мало-Итальянской улицѣ. Мы говорили о прошломъ, когда онъ писалъ подъ псевдонимомъ Незнакомца и считался лучшимъ фельетонистомъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ лѣтъ 15 назадъ его судили за книгу «Очерки и разсказы», въ которой онъ собралъ нѣкоторые свои фельетоны, имѣвшіе въ ту пору большой успѣхъ. Я спросилъ его:—Отчего бы вамъ не подарить мнѣ эту книгу? У меня ея нѣтъ. Онъ сказалъ, что у него тоже нѣтъ, но что возможно спросить у букиниста. Выйдя на Литейную, мы зашли

къ букинисту. На мое счастье, нашелся одинъ экземпляръ, тотъ самый, который подарилъ А. С. Суворинъ своему защитнику г. Боровиковскому, когда судился за клевету».

Орловъ. «По организаціи губернской врачебной части» Безподобному Антонію Ялтинскому, пѣснотворцу отъ писца Іоанна земца Солнечногорскаго въ ознаменованіе содружества 22 марта 1903.

Пальминъ, Л. «Цвѣты и змѣи». Уважаемому собрату по перу Антону Чехову отъ автора на добрую память 3 августа 1883. Москва. Л. Пальминъ.

Коллега! Милый мой Антоша;
По обѣщанью шлю «Уставъ»
Сейчасъ немножечко уставъ
И волосы себѣ ероша,
Сижу одинъ я въ тишинѣ,
При чемъ Калашниково пиво
Юмористически игриво
Въ стаканѣ искрится на днѣ.
Поклонъ мой брату Николаю,
Ему добра душой желаю
И Лейкину вчера писалъ,
Чтобы тортонъ ему прислалъ,
Писалъ про ваше сочиненье,
Писалъ, что нужно, безъ сомнѣнья,
Васъ въ Пушкинскій кружокъ избрать.
Простите тяжесть бѣглой риѳмы,
Какъ математикъ логарифмы,
Всегда могу ее сыскать,
Какъ мореходъ на острый рифъ мы,
Поэты, лѣземъ всѣ на риѳмы.
Ну, до свиданья. Въ гости жду
Васъ купно съ братомъ Николаемъ.
Затѣмъ, Вамъ съ музой посылаемъ
Поклонъ. Сейчасъ гулять иду
И въ ящикъ сдать посланье это.
Не забывайтеже поэта.

Примѣчаніе Чехова:

1) «Уставъ», вѣроятно, Пушкинскаго кружка:

2) «Тортонъ» — бумага, особымъ образомъ приготовленная, употребляемая иллюстраторами: покойный братъ Н. П. часто рисовалъ на ней для «Всемірной иллюстраціи», «Осколковъ» и др.

Потапенко, И. Н. «Одинъ». Antonio Die Cecco, uno celebrissimo nouvellissimo die modesto autore Don Ignatias Potapenko 1896 anno, 8 Iarollario Santo Petro и «Голодъ» Плохому писателю Антону Чехову отъ плодовитаго Потапенко. СПБ. 96 г. 8 января.

Розановъ, В. В. «Литературные очерки». Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову на добрую память отъ автора 8 мая 99 года. Спасибо вамъ за милое и прекрасное письмо, дай Богъ здоровья и поправленія. Простите, что не отвѣтилъ: тысяча причинъ, изъ коихъ недостатокъ времени *сосредоточиться* такой, какъ бы не было чернилъ въ чернильницѣ, т. е. столь же *непереступаемый*. Хотѣлъ бы вашему пріятелю послать «Религію культуры», гдѣ объяснена моя точка зрѣнія на полъ, да ни одного экземпляра не осталось. Подавай Богъ ему успѣха, *да надо держать себя въ рукахъ*. Это величайшая тайна жить, работать и успѣвать. Не забывайте меня и не забывайте обѣщанія кое-что дать для литературныхъ приложеній «Торгово-Промышленной газеты».

Сементковичъ. «Опасное начинаніе». Глубокоуважаемому А. П. Чехову отъ автора.

Примѣчаніе Чехова: «В. Н. Сементковичъ, инженеръ-механикъ, потомственный дворянинъ, домовладѣлецъ и эсквайръ, многихъ россійскихъ и иностранныхъ орденовъ и знаковъ отличія кавалеръ, Государю своему титулярный совѣтникъ, представленный за выслугу лѣтъ къ чину коллежскаго ассесора, женатъ, имѣетъ 6 дѣтей, онъ 36 лѣтъ, 289 сантим., вѣситъ 7 пудовъ».

Щегловъ, Ив. «Гордіевъ узелъ». Моему любимому писателю, Антону Павловичу Чехову. Ив. Щегловъ. СПБ. 9 дек. 87 года.

По случаю вѣнчанія Антона Чехова академіей наукъ.

«Виватъ», Чеховъ Антуанъ,
Нашъ «газетный атаманъ»,
Пусть прославитъ нашъ романъ
И наполнитъ свой карманъ.

Душевно преданный Иванъ Щегловъ, Москва, 8 окт. 94 г.

Щепкина-Куперникъ. «Странички жизни» А. П. Чехову отъ искренно любящей его, какъ человѣка, и сердечно почитающей, какъ писателя, его «микроскопической коллеги» Щепкиной-Куперникъ.

Кромѣ книгъ покойный присылалъ портреты писателей, въ общемъ составившіе коллекцію изъ 30 снимковъ, также съ авторскими факсимиле, какъ, напримѣръ, отъ Бальмонта:

«Одному изъ немногихъ, читая кого
Я позналъ, что красивы людскія страданья,
И что сладко сплетать изъ мученій мечтанья
И что сердце мое не мертво»

«Дорогому другу-писателю Антону Павловичу Чехову на память отъ Григоровича 20 января 1899 года».

Отъ Даля (казакъ Луганскій):

«Тому, который преуспѣлъ
И мудро сочетать сумѣлъ:
Умъ пламенный съ душою мирной,
Безпечность съ жизнью трудовой,
Насмѣшку съ милой простотой,
И лиру съ трубкою клистирной».

Зная недостаточность занятаго городской библіотекой частнаго помѣщенія, Антонъ Павловичъ настаивалъ на сооруженіи для нея особаго зданія и, прочтя о проектѣ совмѣстить ее въ одномъ домѣ съ народнымъ театромъ, живо откликнулся на это:

«Народная читальня и народный театръ должны имѣть свое помѣщеніе, а городская библіотека свое. Просвѣтительныя учрежденія не слѣдуетъ концентрировать въ одномъ мѣстѣ, нужно ихъ разбрасывать по городу — это разъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ бояться тѣсноты, толкотни, надо бояться шума, который нуженъ въ театрѣ и такъ мѣшаетъ въ библіотекѣ. Въ-третьихъ, когда нѣсколько учрежденій одного характера помѣщаются подъ одной крышей, то одно изъ нихъ должно поглотить другое. Въ-четвертыхъ, кухарка библіотекаря, смотритель театра и проч. и проч. будутъ ссориться и ссорить между собой хозяевъ. А главное, въ-пятыхъ, городская библіотека, какъ книгохранилище, должна занимать свое собственное, просторное, привлекательное для публики помѣщеніе, и должна быть увѣренность при этомъ, что по мѣрѣ надобности помѣщеніе библіотеки можно будетъ расширить. А если съ одного боку читальня, съ другого театръ, то ужъ о расширеніи тутъ и думать нечего. Вѣдь при ростѣ теперешней культурной жизни никто не можетъ поручиться, что для библіотеки не понадобится чрезъ 25 — 40 лѣтъ пятиэтажное зданіе! Театры же—учрежденія наполовину коммерческія; дайте срокъ, и они сами начнутъ расти, какъ грибы, и на каждой улицѣ будетъ по театру, именно такому театру, какой этой улицѣ нуженъ. Какъ въ Неаполѣ, напримѣръ» [1]).

Чрезъ посредство Чехова Антокольскій согласился, чтобы памятникъ основателю Таганрога, Петру Великому, представлялъ собой копію съ его извѣстной статуи, и не только взялъ на

[1]) А. Б. Тараховскому, 1899. «Приазовская Рѣчь» 1910, № 42.

себя хлопоты по заказу его въ Парижѣ, но и лично наблюдалъ за ходомъ работы.

Интересуясь мѣстной жизнью, Антонъ Павловичъ получалъ тамошнія газеты и, если въ ихъ полученіи почему-либо происходилъ перерывъ, немедленно отъ него приходило срочное напоминаніе о присылкѣ или извѣщеніе о перемѣнѣ адреса. Какъ внимательно онъ читалъ ихъ и какъ относился къ ихъ извѣстіямъ, — объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: въ Таганрогѣ въ 1898 году контора торговаго дома «Луи Дрейфусъ и К°» ради сокращенія штата внезапно уволила часть служащихъ. Объ этомъ въ «Приазовскомъ Краѣ» появился фельетонъ. Авторъ его сейчасъ же получилъ отъ Чехова письмо:

«Вашу статью насчетъ Луи Дрейфуса я послалъ въ Парижъ, Maison Dreyfus. Тамъ читаютъ по-русски, и одинъ изъ братьевъ Дрейфусъ, кстати, учится читать и говорить по-русски. Онъ будетъ вамъ благодаренъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, все это творится безъ вѣдома парижской конторы. Впрочемъ, утверждать не стану» [1]).

Съ тѣмъ большей готовностью Антонъ Павловичъ отзывался на обращенныя къ нему оттуда просьбы. Въ такихъ случаяхъ онъ давалъ совѣты и указанія, извинялся за малѣйшее промедленіе, посылалъ депеши, и распространялъ свое попеченіе до мелочей, какъ это было, напримѣръ, съ обремененнымъ семьей и лишеннымъ всякихъ средствъ полицейскимъ чиновникомъ:

«Санаторіи въ Ялтѣ всѣ полны, и кандидаты на всѣ мѣста, которыя освобождаются, давно записаны. Но все же устроить Вашего больного удалось кое-какъ. Пусть онъ теперь ѣдетъ въ Ялту на пароходѣ изъ Таганрога—это дешевле и здоровѣе, а въ хорошую погоду и удобнѣе, — а пріѣхавъ въ Ялту рано утромъ, пусть вещи свои оставитъ въ агентствѣ р. о. п. и т., а въ 8—9 часовъ пусть поѣдетъ въ полицейское управленіе и спроситъ Михаила Михайловича Гвоздевича, частнаго пристава. Съ г. Гвоздевичемъ я говорилъ сегодня и онъ далъ мнѣ слово, что устроитъ Вашего больного. Если же случится, онъ не найдетъ Гвоздевича, то пусть изъ агентства поговоритъ со мной въ телефонъ, я скажу, гдѣ ему остановиться, или пусть обратится къ брату моему Г. М. Чехову, служащему въ агентствѣ Р. О., и тотъ научитъ его, какъ и что предпринять. Если онъ, Вашъ больной, пріѣдетъ въ Ялту вечеромъ, то пусть поступитъ

---

[1]) А. Б. Тараховскому, 2 апрѣля 1899. Ibidem.

точно также. Вообще пусть не волнуется и не спѣшитъ, пароходъ въ Ялтѣ стоитъ три часа, и онъ успѣетъ и вещи свои пристроить, и съ братомъ моимъ поговорить... Скажите больному, что у меня есть телефонъ. Я всегда къ его услугамъ»[1]).

Каждый откликъ изъ родного города радовалъ Чехова:

«Все, что мнѣ присылаютъ и пишутъ изъ Таганрога, я получаю съ большимъ удовольствіемъ. Получилъ и фотографіи, и визитныя карточки, и мнѣ даже совѣстно, что меня такъ балуютъ»[2]).

Все время поддерживая переписку съ оставшейся у него тамъ родней, общественными дѣятелями и знакомыми, онъ особенно симпатизировалъ своему бывшему законоучителю. Приславъ ему подстаканникъ и получивъ отъ него трогательное письмо, Антонъ Павловичъ пожалѣлъ, что подарокъ былъ такъ малоцѣненъ и, зная о слабости старика ко всякаго рода знакамъ отличія, выхлопоталъ ему въ Парижѣ... болгарскій орденъ:

«Милый Жоржъ, будь добръ, повидайся съ протоіереемъ Ѳ. П. Покровскимъ и конфиденціально сообщи ему, что онъ представленъ къ болгарскому ордену за заслуги, оказанныя имъ въ послѣднюю русско-турецкую войну. Немножко поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Необходимыя формальности уже соблюдены, и ему остается ждать только изъ Болгаріи отвѣта,— конечно, вполнѣ удовлетворительнаго»[3]).

Въ каждой строкѣ Чехова къ согражданамъ чувствуется его тяготѣніе къ Таганрогу:

«Безъ Москвы не могу себя представить. Но и Таганрогъ мнѣ дорогъ, послѣ Москвы я болѣе всего люблю Таганрогъ»[4]).

Въ 1897 году онъ жалуется:

«Будущее мое неопредѣленное, повидимому, придется жить гдѣ-нибудь на югѣ. Крымъ скученъ до безобразія, на Кавказѣ лихорадка. За границей меня всякій разъ донимаетъ тоска по родинѣ. Для меня, какъ уроженца Таганрога, было бы лучше всего жить въ Таганрогѣ, ибо дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, но о Таганрогѣ, его климатѣ мнѣ извѣстно очень мало, почти ничего»[5]).

---

[1]) Ему же. Безъ даты. «Приазовская Рѣчь» 1910, № 44.

[2]) Ему же. Безъ даты. Ibidem.

[3]) Г. М. Чехову, 28 апрѣля 1898. «Утро» 1910, № 944.

[4]) Шиллеръ изъ Таганрога. Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ. Разговоры и письма. «Приазовскій Край» 1904, № 182.

[5]) П. Ф. Іорданову (бывшій городской голова Таганрога). «Приазовская Рѣчь» 1910, № 45.

Въ 1898 году—повторяетъ:

«Еслибы не бациллы, то я поселился бы въ Таганрогѣ года на два, на три и занялся бы райономъ Таганрогъ-Краматоровка-Бахмутъ-Звѣрево. Это фантастическій край. Донецкую степь я люблю и когда то чувствовалъ себя въ ней, какъ дома, и зналъ тамъ каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Сауръ-могилу, разсказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайскаго, вспоминаю, какъ я ѣздилъ на волахъ въ Криничку и въ Крѣпкую графа Платова, то мнѣ становится грустно и жаль, что въ Таганрогѣ нѣтъ беллетристовъ и что этотъ матеріалъ, очень милый и цѣнный, никому не нуженъ» [1]).

На этомъ письмѣ печать: *«Одинокому вездѣ пустыня»*.

Въ 1900 году—пишетъ:

«Я охотно поселился бы въ Таганрогѣ, еслибы тамъ была зима помягче» [2]).

Въ 1902 году—снова возвращается къ этой мысли:

«Еслибы въ Таганрогѣ былъ водопроводъ, продалъ бы я свой домъ въ Ялтѣ, и пріобрѣлъ бы какое-нибудь логовище въ Таганрогѣ на Петровской или Греческой улицѣ и зажилъ бы здѣсь навсегда. Но безъ водопровода я не могу. Я привыкъ къ нему» [3]).

Чеховъ признается:

«Тянетъ сюда. Хоть на нѣсколько дней я долженъ отъ времени до времени сюда пріѣхать. Знакомыхъ у меня здѣсь почти нѣтъ, но есть родственники и много мѣстъ, съ которыми связаны лучшія воспоминанія» [4]).

Когда его посѣтилъ организаторъ литературнаго сборника, который предполагалось посвятить исключительно Дону, Антонъ Павловичъ обрадовался:

«Такъ вы донецъ... Не правда ли, какъ у насъ тамъ хорошо?»

Пріѣзжій освѣдомился, часто ли Антонъ Павловичъ бываетъ на родинѣ.

«Нѣтъ, рѣдко удается, но каждый разъ я отдыхаю на этомъ просторѣ, полномъ приволья, невольно отдаю себя во власть воспоминаніямъ дѣтства, а это, какъ и вы навѣрное испытали,

---

[1]) Ему же. Ibidem.

[2]) А. Б. Тараховскому. «Приазовская Рѣчь» 1910, № 44.

[3]) П. Ф. Іорданову. «Приазовская Рѣчь» 1910, № 45.

[4]) Шиллеръ изъ Таганрога. Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ. Разговоры и письма. «Приазовскій Край» 1904, № 182.

самое цѣлительное средство отъ житейской горечи... А взять самое населеніе—я знаю, что казаки обѣднѣли и скоро съ своими пайками станутъ на одну линію съ мужиками, которыхъ они не любятъ, а посмотрите, какой лихой и молодцеватый народъ... Шапку на бекрень и «Дунай, мой Дунай».

Собесѣдникъ сознался, что подобно многимъ донцамъ убѣжденъ въ другомъ далеко не лестномъ мнѣніи автора о Донѣ и его землякахъ.

«Думая такъ, вы отчасти были правы. Мнѣ больно было видѣть, что такой просторъ, гдѣ всѣ условія созданы, казалось, для широкой культурной жизни, положительно окутанъ невѣжествомъ, и притомъ невѣжествомъ, исходящимъ изъ правящей офицерской среды. Тутъ виноваты другія, внѣ власти казаковъ стоящія причины, но это—главная. Будь офицеръ, который на самомъ дѣлѣ является главнымъ воспитателемъ казака, образованнѣе, культурнѣе духомъ, я увѣренъ, что не было бы такого невѣжества, и «печенѣги» всѣ бы перевелись [1]).

Пріѣзжая въ Таганрогъ, Чеховъ часами просиживалъ на берегу моря, въ порту, Карантинѣ и Дубкахъ или въ уединенныхъ аллеяхъ городского сада.

«Ни одного знакомаго. Все новые люди,—говорилъ онъ,—а, между тѣмъ, все по-прежнему. И тотъ же кругъ, и также ходятъ вокругъ музыкальной эстрады, и молчатъ и скучаютъ. Все до мелочей осталось, какъ было въ мое время, когда я бѣгалъ сюда гимназистомъ. Какъ будто вчера это было... Что, теперь не дерутся гимназисты съ уѣздниками? А мы дрались на Гимназической аллеѣ и ужасно бранились всякими словами, и даже не понимали ихъ значенія. Я очень любилъ ходить по Елисаветинской улицѣ. Тамъ ужасная пыль. Я забирался на самую середину улицы и пыль подбрасывалъ ногами, а дѣвицы, которыя сидѣли за воротами, бранились и визжали. Мнѣ это доставляло большое удовольствіе...» [2]).

Однажды въ городскомъ саду Антону Павловичу указали помощника классснаго наставника. Онъ пошелъ за нимъ и, когда тотъ остановился, протянулъ руку; и счастливая улыбка легла на его исхудавшемъ лицѣ.

---

[1]) А. Полоферовъ. «Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ» 1904, № 12.

[2]) Шиллеръ изъ Таганрога. Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ. Разговоры и письма. «Приазовскій Край» 1904, № 184.

«Вуковъ не зналъ, кто это такъ любовно пожимаетъ ему руку, ласково смотритъ въ глаза и не можетъ вымолвить ни слова.

— Вѣроятно, въ нашей гимназіи учились...

— Да, вѣдь, это Чеховъ! Не узнали?—сказали окружающіе.

— Чеховъ! Антонъ! Знаменитость!

У старика блеснули слезы, а «знаменитость» любовно улыбалась, мысли писателя были далеко въ безвозвратно минувшемъ прошломъ...» [1].

Онъ воскрешалъ его и подолгу бродя по коридорамъ гимназіи, въ которой нѣкогда учился и гдѣ у него были негласные стипендіаты, при чемъ за одного изъ нихъ Чеховъ секретно вносилъ плату до окончанія курса.

Въ 1904 году Таганрогъ готовился было отпраздновать 25-лѣтіе литературной дѣятельности своего славнаго уроженца, пріурочивъ чествованіе ко дню рожденія—17 января. Между прочимъ было рѣшено: просить Антона Павловича принять званіе почетнаго гражданина, наименовать Александровскую улицу и общественную библіотеку «Чеховскими» и образовать особый фондъ для устройства ряда просвѣтительныхъ учрежденій съ такимъ же наименованіемъ всѣхъ ихъ. Но почти весь планъ рухнулъ. Чеховъ извѣстилъ члена городской управы, Іорданова:

«Мнѣ нездоровится. Настроеніе у меня совсѣмъ не юбилейное. Я прошу оттянуть празднованіе моего юбилея до болѣе благопріятнаго будущаго» [2].

Оно не пришло...

Даже въ своемъ духовномъ завѣщаніи Антонъ Павловичъ не забылъ родного города: касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, членомъ которой Чеховъ состоялъ съ 1898 года, согласно волѣ покойнаго, выдала его долю въ размѣрѣ съ лишкомъ 1600 рублей городской библіотекѣ.

Обширное Приазовье отразилось въ творчествѣ Чехова весьма замѣтно. Его дѣтскія, юношескія и дальнѣйшія наблюденія надъ природой, бытомъ и людьми этого края претворились съ теченіемъ времени въ художественные образы и картины и въ такомъ видѣ всплыли въ цѣломъ рядѣ произведеній.

Въ «Степи» Малая Нижняя улица, гдѣ стоитъ «красный домичекъ» въ глубинѣ широкаго двора, это—предмѣстье Ново-

---

[1] Онъ же. Арабески «Приазовскій Край» 1904, № 178.

[2] Къ кончинѣ А. П. Чехова. «Приазовскій Край» 1904, № 176.

строенка. Курганы и каменныя бабы, уменьшительное Ера отъ Егоръ (такъ звали дѣда Антона Павловича), зернистая икра, которою о. Христофоръ угощаетъ болящаго,—все это таганрогское [1]).

«Палата № 6»—таганрогскій сумасшедшій домъ.

Въ «Счастьи» степной уголокъ обрисованъ такъ опредѣленно, что даже можно указать мѣстность, гдѣ стояла отара: это несомнѣнно вблизи слободы Успенки, такъ какъ упоминается о «далекой, похожей на облако» Сауръ-Могилѣ,—огромномъ курганѣ, стоящемъ въ глубинѣ таганрогскаго округа,—и о ближайшихъ селахъ: Матвѣевомъ-Курганѣ, Есауловкѣ, Городищѣ [2]).

«Печенѣгъ» съ фигурирующей въ немъ станціей Донецкой дороги «Провалье», вблизи которой жилъ одичалый Жмухинъ, охватываетъ сѣверную часть таганрогскаго округа, ровную, съ рѣдкими селами, хуторами и шахтами.

«Въ родномъ углу»—также: «Донецкая дорога. Невеселая станція, одиноко бѣлѣющая въ степи, тихая, со стѣнами, горячими отъ зноя, безъ одной тѣни и, похоже, безъ людей. Поѣздъ уже ушелъ... Вы садитесь въ коляску,—это такъ пріятно послѣ вагона,—и катите по степной дорогѣ... Степь, степь... Лошади бѣгутъ, солнце все выше, и кажется, что тогда въ дѣтствѣ степь не бывала въ іюнѣ такой богатой, такой пышной; травы въ цвѣту—зеленыя, желтыя, лиловыя, бѣлыя, и отъ нихъ, отъ нагрѣтой земли идетъ ароматъ...»

«Огни», въ которыхъ повѣствованіе ведется отъ имени инженера Ананьева, сообщающаго товарищамъ о случаѣ изъ дней своей молодости,—сплошь таганрогскіе.

Въ «Воронѣ» между прочимъ говорится объ и понынѣ живущемъ въ Таганрогѣ «учителѣ танцевъ Вронди, старцѣ, очень похожемъ на Оффенбаха».

«Перекати-поле» съ чуднымъ описаніемъ Святыхъ Горъ на р. Донцѣ изобилуетъ мѣстными названіями (Харьковъ, Ростовъ, Новочеркасскъ, Никитовка, Хацапетовка) и, начинаясь словами «я возвращался со всенощной», вполнѣ автобіографиченъ: выведенный въ немъ сожитель Антона Павловича по монастырской гостиницѣ оказался сыщикомъ [3]).

---

[1]) Танъ. На родинѣ Чехова. «Современный Міръ» 1910, I, стр. 170.

[2]) П. Сурожскій. Живые персонажи у Чехова. «Южный Край» 1910, № 9891.

[3]) Борисъ Лазаревскій. А. П. Чеховъ. Воспоминаніе. Повѣсти и разсказы. М. 1906. Т. II, стр. 20.

Въ «Хирургіи» разсказано таганрогское происшествіе. Дьяконъ до сихъ поръ живъ. Фельдшеръ уже умеръ.

«Бракъ по разсчету»—случай изъ таганрогской жизни.

Въ «Холодной крови» подъ именемъ Яши выведенъ дальній родственникъ Антона Павловича, повѣдавшій ему о своей поѣздкѣ съ быками изъ Таганрога въ Москву и послѣ при чтеніи очерка безмѣрно удивлявшійся: такъ вѣрно и мѣтко описано, точно самъ онъ съ нами былъ. И все правда: и телеграммы посылали, и жалобы писали, и взятки давали...

Въ «Львѣ и солнцѣ» таганрогскій эпизодъ переданъ безъ всякихъ измѣненій.

> Въ знакъ дружбы двухъ монархій, Россіи и Ирана,
> Изъ уваженья къ вамъ, почтеннѣйшій посолъ,
> Я радъ бы самъ себя распластать, какъ барана.
> Но, извините, я—оселъ.

Эти стихи дѣйствительно были посланы честолюбивому городскому головѣ.

«Человѣкъ въ футлярѣ»—мастерской портретъ Дьяконова, бывшаго много лѣтъ инспекторомъ таганрогской гимназіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его можно было видѣть на улицахъ, въ темныхъ очкахъ, съ ватой въ ушахъ, странно закутавшимся... Выйдя въ отставку, онъ жилъ замкнуто, почти нигдѣ не показываясь, весь уйдя въ свою работу, и 4 года тому назадъ умеръ, завѣщавъ 2 дома подъ училища и 75000 рублей на выдачу пособій и стипендій бѣднѣйшимъ учителямъ,—искупительная и, быть можетъ, вызванная очеркомъ Чехова жертва...

Въ «Страхахъ» разсказано личное переживаніе Антона Павловича въ бытность его въ таганрогскомъ округѣ.

«Жалобная книга» попалась ему на одной изъ станцій строившейся тогда Донецкой дороги.

Наконецъ, въ «Вишневомъ садѣ» данъ звукъ сорвавшейся бадьи, который обратилъ на себя вниманіе Антона Павловича при посѣщеніи имъ Донецкихъ каменно-угольныхъ копей.

IV

Въ спискѣ удостоившихся аттестата зрѣлости за 1879 годъ въ Таганрогѣ, въ графѣ «въ какой университетъ и по какому факультету, или въ какое высшее спеціальное училище желаетъ поступить» противъ фамиліи «Чеховъ» сказано: «Въ Московскій университетъ по медицинскому факультету».

Это рѣшеніе было принято имъ не сразу. Когда каждый заранѣе избиралъ себѣ дорогу, товарищи все допытывались у Антоши:

«Куда же ты думаешь поступить?

Онъ молчалъ и затѣмъ вдругъ выпаливалъ:

— Буду попомъ!

— Нѣтъ, серьезно, отчего ты скрываешь?

— Попомъ буду,—упорно твердилъ Антоша, и ужъ больше отъ него нельзя было добиться никакого отвѣта»[1]).

На самомъ же дѣлѣ никакой утайки въ этомъ случаѣ не было: Чеховъ самъ не зналъ, куда ему пойти. Онъ признается, что при поступленіи въ университетъ «вообще о факультетахъ имѣлъ тогда слабое понятіе» и почему остановился именно на медицинскомъ--не помнитъ [2]).

Въ университетѣ Антонъ Павловичъ не отдавалъ предпочтенія ни одной спеціальности, но въ общемъ былъ студентомъ работящимъ.

Исправно посѣщалъ лекціи, во время которыхъ сидѣлъ почему то на верхней партѣ, опираясь на ладони лицомъ, внимательно слушалъ профессора и дѣльно сдавалъ экзамены.

Будучи хорошимъ товарищемъ и очень интересуясь общестуденческой жизнью, онъ регулярно посѣщалъ собранія и сходки, но активнаго участія въ нихъ не принималъ.

Въ литературный трудъ Антонъ Павловичъ втянулся съ I курса. Помимо природнаго влеченія этому много способствовали его братья: сотрудничавшій въ юмористическихъ изданіяхъ студентъ-естественникъ, Александръ — и въ нихъ же выступавшій въ качествѣ каррикатуриста ученикъ училища живописи, ваянія и зодчества, Николай.

Своимъ заработкомъ Чеховъ служилъ главной опорой семьи, матеріальное положеніе которой было весьма тяжелымъ.

Необходимость поддерживать домъ сразу же сдѣлала его рабомъ поденщины, погубившей не одно дарованіе и несомнѣнно отозвавшейся на здоровьи Антона Павловича тѣмъ болѣе, что обстановка для работы была неблагопріятная.

Сначала Чеховы поселились въ одномъ изъ худшихъ районовъ Москвы, на Драчевкѣ (сейчасъ—Трубная улица). Тамъ они

---

[1]) Шиллеръ изъ Таганрога. Арабески. «Приазовскій Край» 1904, № 189.

[2]) Автобіографія. Юбилейный (XV) альбомъ врачей, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1884 г. М. 1899, стр. 13.

сняли полу-подвальную квартиру изъ 4 комнатъ. Въ ней размѣстились Евгенія Яковлевна съ дочерью, всѣ сыновья и родственница, т. е. 7 душъ.

Павелъ Егоровичъ, поступивъ на службу въ амбаръ Гаврилова (Теплые Ряды), въ немъ же и ночевалъ и приходилъ домой лишь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Онъ получалъ всего 600 рублей въ годъ.

Огромная доля жалованья уходила на плату за квартиру. Чтобы хоть нѣсколько облегчить это бремя, пришлось обзавестись жильцами.

Ихъ было 3: товарищи Антона Павловича по гимназіи, покойные врачи Зембулатовъ и Савельевъ и здравствующій ординаторъ 1-й Городской больницы въ Москвѣ Коробовъ. Такимъ образомъ, населеніе квартиры возросло до 10 человѣкъ. Было мало свѣта. Стало еще меньше воздуху.

Между тѣмъ подхлестываемый насущной необходимостью Чеховъ долженъ былъ писать необычайно быстро.

«Не помню я *ни одного* разсказа, надъ которымъ работалъ бы болѣе сутокъ, а «Егеря» [1]), который вамъ понравился, я писалъ въ купальнѣ. Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои разсказы: машинально, полубезсознательно, ни мало не заботясь ни о читателѣ, ни о себѣ самомъ... Отъ срочной работы избавлюсь не скоро. Выбиться изъ колеи, въ которую я попалъ, нѣтъ возможности. Я не прочь голодать, какъ уже голодалъ, но не во мнѣ дѣло. Письму я отдаю досугъ, часа 2—3 въ день и кусочекъ ночи, т. е. время, годное только для мелкой работы» [2]).

Если семейныя обстоятельства требовали отъ него срочности, то техника той прессы, въ которую онъ попалъ, вынуждала его наряду съ краткостью къ исключительному разнообразію:

«Кромѣ романа, стиховъ и доносовъ я все перепробовалъ. Писалъ и повѣсти, и разсказы, и водевили, и передовыя, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда комаровъ и мухъ [3]) для «Стрекозы» [4]).

Въ ней Антонъ Павловичъ дебютировалъ.

Въ № 2 «Стрекозы» за 1880 годъ въ «Почтовомъ ящикѣ» напечатано: «Москва. Драчевка, г. А. Че-ву. Совсѣмъ недурно.

---

[1]) «Петербургская Газета» 1885, № 194.

[2]) Письма. Д. В. Григоровичу, 28 марта 1886.

[3]) «Комары и мухи»—названіе отдѣла.

[4]) Письма. А. Н. Плещееву. Безъ даты, стр. 76.

Присланное помѣстимъ. Благословляемъ и на дальнѣйшее подвижничество».

Въ № 7: «Москва. Драчевка, г. А. Че-ву. «Прошеніе» длинно и натянуто; мелочью мы воспользовались».

То, что было «совсѣмъ недурно», пролежало въ портфелѣ редакціи 2 мѣсяца, «мелочь» — 3 недѣли и оба произведенія одновременно появились лишь въ № 10 подъ общимъ заголовкомъ: «Архивъ Стрекозы».

Вотъ то, что было «совсѣмъ недурно» и сейчасъ же выдаетъ Чехова.

Письмо донского помѣщика Степана Владиміровича N къ ученому сосѣду д-ру Фридриху.

Дорогой Сосѣдушко!

Фріедрихъ (забылъ, какъ по батюшкѣ, извените великодушно!) Извените и простите меня стараго старикашку и нелѣпую душу человѣческую за то, что осмѣливаюсь Васъ безпокоить своимъ жалкимъ письменнымъ лѣпетомъ. Вотъ уже цѣлый годъ прошелъ т. е. погрузился въ волнѣ вѣчности, какъ Вы изволили поселиться въ нашей части свѣта по сосѣдству со мной мелкимъ человѣчкомъ, а я все еще не знаю Васъ, а Вы меня тоже не знаете. Позвольте-жъ драгоцѣнный сосѣдушко хотя посредствомъ сихъ старческихъ іероглифовъ познакомиться съ Вами, пожать мысленно Вашу ученую руку и поздравить Васъ съ пріѣздомъ изъ Санктъ-Петербурга въ нашъ недостойный материкъ, населенный мужиками и крестьянскимъ народомъ т. е. плебейскимъ элементомъ. Давно искалъ я случая познакомиться съ Вами, жаждалъ, потому что наука въ нѣкоторомъ родѣ мать наша родная, все одно, какъ и цивилизацыя и потому что сердечно уважаю тѣхъ людей, знаменитое имя и званія которыхъ увѣнчанное ореоломъ популярной славы, лаврами, кимвалами, орденами, лентами и аттестатомъ съ дипломомъ гремитъ какъ громъ и молнія по всѣмъ частямъ вселенскаго міра сего видимаго и невидимаго т. е. подлуннаго. Я пламенно люблю астрономовъ, поэтовъ, метафизиковъ, приватъ-доцентовъ, химиковъ и другихъ жрецовъ науки, къ которымъ Вы себя причисляете чрезъ свои умные факты и отрасли наукъ т. е. продукты и плоды. Говорятъ, что вы много книгъ напечатали во время умственнаго сидѣнія съ трубами, градусниками и кучей заграничныхъ книгъ съ заманчивыми рисунками. Недавно заѣзжалъ въ мои жалкія владѣнія, въ мои руины и развалины мѣстный максимусъ понтифексъ отецъ Герасимъ и

со свойственнымъ ему фанатизмомъ бранилъ и порицалъ Ваши мысли и идеи касательно человѣческаго происхожденія и другихъ явленій міра видимаго и возставалъ и горячился противъ Вашей умственной сферы и мыслительнаго горизонта, покрытаго свѣтилами и аэроглитами. Я не согласенъ съ о. Герасимомъ касательно Вашихъ умственныхъ идей, потому что живу и питаюсь одной только наукой, которую Провиденіе дало роду человѣческому для вырытія изъ недръ міра видимаго и невидимаго драгоцѣнныхъ металловъ, металлоидовъ и брилліантовъ, но все-таки простите меня, батюшка, насекомаго еле видимаго, если я осмѣлюсь опровергнуть по старикосвки нѣкоторыя Ваши идеи касательно естества природы. О. Герасимъ сообщилъ мнѣ, что будто Вы сочинили сочиненіе, въ которомъ изволили изложить не весьма существенныя идеи нащотъ людей и ихъ первороднаго состоянія и допотопнаго бытія. Вы изволили сочинить, что человѣкъ произошелъ отъ обезьянскихъ племенъ — мартышекъ, орангуташекъ и т. п. Простите меня старичка, но я съ Вами касательно этого важнаго пункта не согласенъ и могу Вамъ запятую поставить. Ибо, еслибы человѣкъ, властитель міра, умнѣйшее изъ дыхательныхъ существъ, происходилъ отъ глупой невѣжественной обезьяны, то у него былъ бы хвостъ и дикій голосъ. Еслибы мы происходили отъ обезьянъ, то насъ теперь водили бы по городамъ Цыганы на показъ и мы платили бы деньги за показъ другъ друга, танцуя по приказу Цыгана или сидя за рѣшоткой въ звѣринцѣ. Развѣ мы покрыты кругомъ шерстью? Развѣ мы не носимъ одѣяній, коихъ лишены обезьяны? Развѣ мы любили бы и не презирали бы женщину, еслибы отъ нея хоть немножко пахло бы обезьяной, которую мы каждый вторникъ видимъ у предводителя дворянства? Еслибы наши прародители происходили отъ обезьянъ, то ихъ не похоронили бы на христіанскомъ кладбищѣ; мой прадѣдъ, напримѣръ, Амвросій, жившій во время оно въ царствѣ Польскомъ, былъ погребенъ не какъ обезьяна, а рядомъ съ абатомъ католическимъ Іоакимомъ Шостакомъ, записки коего объ умѣренномъ климатѣ и горячихъ напиткахъ хранятся еще доселѣ у брата моего Ивана. Абатъ значитъ католическій попъ. Извените меня неука за то, что мѣшаюсь въ Ваши ученые дѣла и толкую посвоему по старчески и навязываю Вамъ свои дикообразныя и какія то аляповатыя идеи, которыя у ученыхъ и цивилизованныхъ людей скорѣй помѣщаются въ животѣ, чѣмъ въ головѣ. Не могу умолчать и не терплю, когда ученые неправильно мыслятъ въ умѣ

своемъ и не могу не возразить Вамъ. О. Герасимъ сообщилъ мнѣ, что вы неправельно мыслите объ лунѣ т. е. объ мѣсяцѣ, который замѣняетъ намъ солнце въ часы мрака и темноты, когда люди спятъ, а Вы проводите электричество съ мѣста на мѣсто и фантазируете. Не смѣйтесь надъ старикомъ, за то что такъ глупо пишу. Вы пишете, что на лунѣ т. е. на мѣсяцѣ живутъ и обитаютъ люди и племена. Этого не можетъ быть никогда потому что еслибы люди жили на лунѣ, то заслоняли бы для насъ магическій и волшебный свѣтъ ее своими домами и тучными пастбищами. Безъ дождика люди не могутъ жить, а дождь идетъ внизъ на землю, а не вверхъ на луну. Люди живя на лунѣ падали бы внизъ на землю, а этого не бываетъ. Нечистоты и помои сыпались бы на нашъ материкъ съ населенной луны. Могутъ ли люди жить на лунѣ если она существуетъ только ночью, а днемъ исчезаетъ? И правительства не могутъ дозволить жить на лунѣ, потому что на ней по причинѣ далекаго разстоянія и недосягаемости ея можно укрываться отъ повинностей очень легко. Вы немножко ошиблись. Вы сочинили и напечатали въ своемъ умно́мъ сочененіи, какъ сказалъ мнѣ о. Герасимъ, что будто бы на самомъ величайшемъ свѣтилѣ, на солнцѣ, есть черныя пятнушки. Этого не можетъ быть, потому что этого не можетъ быть никогда. Какъ Вы могли видѣть на солнцѣ пятны, если на солнце нельзя глядѣть простыми человѣческими глазами, и для чего на немъ пятны, если и безъ нихъ можно обойтиться? Изъ какого мокраго тѣла сдѣланы эти самыя пятны, если они не сгораютъ? Можетъ быть, по вашему, и рыбы живутъ на солнцѣ? Извените меня дурмана ядовитаго, что такъ глупо сострилъ! Ужасно я преданъ наукѣ! Рубль сей, парусъ девятнадцатаго столѣтія, для меня не имѣетъ никакой цѣны, наука его затемнила у моихъ глазъ своими дальнѣйшими крылами. Всякое открытіе терзаетъ меня, какъ гвоздикъ на спинѣ. Хотя я невѣжда и старосвѣтскій помѣщикъ, а все же таки, негодникъ старый, занимаюсь наукой и открытіями, которыя собственными руками произвожу и наполняю свою нелѣпую головешку, свой дикій черепъ мыслями и комплектомъ величайшихъ знаній. Матушка природа есть книга, которую надо читать и видѣть. Я много произвелъ открытій своимъ собственнымъ умомъ, такихъ открытій, которыхъ еще ни одинъ реформаторъ не изобрѣталъ. Скажу безъ хвастовства, что я не изъ послѣднихъ касательно образованности, добытой мозолями, а не богатствомъ родителей т. е. отца и матери или опекуновъ, ко-

торые часто губятъ дѣтей своихъ посредствомъ богатства, роскошью и шестіэтажныхъ жилищъ съ невольниками и электрическими позвонками. Вотъ что мой грошовый умъ открылъ. Я открылъ, что наша великая огненная лучистая хламида солнце въ день Св. Пасхи рано утромъ занимательно и живописно играетъ разноцвѣтными цвѣтами и производитъ своимъ чуднымъ мерцаніемъ игривое впечатлѣніе. Другое открытіе. Отчего зимою день короткій, а ночь длинная, а лѣтомъ наоборотъ? День зимою оттого короткій, что подобно всѣмъ прочимъ предметамъ видимымъ и невидимымъ отъ холода сжимается и оттого что солнце рано заходитъ, а ночь отъ возженія свѣтильниковъ и фонарей расширяется, ибо согрѣвается. Потомъ я открылъ еще, что собаки весной траву кушаютъ подобно овцамъ и что кофей для полнокровныхъ людей вреденъ, потому что производитъ въ головѣ головокруженіе, а въ глазахъ мутный видъ и тому подобное и тому подобное прочее. Много я сдѣлалъ открытій и кромѣ этого, хотя и не имѣю аттестатовъ и свидѣтельствъ. Пріѣзжайте ко мнѣ, дорогой сосѣдушко, ей Богу. Откроемъ что-нибудь вмѣстѣ, литературой займемся и Вы меня поганенькаго вычисленіямъ различнымъ научите. Пріѣзжайте пожалуйста, сдѣлайте милость, удружите неразумному сосѣду. Пріѣзжайте хоть завтра, напримѣръ. Мы теперь постное ѣдимъ, для Васъ будемъ готовить скоромное. Дочь моя Наташенька просила Васъ, чтобы Вы съ собой какія-нибудь умныя книги привезли... Она у меня эманципе, всѣ у ней дураки, только одна она умная. Молодежь теперь, я Вамъ скажу, даетъ себя знать. Дай имъ Богъ! Чрезъ недѣлю прибудетъ ко мнѣ братъ мой Иванъ, человѣкъ хорошій, но между нами сказать, бурбонъ, и науки не любитъ. Это письмо долженъ доставить Вамъ мой ключникъ ровно въ 8 часовъ вечера. Если привезетъ его позже, то побейте его по щекамъ, по профессорски, нечего съ этимъ племенемъ церемониться. Если позже доставитъ, то значитъ, въ кабакъ анафема заходилъ. Обычай ѣздить къ сосѣдямъ не нами выдуманъ, не нами и кончится, а потому всенепремѣнно пріѣзжайте къ намъ съ инструментами и книжками. Моя жена не любитъ нѣмцевъ, но я ей сейчасъ сказалъ, что Вы не Фріедрихъ, а Максимъ русскоподданный. Извените за безпокойство и простите. Ожидаемъ Васъ съ нетерпѣніемъ. Остаюсь любящій Васъ Войска Донского отставный урядникъ изъ дворянъ

Степанъ, Владиміра сынъ.

....въ

Въ «мелочи», въ свою очередь, уже звенитъ столь типичный для Чехова протестъ противъ рутины, который вылился въ страстный кличъ Треплева: «нужны новыя формы, или совсѣмъ ничего не нужно!» [1])

Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п.?

Графъ, графиня со слѣдами когда то бывшей красоты, сосѣдъ баронъ, литераторъ-либералъ, обѣднѣвшій дворянинъ, музыкантъ иностранецъ, тупоумные лакеи, няни, гувернантки, нѣмецъ управляющій, эсквайръ и наслѣдникъ изъ Америки. Лица некрасивыя, но симпатичныя и привлекательныя. Герой—спасающій героиню отъ взбѣшенной лошади, сильный духомъ и могущій при всякомъ удобномъ случаѣ показать силу своихъ кулаковъ.

Высь поднебесная, даль непроглядная, необъятная... непонятная, однимъ словомъ: природа!!!

Бѣлокурые друзья и рыжіе враги.

Богатый дядя, либералъ или консерваторъ, смотря по обстоятельствамъ. Не такъ полезны для героя его наставленія, какъ смерть.

Тетка въ Тамбовѣ.

Докторъ съ озабоченнымъ лицомъ, подающій надежду на кризисъ; часто имѣетъ палку съ набалдашникомъ и лысину. А гдѣ докторъ, тамъ ревматизмъ отъ трудовъ праведныхъ, мигрень, воспаленіе мозга, уходъ за раненымъ на дуэли и неизбѣжный совѣтъ ѣхать на воды.

Слуга, служившій его старымъ господамъ, готовый за господъ лѣзть куда угодно, хоть въ огонь. Острякъ замѣчательный.

Собака, неумѣющая только говорить, пони и соловей.

Подмосковная дача и заложенное имѣнье на югѣ.

Электричество, въ большинствѣ случаевъ ни къ селу ни къ городу приплетаемое.

Портфель изъ русской кожи, китайскій фарфоръ, англійское сѣдло, револьверъ, не дающій осѣчки, орденъ въ петличкѣ, ананасы, шампанское, трюфели и устрицы.

Нечаянное подслушиваніе, какъ причина великихъ открытій.

Безчисленное множество междометій и попытокъ употребить кстати техническое словцо.

Тонкіе намеки на довольно толстыя обстоятельства.

---

[1]) «Чайка».

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

(Въ концѣ 1890-ыхъ г.г.)

Очень часто отсутствіе конца.

Семь смертныхъ грѣховъ въ началѣ и свадьба въ концѣ.

Конецъ.

Антоша.

Эта вещица помѣщена подъ четверостишіемъ нѣкоего М. (Одной изъ «этихъ дамъ»), дающимъ вполнѣ отчетливое представленіе какъ о литературномъ вкусѣ редакціи «Стрекозы», такъ и о той талантливости, бокъ о бокъ съ которой довелось выступать Антону Павловичу:

Въ чертахъ и движеніяхъ какая гармонія!
Но въ этой гармоніи таится иронія:
Ты смотришь весталкою отъ торса до темени,
Хоть распространеннѣе ты «Новаго Времени»

Такіе шедевры безвозбранно находили себѣ «роскошь, блескъ и почетъ», а Чехова редакція продолжала хлестать.

Въ томъ же № 10 въ «Почтовомъ ящикѣ» напечатано: Москва. Драчевка, А. Че-ву. «Ужасный сонъ» только тѣмъ и ужасенъ, что невозмутимо повторяетъ всѣмъ надоѣвшія темы. Вторую статейку помѣстимъ.

Въ № 14: Москва. Драчевка, А. Ч-ву. Избитость эпистолярной формы не искупается новизною или юморомъ содержанія. Вторая статья естественно должна подождать лѣта.

Въ № 15: Москва. Драчевка, А. Ч-ву. «Опытъ изложенія злоупотребляетъ очень старымъ мотивомъ. Разсказъ пойдетъ: ничего, недуренъ.

Онъ появился въ № 19, т. е. чрезъ мѣсяцъ за подписью «Чехонте», называется «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (романъ въ одной части безъ пролога и эпилога) и какъ разъ весьма слабъ: майоръ Щелколобовъ, подслушавъ, какъ его жена признавалась своему двоюродному брату въ ненависти къ мужу, вздумалъ проучить ее плеткой во время катанья на рѣкѣ. Лодка опрокинулась. Супруги стали тонуть. Спасать ихъ бросился волостной писарь. Каждый умолялъ спасти только его и въ награду обѣщалъ: Щелколобовъ—жениться на сестрѣ волостного писарь, жена—выйти за него замужъ. Въ разсчетѣ на то и на другое парень спасъ обоихъ и потомъ самъ былъ этому не радъ.

Въ № 26 Ан. Ч. повѣствуетъ о «Папашѣ», соблазнившемъ учителя математики, который поставилъ его сыну двойку, принять взятку. Вступленіе—совершенно въ стилѣ Чехова:

«Тонкая, какъ голландская сельдь, мамаша вошла въ кабинетъ къ толстому и круглому, какъ жукъ, папашѣ и кашлянула.

При входѣ ея съ колѣнъ папаши спорхнула горничная и шмыгнула за портьеру; но мамаша не обратила на это ни малѣйшаго вниманія, потому что успѣла уже привыкнуть къ маленькимъ слабостямъ папаши и смотрѣла на нихъ съ точки зрѣнія умной жены, понимающей своего цивилизованнаго мужа.

— Пампушка,—сказала она, садясь на папашины колѣни,—я пришла къ тебѣ, мой родной, посовѣтоваться. Утри свои губы, я хочу поцѣловать тебя.

Папаша замигалъ глазами и вытеръ рукавомъ губы.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ.

— Вотъ что, папочка! Что намъ дѣлать съ нашимъ сыномъ?

— А что такое?

— А ты не знаешь? Боже мой! Какъ вы всѣ, отцы, безпечны! Это ужасно! Пампушка, да будь же хоть отцомъ, наконецъ, если не хочешь... не можешь быть мужемъ!

. . . .

Въ № 30 Антоша Ч. выступилъ съ разсказомъ «Тысяча одна страсть, или страшная ночь, романъ въ одной части съ эпилогомъ, посвящаю Виктору Гюго».

Въ немъ сказался тонкій пародистъ,—черта Чехова, съ которой намъ еще придется встрѣтиться.

«На башнѣ Св. Ста сорока шести мучениковъ пробила полночь. Я задрожалъ. Настало время. Я судорожно схватилъ Теодора за руку и вышелъ съ нимъ на улицу. Небо было темно, какъ типографская тушь. Было темно, какъ въ шляпѣ, надѣтой на голову. Темная ночь—это день въ орѣховой скорлупѣ. Мы закутались въ плащи и отправились. Сильный вѣтеръ продувалъ насъ насквозь. Дождь и снѣгъ—эти мокрые братья — страшно били въ наши физіономіи. Молнія, несмотря на зимнее время, бороздила небо по всѣмъ направленіямъ. Громъ, грозный, величественный спутникъ прелестной, какъ миганье голубыхъ глазъ, быстрой, какъ мысль, молніи ужасающе потрясалъ воздухъ. Уши Теодора засвѣтились электричествомъ».

. . . .

Разсказчикъ убиваетъ Теодора, сбросивъ его въ жерло потухшаго вулкана. Возницу, который ихъ доставилъ туда. И лошадей.

«Лошади весело заржали. Какъ тягостно быть не человѣкомъ. Я освободилъ ихъ отъ животной, страдальческой жизни. Я убилъ ихъ. Смерть есть и оковы и освобожденіе отъ оковъ».

«Черезъ три часа послѣ мщенія я былъ у дверей ея квартиры. Кинжалъ, другъ смерти, помогъ мнѣ по трупамъ добраться

до ея дверей. Я сталъ прислушиваться. Она не спала. Она мечтала. Я слушалъ. Она молчала. Молчаніе длилось часа четыре. Четыре часа для влюбленнаго—четыре девятнадцатыхъ столѣтія. Наконецъ, она позвала горничную. Горничная прошла момо меня. Я демонически взглянулъ на нее. Она уловила мой взглядъ. Разсудокъ оставилъ ее. Я убилъ ее. Лучше умереть, чѣмъ жить безъ разсудка».

. . . .

Черезъ мѣсяцъ они торжественно обвѣнчались въ церкви св. Тита и Гортензіи.

«Вчера у меня родился второй сынъ... и самъ я отъ радости повѣсился... Второй мой мальчишка протягиваетъ ручки къ читателямъ и проситъ ихъ не вѣрить его папашѣ, потому что у его папаши не было не только дѣтей, но даже и жены. Папаша его боится женитьбы, какъ огня. Мальчишка мой не лжетъ. Онъ младенецъ. Ему вѣрьте. Дѣтскій возрастъ—святой возрастъ. Ничего этого никогда не было... Спокойной ночи».

Въ № 33 Чехонте («За яблочки») изображаетъ разорившагося помѣщика съ фамиліей, длинной, какъ слово «естествоиспытатель», который уличаетъ юношу и дѣвушку въ кражѣ яблокъ изъ его сада и заставляетъ ихъ наказать другъ друга.

Въ № 41 Антоша Чехонте («Передъ свадьбой». Посвящается милой сердцу) скорбитъ:

«Несчастный народъ мы, мужчины! Весною намъ природа дорого обходится, лѣтомъ намъ жарко, осенью насъ женятъ, зимою намъ холодно».

И набрасываетъ свадебную картинку.

Подзатылкина «больше всего на свѣтѣ любитъ статныхъ мужчинъ и имя «Роландъ».

Назарьевъ «вѣчно пахнетъ яичнымъ мыломъ и карболкой... ни одну барышню не пропуститъ, чтобы не сказать ей: «какъ вы наивны! Вы бы читали литературу!»... любитъ больше всего на свѣтѣ свой почеркъ, журналъ «Развлеченіе» и сапоги со скрипомъ... съ остервенѣніемъ отрицаетъ чертей».

Изъ совѣтовъ матери:

— Отца тоже не больно слушай. Къ себѣ въ домъ не приглашай жить... Занимать денегъ станетъ—не давайте, потому что онъ жуликъ, хоть онъ и тютюлярный совѣтникъ.

Изъ наставленій отца:

— Слезы ни къ чему не ведутъ. Что такое слезы человѣческія? Одна только малодушная психіатрія и больше ничего!.. Мужу нравится одна только твоя матеріальная красота... За что

тебя будетъ любить мужъ твой? За характеръ? За доброту? За эмблему чувствъ? Нѣтъ-съ! Онъ будетъ любить тебя за приданое твое... Потомъ, дочь моя, европейская цивилизація породила въ женскомъ сословіи ту оппозицію, что будто бы, чѣмъ больше дѣтей у особы, тѣмъ хуже. Ложь! Баллада!..

Изъ любовнаго объясненія:

— Меня здорово надули. Вы замѣтьте. Вашъ отецъ говорилъ мнѣ, что онъ надворный совѣтникъ, и оказывается теперь, что онъ всего только титулярный. Гм!.. Развѣ такъ можно? Потомъ-съ. Онъ обѣщался дать за вами полторы тысячи, а маменька ваша вчера сказала мнѣ, что больше тысячи я не получу. Развѣ это не свинство? Черкесы — кровожадный народъ, и то такъ не дѣлаютъ. Я не позволю себя надувать! Все дѣлай, но самолюбія и самозабвенія моихъ не трогай! Это не гуманно! Я честный человѣкъ, а потому не люблю нечестныхъ... Нахальства и варварства не люблю. Я хоть и не скептикъ и не циникъ, а все-таки въ образованіи толкъ понимаю. Мы ихъ приструнимъ.

Наконецъ, въ № 49 Антона Ч. («По-американски») «имѣетъ честь, счастіе и удовольствіе просить вдовъ и дѣвицъ обратить свое благосклонное вниманіе на нижеслѣдующее»:

Я мужчина — это прежде всего. Это очень важно для барынь, разумѣется. 2 аршина 8 вершковъ роста. Молодъ. До пожилыхъ лѣтъ мнѣ далеко, какъ кулику до Петрова дня. Знатенъ. Некрасивъ, но и недуренъ, и настолько недуренъ, что неоднократно въ темнотѣ по ошибкѣ за красавца принимаемъ былъ. Глаза имѣю каріе. На щекахъ (увы!) ямочекъ не имѣется. Два коренныхъ зуба попорчены. Элегантными манерами похвастаться не могу, но въ крѣпости мышцъ своихъ никому сомнѣваться не позволю. Перчатки ношу № 7$^3/_4$. Кромѣ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей ничего не имѣю. Впрочемъ, имѣю блестящую будущность. Большой любитель хорошенькихъ вообще и горничныхъ въ особенности. Вѣрю во все. Занимаюсь литературой и настолько удачно, что рѣдко проливаю слезы надъ почтовымъ ящикомъ «Стрекозы».

Послѣдній при желаніи могъ это опровергнуть... Мы уже видѣли, что онъ далеко не жаловалъ Чехова. Къ этому можно прибавить, что въ № 18 напечатано:

«Москва». Драчевка, г. Ан. Ч-ву. Нѣсколько строкъ не искупаютъ непроходимо пустого словотолченія. Мы говоримъ о «Ничего не начинай». Тоже о «Легендѣ». Кстати: что это за имя такое «Фуня»?

И тамъ же снова (г. А. Ч-ву): «Очеркъ подождетъ до лѣта».

Въ № 44: «Москва. Драчевка, А. Ч-ву. «Портрета» не помѣстимъ. Онъ до (?) насъ не касается. Вы, очевидно, писали его для другого журнала».

Въ № 48: «Москва. Срѣтенка, г. А. Ч. Очень длинно и безцвѣтно; нѣчто въ родѣ бѣлой бумажной ленты, китайцемъ изо рта вытянутой».

Наконецъ, въ № 51: «Москва. Срѣтенка, г. А. Ч-ву. Не расцвѣвъ, увядаете. Очень жаль. Нельзя вѣдь писать безъ критическаго отношенія къ дѣлу».

Наслушавшись «критическаго отношенія къ дѣлу», участливо отпѣтый Антонъ Павловичъ порвалъ со «Стрекозой» и перекочевалъ въ другія изданія: «Будильникъ» съ его альманахомъ (1881—1887), «Зритель» (1881, 1883), «Свѣтъ и Тѣни» съ приложеніемъ «Мірской Толкъ» (1882), «Москва» (1882), «Спутникъ» (1882), «Развлеченіе» (1884), «Русскій Сатирическій Листокъ» (1884) и «Новости Дня» (1884—1885)[1]).

Въ Москвѣ Чехову платили буквально гроши. За свой романъ въ «Новостяхъ Дня» (Драма на охотѣ. Истинное происшествіе) онъ получалъ по 3 рубля въ недѣлю. Его младшій братъ былъ тогда студентомъ и ходилъ по редакціямъ за гонораромъ, на полученіе котораго имѣлъ слѣдующую довѣренность:

«Медицинское свидѣтельство. Дано сіе студенту Императорскаго Московскаго Университета Михаилу Павловичу Чехову, православнаго вѣроисповѣданія, въ удостовѣреніе, что онъ состоитъ съ 1865 года моимъ роднымъ братомъ и уполномоченъ мною брать въ редакціяхъ, въ коихъ я работаю, денегъ, сколько ему потребно, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣряю. Врачъ А. П. Чеховъ. Москва 1886 г. января 15-го дня»[2]).

Съ этимъ документомъ подателю приходилось обивать пороги, подолгу ожидать милостиваго обращенія и въ концѣ концовъ выслушивать отъ издателя отказъ или предложеніе удовольствоваться билетомъ въ театръ, а то и новыми брюками отъ знакомаго портного за издательскій счетъ.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ и Антонъ Павловичъ лично:

---

1) Псевдонимы: А. Ч.,—нте, Анче, А-нъ Ч-те, А. Чехонте, Антонъ Чехонте, Антонсонъ, Балдастовъ, Братъ моего брата, Врачъ безъ паціентовъ, Вспыльчивый человѣкъ, Ч. безъ с., Чел. б. селез., Человѣкъ безъ селезенки.

2) М. Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. Воспоминанія. «Новое Слово». Товарищескіе сборники. 1907. Книга I, стр. 202.

«Бывало, я хаживалъ въ «Будильникъ» за трехрублевкой разъ по десяти [1]).

Литература и наука отнимали у него почти все время. Въ часы досуга онъ развлекался въ Сокольникахъ, Богородскомъ и другихъ выселкахъ. Типичная жизнь ихъ послужила ему благодарнымъ матеріаломъ для массы отчасти помѣщенныхъ [2]), но преимущественно не вошедшихъ въ собраніе сочиненій набросковъ [3]). При всей тѣснотѣ было весело и у него дома. Туда приходили будущіе художники Коровинъ, Левитанъ, Яновъ. Составлялась милая компанія. Душой ея былъ Чеховъ. Онъ устраивалъ маскарады, импровизаціи и литературныя вечеринки, проходившіе такъ шумно, что владѣлецъ дома — причтъ церкви Николы Драчи—не выдержалъ и выселилъ Чеховыхъ, послѣ чего они переѣхали по той же улицѣ въ домъ Савицкаго.

Этотъ районъ далъ ему 2 очерка: «Въ Москвѣ на Трубѣ» [4]) съ ея рынкомъ и «Припадокъ» [5]), въ которомъ упоминается Трубная площадь, откуда пріятели «повернули на Драчевку и скоро вошли въ переулокъ» [6]).

Перейдя на II курсъ, Антонъ Павловичъ провелъ лѣто со своимъ землякомъ Зембулатовымъ въ отстоявшемъ въ 35 верстахъ отъ Таганрога имѣніи его отца, Котломинѣ. Тамъ студентамъ отвели 2 комнаты въ домѣ—каждому по кабинету, а для всякихъ опытовъ и изслѣдованій въ ихъ распоряженіе была предоставлена большая бесѣдка въ саду.

«Чеховъ всегда въ деревнѣ носилъ громадную соломенную шляпу и красную рубаху. Въ этомъ костюмѣ чаще всего его можно было видѣть. Сапоги или башмаки часто не надѣвались, въ особенности, если отправлялись на рѣку кататься или ловить

---

[1]) Николай Александровичъ Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. Письма А. П. Чехова къ Н. А. Лейкину съ 1883 по 1900 г. СПБ. 1907. Стр. 274.

[2]) «Дачники», «Лишніе люди», «Романъ съ контрабасомъ», «Злой мальчикъ», «Трагикъ поневолѣ», «Заблудшіе».

[3]) «Свиданіе, хотя и состоялось, но...» («Москва» 1882, № 17), «Дачныя правила», «Дачница», «Дачное удовольствіе» («Стрекоза» 1884, №№ 21 22, 24), «Въ Сокольникахъ», «Дачный казусъ» («Будильникъ» 1885, №№ 17, 26), «На дачѣ» («Будильникъ» 1886, № 20), «Отъ нечего дѣлать» («Петербургская Газета» 1886, № 142).

[4]) «Будильникъ» 1883, № 43.

[5]) Памяти В. М. Гаршина. Литературно-художественный сборникъ. СПБ. 1889, стр. 295—319.

[6]) С—въ: Сухаревъ, раньше Соболевъ.

рыбу. Рыболовъ онъ былъ страстный. Вблизи имѣнія протекала рѣка Сухой Еланчикъ. За неимѣніемъ благоустроенной лодки мы плавали на рѣкѣ въ большомъ корытѣ. Однажды, когда мы съ Антономъ Павловичемъ сидѣли у берега въ этомъ корытѣ и углубились въ наблюденіе за поплавками, матушка моя пожелала пошутить надъ нами. Она неслышно подошла къ берегу и ловкимъ движеніемъ перевернула корыто. Чеховъ и я очутились по грудь въ водѣ. Антонъ Павловичъ не остался въ долгу. Онъ вылѣзъ изъ рѣчки и, какъ былъ—мокръ и грязенъ—отправился въ домъ и легъ въ гостиной на мягкомъ дорогомъ диванѣ. Увидя эту картину, матушка чуть въ обморокъ не упала, до того было уязвлено ея чувство хозяйки.

«Мы большими группами часто ѣздили въ гости по сосѣдямъ. Смѣхъ и веселье царили во время этихъ поѣздокъ, и главнымъ источникомъ веселья былъ Чеховъ. Онъ впитывалъ въ себя все, что совершалось курьезнаго кругомъ, какъ то перерабатывалъ его въ себѣ и затѣмъ передавалъ намъ, но такъ, что оставаться спокойнымъ при видѣ Антона Павловича нельзя было. Мелкая, казалось бы, ничтожная черточка въ передачѣ Чехова разрасталась въ цѣлый юмористическій рисунокъ, настраивающій слушателя на веселый ладъ. Въ сосѣдней деревнѣ Ефремовкѣ жилъ священникъ Жемчужниковъ. Антонъ Павловичъ живо подружился съ нимъ и по праздничнымъ днямъ ходилъ въ Ефремовскую церковь читать на клиросѣ. Послѣ Жемчужникова священникомъ былъ Колпиковъ. Чеховъ и съ нимъ былъ очень друженъ. У Колпикова было 2 сына-юнкера. Это были друзья нашей юности. Послѣ рыбной ловли у насъ еще было одно развлеченіе,—это охота на воробьевъ, изъ которыхъ намъ готовилъ вкусныя кушанья поваренокъ Антошка.

«Въ памяти у меня особенно рѣзко запечатлѣлся слѣдующій случай изъ тогдашняго пребыванія Антона Павловича у насъ. Слѣдуетъ замѣтить, что зимой 1879—1880 гг., когда братъ мой и Чеховъ находились въ Москвѣ на I курсѣ, мы стали получать оттуда юмористическіе журналы съ рисунками и разсказами, содержаніе которыхъ было не совсѣмъ для насъ чуждо. Въ рисункахъ были изображены многія сцены изъ нашихъ лѣтнихъ увеселительныхъ предпріятій, а въ разсказахъ тѣ же сцены были переданы словами. Мы догадывались, что рисунки принадлежали кисти брата Антона Павловича, молодому художнику Николаю, а разсказы, подписанные «А. Чехонте»—самому Чехову. Мы много смѣялись надъ этими рисунками и разсказами, и только

одна наша матушка не понимала, зачѣмъ это описывать, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, спятъ, гуляютъ и вообще проводятъ свою жизнь,—да еще въ такомъ смѣшномъ тонѣ.

«Но вотъ, наконецъ, Антонъ Павловичъ пріѣхалъ къ намъ снова. Въ своемъ кабинетѣ, на горкѣ книгъ, онъ установилъ человѣческій черепъ, наводившій страхъ и трепетъ на всѣхъ обитателей дома. Чеховъ не любилъ, чтобы ходили къ нему въ комнату, и черепъ въ достаточной мѣрѣ обезпечивалъ его отъ посѣтителей. Въ бесѣдкѣ, въ саду, Антонъ Павловичъ съ моимъ братомъ производили вскрытія лягушекъ и крысъ, которыхъ я имъ поставлялъ въ большомъ количествѣ. Это странное въ глазахъ деревенскихъ жителей занятіе также устанавливало за студентами реномэ людей изъ другого міра. Ихъ боялись. Что Чеховъ уже писалъ и печатался,—это всѣ мы знали. Знали также, что его труды — рукописи, замѣтки, письма и т. п.—хранились въ маленькомъ чемоданчикѣ, стоявшемъ въ его комнатѣ. Мы видѣли, что нерѣдко Антонъ Павловичъ уединялся или въ отдаленномъ уголку сада, или въ своей комнатѣ,— и мы догадывались, что онъ пишетъ. Наша матушка какъ то пригрозила:

— Я тебѣ, Антоша, твой чемоданчикъ съ бумагами сожгу. Будешь знать, какъ надъ людьми смѣяться.

«Чеховъ встревожился и сталъ просить не дѣлать этого.

«Но прошло немного времени и чемоданчикъ, дѣйствительно, исчезъ. Антонъ Павловичъ опечалился: видно было, что въ чемоданчикѣ хранилось нѣчто дѣйствительно для него цѣнное. Въ виду недавнихъ угрозъ матери нетрудно было догадаться, что это произошло не безъ ея участія. Чеховъ отрядилъ меня для переговоровъ съ матерью. Въ отвѣтъ на мои настойчивые разспросы мнѣ было дано нѣсколько подзатыльниковъ. Но миссія моя все же не была совсѣмъ безуспѣшна. Мнѣ удалось узнать, что въ похищеніи участвовала служившая у насъ въ домѣ деревенская дѣвушка, Олька. Антонъ Павловичъ составилъ цѣлый планъ воздѣйствія на нее. Ночью онъ сталъ пугать ее черепомъ, пригрозилъ, что сдѣлаетъ съ нею то же, что сдѣлано съ черепомъ, и т. д. Олька не выдержала всѣхъ этихъ ужасовъ, разрыдалась и указала, гдѣ находится чемоданчикъ. Мы немедленно отправились въ старый, полуразрушенный шалашъ въ саду и, дѣйствительно, нашли тамъ похищенное. Чемонданчикъ былъ торжественно перенссенъ въ комнату Чехова и водворенъ на прежнее мѣсто. Антонъ Пав-

ловичъ сталъ болѣе тщательно беречь его, но его уже никто не трогалъ» [1]).

Мнѣ пришлось видѣть своего рода уникумъ. Это была книжка въ 112 страницъ разгонистаго шрифта. Въ ней нѣтъ ни заглавнаго, ни концевого листовъ. Вмѣсто нихъ—чистая писчая бумага. Въ текстѣ—12 иллюстрированныхъ Николаемъ Чеховымъ разсказовъ Антона Павловича, заглавія которыхъ привожу съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

1. Жоны артистовъ. Переводъ... съ португальскаго [2].
2. Папаша [3]).
3. Петровъ день.
4. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь [4]).
5. Исповѣдь или Оля, Женя, Зоя. (Письмо) [5]).
6. Грѣшникъ изъ Толедо. (Переводъ съ испанскаго) [6]).
7. Темпераменты. (По послѣднимъ выводамъ науки) [7]).
8. Летающіе острова. Соч. Жюля Верна. (Пародія) [8]).
9. Передъ свадьбой [9]).
10. Письмо къ ученому сосѣду [10]).
11. Въ вагонѣ.
12. Тысяча одна страсть или страшная ночь. (Робкое подраженіе Виктору Гюго) [11]).

Послѣдній очеркъ обрывается такъ:

— Нехорошее предзнаменованіе!—пробормоталъ...

Опечатки («Жоны», «подраженіе») даютъ право заключить, что это—одна изъ корректуръ. Очевидно, недостатокъ средствъ не далъ Чехову возможности выбрать изъ типографіи сдѣланный ей заказъ, и бѣдный авторъ остался лишь при томъ, что было ему прислано для просмотра. Всѣ эти произведенія за исключеніемъ «Петрова дня» и «Въ вагонѣ», которыхъ я не нашелъ, были напечатаны съ легкими измѣненіями ранѣе. Изъ сопоставленія датъ видно, что проектировавшійся, но не узрѣвшій свѣта сборникъ относится ко II половинѣ 1883 года, и, слѣдовательно, предшествовалъ сборнику «Сказки Мельпомены», о выходѣ котораго было анонсировано такъ: Антоша Чехонте. Сказки Мельпомены. Ц. 60 к. Книгопродавцамъ скидка. Пріятелямъ gratis [12]).

---

[1]) Бесѣда съ Виссаріономъ Зембулатовымъ. «Приазовскій Край» 1904, № 220. [2]) Альманахъ «Будильника» на 1882 г. Москва. 1882. 8⁰, стр. 50—56. [3]) «Стрекоза» 1880, № 26. [4]) Ibidem, № 19. [5]) «Зритель» 1883, № 5. [6]) Ibidem, 1881, №№ 25—26. [7]) Ibidem, № 5. [8]) «Будильникъ», 1883, № 19. [9]) «Стрекоза», 1880, № 41. [10]) Ibidem, № 10. [11]) Ibidem, № 30. [12]) «Сказки Мельпомены». Шесть разсказовъ Чехонте. Москва. Тип. А. Левенсонъ. 1884. 16⁰. 96 стр. Ц. 60 к. (Онъ и она.—Трагикъ.— Баронъ.— Месть.—Два

«Книжку я напечаталъ въ кредитъ съ уплатою въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ со дня выхода» [1]).

IV.

Въ 1884 году Чеховъ при *«очень хорошемъ* поведеніи» и за «оказанные *удовлетворительные* успѣхи, былъ удостоенъ званія лѣкаря и уѣзднаго врача [2]).

Ректоръ Боголѣповъ... Деканъ Склифасовскій... Секретарь Облеуховъ...

Несмотря на то, что его литературныя занятія приняли профессіональный характеръ, онъ рѣшилъ посвятить себя практикѣ. На дверяхъ у него появляется табличка:

Докторъ А. П. Чеховъ.

Молодой медикъ извѣщаетъ своего редактора:

«Живу съ апломбомъ, такъ какъ ощущаю въ своемъ карманѣ лѣкарскій паспортъ» [3]).

. . . .

«Не такъ давно лѣчилъ одной барышнѣ зубъ, не вылѣчилъ и получилъ 5 руб.; лѣчилъ монаха отъ дизентеріи, вылѣчилъ и получилъ 1 р.; лѣчилъ одну... актрису отъ катара желудка и получилъ 3 руб. Таковой успѣхъ на новомъ моемъ поприщѣ привелъ меня въ такой восторгъ, что всѣ оные рубли я собралъ во-едино и отослалъ ихъ въ трактиръ Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочіе медикаменты» [4]).

Бывали и lapsus'ы: приглашенный къ знакомому (воспитатель кадетскаго корпуса), Чеховъ ошибается и ставитъ запятую въ граммахъ не тамъ, гдѣ нужно. Убѣждается въ этомъ уже по возвращеніи домой. Необычайно волнуется. И, нанявъ на послѣднія деньги лихача, мчится ночью въ Лефортово. Оказывается, что злосчастный рецептъ еще не посланъ въ аптеку...

скандала.—Жены артистовъ). 1, 3, 4 и 5—перепечатка изъ «Мірского Толка» 1882, № 26, 45, 47, 50; 2—изъ «Осколокъ» 1883, № 41; 6—изъ альманаха «Будильника» на 1882 г. Москва. 1882. 8⁰, стр. 50—56.

[1]) Н. А. Лейкину, 16 февраля 1886.

[2]) Московскій университетъ. Архивъ. 1879. № 548. Дѣло канцеляріи проректора «О принятіи въ студенты Антона Чехова».

[3]) Н. А. Лейкину, 25 іюня 1884.

[4]) Ему же, 29 августа 1884.

«Медицина моя шагаетъ по-маленьку. Лѣчу и лѣчу. Каждый день приходится тратить на извозчика болѣе рубля. Знакомыхъ у меня очень много, а, стало быть, не мало и больныхъ. Половину приходится лѣчить даромъ, другая же половина платила мнѣ пяти-и трехрублевки. (Въ Москвѣ врачамъ не платятъ менѣе 3-хъ рублей за визитъ. Здѣсь всякій трудъ дороже цѣнится, чѣмъ въ Таганрогѣ). Капитала, конечно, еще не нажилъ и не скоро наживу, но живу сносно и ни въ чемъ не нуждаюсь. Если буду живъ и здоровъ, то положеніе семьи *обезпечено.* Купилъ я новую мебель, завелъ піанино, даю маленькіе музыкальные вечерки, на которыхъ поютъ и играютъ... Долговъ нѣтъ и не чувствуется въ нихъ надобности. Недавно забирали провизію (мясо и бакалею) по книжкѣ, теперь же я и это вывелъ, и все беремъ на деньги. Что будетъ дальше, не вѣдомо, теперь же грѣшно жаловаться... Если нѣтъ роскоши, то нѣтъ и недостатковъ» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Антонъ Павловичъ все чаще подчеркиваетъ трудность совмѣщенія врачебной дѣятельности съ литературной:

«Настоящій присылъ принадлежитъ къ неудачнымъ. Замѣтки блѣдны, а разсказъ не отшлифованъ и больно мелокъ. Есть тема получше и написалъ бы побольше и получше, но судьба на этотъ разъ противъ меня! Пишу при самыхъ гнусныхъ условіяхъ. Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совѣсти, въ сосѣдней комнатѣ кричитъ дѣтенышъ пріѣхавшаго погостить родича, въ другой комнатѣ отецъ читаетъ матери вслухъ «Запечатлѣннаго Ангела». Кто то завелъ шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную». Хочется удрать на дачу, но уже часъ ночи. Для пишущаго человѣка гнуснѣй этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята пріѣхавшимъ сродственникомъ, который то и дѣло подходитъ ко мнѣ и заводитъ рѣчь о медицинѣ. «У дочки, должно быть, рѣзь въ животѣ, оттого и кричитъ». Я имѣю большое несчастье быть медикомъ, и нѣтъ того индивидуя, который не считалъ бы нужнымъ потолковать со мной о медицинѣ. Кому надоѣло толковать про медицину, тотъ заводитъ рѣчь про литературу...

«Обстановка безподобная. Браню себя, что не удралъ на дачу, гдѣ навѣрное и выспался бы, и разсказъ бы вамъ написалъ, а главное медицина и литература были бы оставлены въ покоѣ...

«Реветъ дѣтенышъ!! Даю себѣ честное слово не имѣть никогда дѣтей... Французы имѣютъ мало дѣтей, вѣроятно, потому,

---

[1]) М. Е. Чехову, 1885. «Утро» 1910, № 947.

что они кабинетные люди и въ «Amusant» разсказы пишутъ. Ихъ, слышно, хотятъ заставить имѣть побольше дѣтей—тема для «Amusant» и для «Осколковъ» въ видѣ каррикатуры: «Положеніе дѣлъ во Франціи». Входитъ полицейскій комиссаръ и требуетъ имѣть дѣтей.

«Прощайте. Думаю, какъ бы и гдѣ бы задать храповицкаго»[1]).

«Я, пишущій безъ году недѣлю, знающій иную спеціальность... могу ли я поспѣть за Вами?»[2]).

. . . .

«Писать больше того, что теперь я пишу, мнѣ нельзя, ибо медицина не адвокатура: не будешь работать, застынешь»[3]).

. . . .

«Я Васъ надулъ, но Вы простите... Такъ я утомленъ, очумѣлъ и обалдѣлъ въ послѣднія недѣли двѣ, что голова кругомъ ходитъ... Въ квартирѣ у меня вѣчная толкотня, гамъ, музыка... Въ кабинетѣ холодно... Паціенты... Недописанный разсказъ будетъ дописанъ и своевременно присланъ...[4]).

И вообще:

«Поговорка о двухъ зайцахъ никому другому не мѣшала такъ спать, какъ мнѣ»[5]).

Однажды Чехова пригласили въ проживавшее на Зубовскомъ бульварѣ семейство знакомаго художника Янова. Тамъ заболѣли тифомъ мать, а затѣмъ и 3 взрослыхъ дочери. Мать скончалась. Умерла и одна изъ дочерей. Предъ смертью она схватила Антона Павловича за руку и такъ, не выпуская ея, отдала Богу душу. Подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ этого случая онъ снялъ вывѣску, и больше у него ея не было никогда[6]).

Но о безусловномъ оставленіи имъ практики не можетъ быть—вопреки распространенному мнѣнію—и рѣчи. Онъ работалъ въ Чикинской земской больницѣ, которой завѣдывалъ врачъ Архангельскій:

«Черезъ день хожу въ земскую больницу, гдѣ принимаю больныхъ»[7]).

Здѣсь Антонъ Павловичъ познакомился съ завѣдывавшимъ Звенигородской земской больницей врачемъ Успенскимъ, котораго 2 недѣли по его просьбѣ замѣнялъ:

---

[1]) Н. А. Лейкину, 1883. [2]) Н. А. Лейкину, 1884. [3]) Ему же, 1885. [4]) Ему же, 20 февраля 1886. [5]) Письма. Д. В. Григоровичу, 28 марта 1886. [6]) М. Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. Воспоминанія. «Новое Слово». Товарищескіе сборники. 1907. Книга I, стр. 201. [7]) Н. А. Лейкину, 4 іюня 1884 г.

«Полъ-дня занятъ пріемкой больныхъ (30—40 человѣкъ въ день), остальное же время отдыхаю, или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже 3-й день нехорошій, безостановочный дождь...»[1])

Обѣ больницы дали Чехову темы для ряда разсказовъ («Горе», «Бѣглецъ»), а одинъ изъ нихъ («По дѣламъ службы») даже данъ имъ, какъ бѣглое описаніе поѣздки съ уѣзднымъ врачомъ на вскрытіе:

«Ѣздилъ на залихватской тройкѣ купно съ дряхлымъ, еле дышащимъ и за ветхостью никуда не годнымъ судебнымъ слѣдователемъ, маленькимъ, сѣденькимъ и добрѣйшимъ существомъ, мечтающимъ уже 25 лѣтъ о мѣстѣ члена суда. Вскрывалъ я вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ на полѣ подъ зеленью молодого дуба на проселочной дорогѣ... Покойникъ «не тутошній», и мужики, на землѣ которыхъ было найдено тѣло, Христомъ Богомъ, со слезами молили насъ, чтобы мы не вскрывали въ ихъ деревнѣ... «Бабы и ребята спать отъ страху не будутъ...» Слѣдователь сначала ломался, боясь тучъ, потомъ же, сообразивъ, что протоколъ можно написать и начерно, и карандашомъ, и видя, что мы согласны потрошить подъ небомъ, уступилъ просьбамъ мужиковъ. Встревоженная деревушка, понятые, десятскій съ бляшкой, баба-вдова, голосящая въ 200 шагахъ отъ мѣста вскрытія, и два мужика въ роли кустодіевъ около трупа... Около молчащихъ кустодіевъ тухнетъ маленькій костеръ... Стеречь трупъ днемъ и ночью до прибытія начальства—мужицкая, никѣмъ не оплачиваемая повинность... Трупъ въ красной рубахѣ, новыхъ портахъ, прикрытъ простыней... На простынѣ полотенце съ образкомъ. Требуемъ у десятскаго воды... Вода есть—прудъ подъ бокомъ, но никто не даетъ ведра: запоганимъ. Мужикъ пускается на хитрость: манехинскіе воруютъ ведро у трухинскихъ... Чужого ведра не жалко... Когда они успѣваютъ украсть, и какъ, и гдѣ—не понятно... Ужасно довольны своимъ подвигомъ и посмѣиваются... Вскрытіе даетъ въ результатѣ переломъ 20 реберъ, отекъ легкаго и спиртной запахъ желудка. Смерть насильственная, происшедшая отъ задушенія. Пьянаго давили въ грудь чѣмъ то тяжелымъ, вѣроятно, хорошимъ мужицкимъ колѣномъ. На тѣлѣ множество ссадинъ, происшедшихъ отъ откачиванія. Манехинскіе нашли тѣло и качали его такъ усердно, что будущій защитникъ убійцъ будетъ имѣть право задать эксперту

[1]) Ему же, 1884.

вопросъ: поломка реберъ не была ли слѣдствіемъ откачиванія? Но думаю, что этотъ вопросъ не задастся. Защитника не будетъ, не будетъ и обвиняемаго... Слѣдователь до того дряхлъ, что не только убійца, но даже и больной клопъ можетъ укрыться отъ его меркнущаго ока... Вамъ уже надоѣло читать, а я расходился писать... Прибавлю еще одну характерную черточку и умолкну. Убитый—фабричный. Шелъ онъ изъ тухловскаго трактира съ бочонкомъ водки. Свидѣтель Поликарповъ, первый увидѣвшій у дороги трупъ, заявилъ, что онъ видѣлъ около тѣла бочонокъ. Проходя же черезъ часъ мимо тѣла, этотъ Поликарповъ уже не видѣлъ бочонка. Ergo: тухловскій трактирщикъ, не имѣющій права продажи на выносъ, дабы стушевать улики, укралъ у мертвеца бочонокъ. Но довольно о семъ» [1]).

Во время холерной эпидеміи (1892—93) Антонъ Павловичъ завѣдывалъ въ Мелиховѣ мѣстнымъ участкомъ по борьбѣ съ ней.

«Мы тоже хлопочемъ во всю ивановскую. У насъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ врачей такъ мало, что во время холеры уѣздъ будетъ сидѣть почти безъ помощи. Заграбастали и меня раба Божьяго и назначили санитарнымъ врачомъ. Разъѣзжаю теперь по деревнямъ и читаю лекціи. Послѣзавтра на санитарномъ совѣтѣ будемъ рѣшать вопросъ: гдѣ можно достать врачей и студентовъ. И, вѣроятно, никакъ не рѣшимъ этого вопроса... Ѣду сейчасъ въ монастырь просить, чтобы построили баракъ» [2]).

Въ его районѣ было 27 деревень, но холера миновала ихъ.

«Это напоминаетъ нѣсколько стихъ: по Гороховой я шелъ и гороху не нашелъ...» [3]).

Вообще, гдѣ бы Чеховъ ни отдыхалъ, онъ вездѣ пользовалъ крестьянъ.

«Везу съ собой медикаменты и мечтаю о гнойникахъ, отекахъ, фонаряхъ, поносахъ, соринкахъ въ глазу и о прочей благодати. Лѣтомъ обыкновенно я полъ-дня принимаю расслабленныхъ, а моя сестрица ассистентируетъ мнѣ, это работа веселая» [4]).

Ея было достаточно:

«У меня много больныхъ. Рахитическія дѣти и старухи съ сыпями... Есть 75-лѣтняя старуха съ рожей руки; боюсь, что придется имѣть дѣло съ рожистымъ воспаленіемъ клѣтчатки. Будутъ абсцессы, а рѣзать старуху страшно... [5])

---

[1]) Н. А. Лейкину, 4-го іюня 1884. [2]) Собраніе писемъ. Е. П. Егорову, 15 іюля 1892. [3]) Ibidem. Я. А. Корнѣеву, 27 марта 1895. [4]) Ibidem. В. Г. Короленко, 2 мая 1888. [5]) Н. А. Лейкину, 27 мая 1886.

Въ Ялтѣ же Антонъ Павловичъ давалъ совѣты, главнымъ образомъ, тому бѣдному учащему и учащемуся люду, который обращался именно къ нему, зная, что отзывъ Чехова о студентѣ Васильевѣ—«есть таланты писательскіе, сценическіе, художественные, у него же особый талантъ—человѣческій: онъ обладаетъ тонкимъ великолѣпнымъ чутьемъ къ боли вообще»[1])—что это опредѣленіе всецѣло должно быть отнесено къ самому Чехову.

«Еслибы—мечталъ онъ—у меня было много денегъ, я устроилъ бы здѣсь санаторій для больныхъ сельскихъ учителей. Знаете, я выстроилъ бы этакое большое, свѣтлое зданіе—очень свѣтлое, съ большими окнами и съ высокими потолками. У меня была бы прекрасная библіотека, разные музыкальные инструменты, пчельникъ, огородъ, фруктовый садъ... можно бы читать лекціи по агрономіи, метеорологіи... учителю нужно все знать, батенька, все!» [2]).

Высоко цѣня свое званіе, Антонъ Павловичъ твердо вѣрилъ въ медицину, какъ и въ науку вообще, и съ несвойственнымъ ему жаромъ возставалъ, когда кто-либо поносилъ врачебное дѣло или его работниковъ, особенно земскихъ врачей. Такъ, выслушавъ презрительную оцѣнку медицины по роману «Докторъ Паскаль», Чеховъ, сильно волнуясь и покашливая, сказалъ:

— «Зола вашъ ничего не понимаетъ и все выдумываетъ у себя въ кабинетѣ. Пусть бы онъ поѣхалъ и посмотрѣлъ, какъ работаютъ наши земскіе врачи и что они дѣлаютъ для народа!» [3]).

Стоило кому-нибудь въ его присутствіи такъ или иначе высказаться противъ нихъ, какъ онъ сейчасъ же нахмуривался и рѣзко замѣчалъ:

— «Оставьте! Вы не знаете земскихъ врачей» [4]).

Да и могъ ли быть иного мнѣнія о нихъ писатель, устами Екатерины Ивановны стыдившій доктора Старцева:

— Какое это счастье быть земскимъ врачемъ, помогать страдальцамъ, служить народу. Какое счастье!.. [5])

А вѣчно пахнущій іодоформомъ земскій врачъ Дворнягинъ? [6])

А жалующійся на невозможность «книгу почитать и къ любимой женщинѣ съѣздить» Соболь? [7])

А затравленный шпіонажемъ и потерявшій на работѣ здоровье Овчинниковъ? [8])

---

[1]) «Припадокъ». [2]) Горькій. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 83. [3]) Купринъ. Ibidem, стр. 134. [4]) Членовъ. А. П. Чеховъ и медицина. «Русскія Вѣдомости» 1904, № 91. [5]) «Іонычъ». [6]) «У предводительши». [7]) «Жена». [8]) «Непріятность».

А потрясенный смертью единственнаго сына и вынужденный по вызову поѣхать за 15 верстъ Кирилловъ? [1])

А, наконецъ, Иванъ Сергѣичъ, жена котораго сама въ рѣчкѣ свое рваное бѣлье стирала:

— Глазамъ не вѣрится!.. Во время обѣдни, знаете... какъ вспомнишь про докторшу, какъ у нея отъ холодной воды руки посинѣли, то, вѣрите ли, забудешься и стоишь, какъ дуракъ, въ безумствіи, пока пономарь не окликнетъ... ужасъ! [2]).

Я далеко не исчерпалъ всей портретной галлереи [3]), но и этого, чтобы заранѣе знать взглядъ Антона Павловича на земскихъ врачей, достаточно. При всемъ томъ, апостолъ художественной правды, онъ былъ чуждъ преднамѣренной идеализаціи этихъ тружениковъ и, индивидуализируя каждый отдѣльный случай, не скрывалъ какъ ихъ природныхъ недостатковъ, такъ и тѣхъ, которые отлагались въ нихъ подъ давленіемъ тяжкихъ условій нашей общественности [4]).

Впослѣдствіи довольный своимъ «Островомъ Сахалиномъ» Чеховъ обратился къ младшему брату:

— А что, Миша, если за эту штуку да мнѣ дадутъ степень доктора медицины honoris causa? [5]).

Повидимому, это было сказано вполнѣ серьезно, такъ какъ въ бесѣдѣ съ приватъ-доцентомъ Россолимо Чеховъ въ такомъ случаѣ выражалъ желаніе получить каѳедру частной паталогіи и терапіи и развернуть этотъ курсъ по своеобразнѣйшей программѣ, гдѣ «весь центръ тяжести лежалъ бы въ тщательномъ изученіи и освѣщеніи субъективной стороны болѣзненныхъ явленій при различныхъ страданіяхъ». Но и степень доктора медицины honoris causa не была получена, и обращеніе его собесѣдника къ нѣсколькимъ профессорамъ по поводу каѳедры потерпѣло крушеніе... [6]).

Слѣдя за новѣйшими теченіями въ медицинѣ, Антонъ Павловичъ выписывалъ журналъ «Врачъ», содѣйствовалъ основанію въ

---

[1]) «Враги». [2]) «Кошмаръ». [3]) «Бѣглецъ» (анонимъ), «Горе» (Павелъ Иванычъ), «Зеркало» (Степанъ Лукичъ), «По дѣламъ службы» (Старченко). [4]) «Хорошіе люди» (Вѣра Семеновна), «Скучная исторія» (Петръ Игнатьевичъ), «Ивановъ» (Львовъ), «Три сестры» (Чебутыкинъ), «Чайка» (Дорнъ), «Дядя Ваня» (Астровъ), «Дуэль» (Самойленко, Устимовичъ), «Палата № 6» (Рагинъ, Хоботовъ), «Три года» (Бѣлавинъ и «28 докторовъ»), «Интриги» («32 уважаемыхъ коллеги»). [5]) М. Чеховъ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 57. [6]) Членовъ. А. П. Чеховъ и медицина. «Русскія Вѣдомости» 1904, № 91.

Москвѣ журнала «Хирургія» подъ редакціей покойнаго профессора Дьяконова и, интересуясь изслѣдованіями Мечникова въ области прививокъ, живо откликнулся на планъ учредить въ Москвѣ спеціальный институтъ для строго научнаго изученія кожныхъ болѣзней и сифилиса:

«Деньги жертвуетъ, или пока, вѣрнѣе, собирается пожертвовать нѣкая г-жа В. Это—барышня 20—22 лѣтъ. Я прочелъ ей часть вашего письма, именно ту часть, въ которой идетъ рѣчь о кожныхъ болѣзняхъ, о сифилисѣ же помолчу. Мнѣ кажется, что нужно устроить больницу только для кожныхъ болѣзней, только съ научной цѣлью; для сифилитиковъ же рано или поздно устроитъ самъ городъ или можно будетъ подыскать другого жертвователя. Какъ вы полагаете? Жертвуемая сумма равна 120 тыс., но, можетъ быть, и 130;—это, смотря по тому, сколько дадутъ за продаваемые въ О. дома. Сегодня я буду у г-жи В. и поговорю съ ней и, такъ надо полагать, черезъ мѣсяцъ вопросъ уже будетъ рѣшенъ окончательно, т. е. вы будете имѣть новую больницу... Опять таки держите пока въ секретѣ и впередъ никому не говорите о моемъ вмѣшательствѣ въ судьбы московской медицины» [1]).

Къ сожалѣнію, оно оказалось безрезультатнымъ. Чеховъ ве. ъ переговоры въ Ниццѣ. Даръ обусловливался продажей домовъ жертвовательницы въ О. Институтъ предполагалось устроить въ Москвѣ. Дѣло затянулось и разстроилось.

Какъ это ни странно, многіе среди врачей даже не знали, что Антонъ Павловичъ—ихъ collega, и узнали объ этомъ только на VIII Пироговскомъ съѣздѣ въ 1902 году. Художественный театръ — спеціально для съѣхавшихся — поставилъ «Дядю Ваню», и со спектакля Чехову была отправлена въ Ялту покрытая множествомъ подписей привѣтственная телеграмма.

«Врачи-товарищи, члены VIII Пироговскаго съѣзда, присутствуя сегодня на представленіи «Дяди Вани», шлютъ знаменитому, горячо любимому автору, своему дорогому товарищу, выраженія глубокаго уваженія и пожеланіе здоровья» [2]).

Тяжко больной, онъ былъ безмѣрно обрадованъ:

«Большое сердечное вамъ спасибо за письмо и хлопоты на съѣздѣ. Во время съѣзда я чувствовалъ себя принцемъ, телеграммы поднимали меня на высоту, о которой я никогда не мечталъ» [3])

---

[1]) Членову. «Русскія Вѣдомости», 1904, № 91. [2]) «Врачъ» 1904, № 44.
[3]) Членову. «Русскія Вѣдомости», 1904, № 91.

Какую же роль сыграла медицина въ творчествѣ Антона Павловича? Весьма важную. Чеховъ нисколько не сомнѣвался, что занятія медицинскими науками имѣли на его литературную дѣятельность серьезное вліяніе:

«Они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня на-сторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно,— предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой услов-

Курору рекомендую этот рецепт: Rp. Kali (или Str.) bromati 5,0, Chlor. hydr. 2,0 Aq. 180,0. Через 2 часа по стол. ложке. Помогает).

Рецептъ А. П. Чехова.

ности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ...— Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ собственнымъ умомъ—не хотѣлъ бы принадлежать» [1].

Очень характерна для Чехова выдвинутая имъ дилемма: «соображаться съ научными данными», какъ необходимой предпосылкой правдиваго изображенія дѣйствительности, или же «не писать вовсе». Компромисса онъ не допускаетъ. Послѣдній противорѣчитъ всему его укладу. Почему, написавъ разсказъ «Припадокъ», Антонъ Павловичъ сказалъ, что совѣсть у него спокойна?

«Во-первыхъ, обѣщаніе сдержалъ, во-вторыхъ, воздалъ покойному Гаршину ту дань, какую хотѣлъ и умѣлъ. Мнѣ, какъ ме-

---

[1]) Автобіографія. Юбилейный (XV) альбомъ врачей, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1884 г. М. 1899, стр. 12.

дику, кажется, что душевную боль я описалъ правильно, по всѣмъ правиламъ психіатрической науки» [1]).

Освѣщая душевное состояніе писателя, Тригоринъ устами Чехова говоритъ:

— День и ночь одолѣваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую... Пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуюсь, а между тѣмъ каждое мгновеніе помню, что меня ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ-нибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнетъ геліотропомъ. Скорѣе мотаю на усъ: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера. Ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ, и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось пригодится. Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ или удить рыбу; тутъ бы и отдохнуть, забыться,—анъ нѣтъ, въ головѣ уже ворочается тяжелое чугунное ядро—новый сюжетъ, и уже тянетъ къ столу, и надо спѣшить опять писать и писать. И такъ всегда, всегда, и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя, и я чувствую, что съѣдаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому то въ пространство, я обираю пыль съ лучшихъ своихъ цвѣтовъ, рву самые цвѣты и топчу ихъ корни. Развѣ я не сумасшедшій?» [2]).

Эти муки творчества усугублялись у Антона Павловича тѣмъ, что онъ—врачъ по профессіи—подвергалъ все окружавшее его усиленному анализу, который можно было бы назвать художественной діагностикой. На замѣчаніе, что ему, какъ медику, было легче выработать въ себѣ зоркаго наблюдателя, онъ, задумчиво пощипывая свою бородку, отвѣтилъ:

— Ну, этого не скажите. Мнѣ медицина, напротивъ, скорѣй мѣшаетъ предаваться вольному искусству... мѣшаетъ, понимаете, въ смыслѣ непосредственности впечатлѣнія! Какъ бы это вамъ объяснить потолковѣе?..

«Чеховъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна и заглянулъ на освѣщенный луной дворикъ.

[1]) Собраніе писемъ. А. Н. Плещееву, 13 ноября 1889.

[2]) «Чайка».

— Вотъ, напримѣръ, простой человѣкъ смотритъ на луну и умиляется, какъ передъ чѣмъ то страшно таинственнымъ и непостижимымъ. Ну, а астрономъ смотритъ на нее совсѣмъ иными глазами... у него уже нѣтъ и не можетъ быть этихъ дорогихъ иллюзій! И у меня, какъ медика, ихъ тоже мало... и, конечно, жаль—это какъ то сушитъ жизнь» [1]).

Сравнивая положительный результатъ вліянія медицины на литературную дѣятельность Антона Павловича съ отрицательнымъ—на его личное бытіе, нельзя не придти къ тому выводу, что она «освѣтила ему жизнь, но напоила его сердце ядомъ»... [2]).

V.

Сотрудничество въ «Будильникѣ», «Свѣтѣ и Тѣняхъ», «Зрителѣ» и «Москвѣ» сблизили Чехова съ поэтомъ Пальминымъ. Онъ писалъ стихи въ «Осколкахъ» и, будучи пріятелемъ издателя этого журнала, Лейкина, познакомилъ его въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Москву съ Антономъ Павловичемъ. Это знакомство произошло очень оригинально. Лейкинъ обѣдалъ съ Пальминымъ у Тѣстова и затѣмъ поѣхалъ къ нему чай пить.

«Было это зимой; подъ вечеръ, но засвѣтло. Пальминъ тогда жилъ на Собачьей площадкѣ, на Арбатѣ. Я просилъ Пальмина, чтобы онъ приглашалъ иногда кое-кого изъ московской пишущей братіи для писанія въ «Осколкахъ». Онъ обѣщалъ. А когда мы подъѣзжали съ нимъ къ его квартирѣ, сказалъ мнѣ, указывая на тротуаръ:—Да вотъ два даровитые брата идутъ: одинъ художникъ, а другой писатель. У него очень недурной разсказецъ былъ въ «Развлеченіи».

«Это были два брата Чеховы. Николай—художникъ, и Антонъ. Я встрепенулся.

— Такъ познакомь меня поскорѣй съ нимъ, Ліодоръ Ивановичъ!—сказалъ я Пальмину.—Остановимся!

«Мы вылѣзли изъ саней. Пальминъ окликнулъ Чеховыхъ и познакомилъ насъ. Мы вошли въ ближайшую портерную и, за пивомъ, я пригласилъ сотрудничать въ «Осколкахъ» и Антона, и Николая Чеховыхъ. Антонъ Чеховъ сейчасъ же сталъ присылать изъ Москвы въ «Осколки» свои разсказы. Николай Чеховъ, нынѣ давно умершій, очень даровитый художникъ, къ сожалѣ-

---

[1]) Ив. Щегловъ. Изъ воспоминаній объ Антонѣ Чеховѣ. «Нива». Литературныя приложенія. 1905, № 6, стр. 238—239.

[2]) Щедринъ. «Похороны».

нію, мало работалъ въ журналѣ. Онъ прислалъ за все время всего пять—шесть рисунковъ» [1]).

Хотя и неувѣренно («кажется»), но Лейкинъ относитъ этотъ эпизодъ къ 1885 году. Онъ ошибается. Тогда Чеховъ подъ псевдонимомъ «Руверъ» уже велъ въ «Осколкахъ» отдѣлъ «Московская жизнь». Дата должна и можетъ быть установлена съ достаточной точностью, какъ знаменующая эпоху въ литературной дѣятельности Антона Павловича. Въ письмѣ къ нему Лейкинъ извѣстилъ его:

«Милостивый Государь! Имѣю честь Васъ увѣдомить, что присланные Вами въ два пріема разсказцы я получилъ и отобралъ изъ нихъ для помѣщенія въ журналѣ «Осколки» три разсказа: «Рѣчь и ремешокъ», «Неудачный визитъ» и «Нарвался» [2]). За присылку ихъ приношу Вамъ мою благодарность. Два же разсказа: «Выучилъ» и «Между прочимъ» спѣшу вамъ при семъ возвратить. Мнѣ вообще пріятно Ваше сотрудничество. Мелкія Ваши прозаическія вещицы я всегда готовъ помѣщать, ежели онѣ будутъ согласны съ программой журнала. Ежели у Васъ будутъ мелочишки для отдѣла «Осколки», или подписи къ рисункамъ, то прошу присылать и таковыя.

Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ дружественномъ расположеніи. Н. Лейкинъ» [3]).

Письмо помѣчено 14 ноября 1882 года. Поэтому знакомство его автора съ Антономъ Павловичемъ могло произойти никакъ не позже этого времени, а нѣсколько ранѣе, приблизительно—въ концѣ октября.

«И какъ писателя, Чехова я отыскалъ»,—подчеркиваетъ Лейкинъ.

Пускай это горделивое утвержденіе не соотвѣтствуетъ истинѣ: онъ искалъ «кое-кого изъ пишущей московской братіи»,—и только. И, если этотъ «кое-кто» оказался Чеховымъ, то лишь потому, что писатель самъ себя «отыскалъ» и, какъ дарованіе, дѣйствительно искрившееся на безнадежно пошломъ фонѣ юмористики 80-хъ годовъ, не могъ не обратить на себя вниманія. Но что именно Лейкинъ, со своей стороны оцѣнивъ Антона Павловича, показалъ его Петербургу, гдѣ Чеховъ вскорѣ выступилъ

[1]) Николай Александровичъ Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. Стр. 242-243.

[2]) 1882, № 47, 48; 1884, № 47.

[3]) Николай Александровичъ Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. Стр. 244.

съ лучшими изъ своихъ мелкихъ произведеній, это—безспорно и, конечно, заслуживаетъ глубокой признательности всѣхъ искренно любящихъ родную литературу.

О довѣріи, съ которымъ Антонъ Павловичъ относился къ Лейкину, какъ къ цѣнителю, можно судить по его «маленькому заявленію», сопровождавшему вступительный обзоръ «Московской жизни»:

«Пишу я юмористическій фельетонъ впервые. Не опытенъ и малосвѣдущъ. Въ актеры я не уйду, мельницей не займусь, но не могу ручаться, что не буду сухъ, безсодержателенъ, и, главное, не юмористиченъ. Буду стараться. Если годится, берите и печатайте, а если не годится то... фюить! Буду высылать Вамъ куплетцы, Вы выбирайте и ради Бога не церемоньтесь. Данною Вамъ отъ Бога властью херьте все неудобное и подозрѣваемое въ негодности. Я щепетиленъ, но не для Осколокъ. Предложи мнѣ эту работу другая редакція, я отказался бы, или обошелся бы безъ этого заявленія, но у Васъ я слушаюсь и говорю правду. Если Вы даже вовсе похерите мои замѣтки и скажете мнѣ «пасъ!», то и это я приму съ легкою душой... Не буду слишкомъ мелоченъ, не стану пробирать грязныхъ салфетокъ и маленькихъ актеровъ, но въ то же время я нищъ наблюдательностью текущаго и нѣсколько общъ, а послѣднее неудобно для замѣтокъ. Рѣшайте» [1]).

Въ такія минуты Чеховъ встрѣчалъ въ Лейкинѣ весьма цѣнную для начинающаго поддержку:

«Скажу вамъ прямо: какъ бы ни былъ плохъ Руверъ, онъ все-таки лучше напишетъ, чѣмъ вся московская братія, до сихъ поръ писавшая у меня въ «Осколкахъ». Да я и не нахожу, чтобы Ваши фельетоны были плохи. Самъ себѣ никто не судья, а я Вашимъ писаньемъ доволенъ. Высказавъ это, я усердно прошу Васъ продолжать обозрѣніе московской жизни и въ будущемъ году и приготовить обозрѣніе къ № 1... Я не сомнѣваюсь, что Вы мнѣ въ этомъ не откажете и смѣло жду отъ Васъ утвердительнаго отвѣта» [2]).

Съ Лейкинымъ Антонъ Павловичъ впервые пріѣхалъ въ Петербургъ. У него же останавливался въ дальнѣйшіе пріѣзды. Опять таки чрезъ него пріобрѣлъ въ тамошнихъ литературныхъ кругахъ знакомства и признавался ему:

---

[1]) Н. А. Лейкину, 1883.

[2]) Николай Александровичъ Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. Стр. 239.

«Осколки»—моя купель, а Вы—мой крестный батька» [1]).

Чеховъ писалъ въ нихъ сначала (1882—1884) изъ Москвы, а затѣмъ (1884—1887) оттуда же, а также изъ Воскресенска. Тамъ его братъ, Иванъ, былъ народнымъ учителемъ. На лѣто къ нему переѣзжала вся семья, а по окончаніи университета пріѣхалъ туда и Антонъ Павловичъ.

«Живу теперь въ Новомъ Іерусалимѣ. Природа кругомъ великолѣпная. Просторъ и полное отсутствіе дачниковъ. Грибы, рыбная ловля и земская лѣчебница. Монастырь поэтиченъ. Стоя на всенощной въ полумракѣ галлерей и сводовъ, я придумываю темы для «звуковъ сладкихъ». Темъ много, но писать рѣшительно не въ состояніи... Скажите на милость, гдѣ я могъ бы печатать такіе «большіе» разсказы, какіе Вы видѣли въ «Сказкахъ Мельпомены»? Въ Мірскомъ Толкѣ? И къ тому же лѣнь... Простите, ради Бога... Это письмо пишу я... лежа... Каковъ? Примостилъ себѣ на животъ книжищу и пишу. Сидѣть же лѣнь... Каждое воскресенье въ монастырѣ производится пасхальная служба со всѣми ея шиками... Лѣсковъ, вѣроятно, знаетъ объ этой особенности нашего монастыря. Каждый вечеръ гуляю по окрестностямъ въ компаніи пестрѣющей мужской, женской и дѣтской modes et robes. Вечеромъ же хожу на почту къ Андрею Егорычу получать газеты и письма, при чемъ копаюсь въ корреспонденціи и читаю адресы съ усердіемъ любопытнаго бездѣльника. Андрей Егорычъ далъ мнѣ тему для разсказа «Экзаменъ на чинъ». Утромъ заходитъ за мной мѣстный старожилъ, дѣдъ Прокудинъ, отчаянный рыболовъ. Я надѣваю большіе сапоги и иду куда-нибудь въ Раменское или Рубцовское покушаться на жизнь окуней, головлей и линей. Дѣдъ сидитъ по цѣлымъ суткамъ, я же довольствуюсь 5—6 часами. Ѣмъ до отвала и умѣренно пью листовку. Со мной семья, варящая, пекущая и жарящая на средства, даваемыя мнѣ рукописаніемъ. Жить можно... Одно только скверно: лѣнивъ и зарабатываю мало» [2]).

Общество, о которомъ упоминаетъ Чеховъ, было дружное и интересное. Между прочимъ тутъ проживалъ извѣстный тогда своими работами по предполагавшемуся въ началѣ 80-хъ годовъ созыву Земскаго Собора Голохвастовъ.

«Жена его, Ольга Андреевна, была литераторшей, писала комедіи и драмы. Въ городѣ стояла батарея, которой командовалъ симпатичнѣйшій полковникъ Маевскій. Было нѣсколько

---

[1]) Н. А. Лейкину, 27 декабря 1887. [2]) Н. А. Лейкину, 25 іюня 1884.

офицеровъ и батарейныхъ дамъ... Центромъ была семья Маевскихъ. У нихъ были дѣти: Аня, Саня и Алеша, которыхъ очень любилъ Антонъ Павловичъ, часто возился съ ними, говорилъ глупости». Батарея эта дала ему свѣдѣнія по военной части («Поцѣлуй», «Три сестры») [1]).

Отсюда Чеховъ выѣзжалъ въ Звенигородъ:

«Передъ моимъ окномъ гора съ соснами, правѣе домъ исправника, еще правѣе паршивенькій городишко, бывшій когда то стольнымъ городомъ... Налѣво заброшенный крѣпостной валъ, лѣвѣе лѣсокъ, а изъ-за послѣдняго выглядываетъ Савва Освященный. Заднее крыльцо, или вѣрнѣе задняя дверь, около которой воняетъ... и хрюкаетъ поросенокъ, глядитъ на рѣку» [2]).

Весь укладъ уѣздной чиновничьей жизни, съѣзды мировыхъ судей, судебныя слѣдствія,—все это въ очеркахъ Антона Павловича навѣяно именно этими мѣстами.

Неподалеку находилось Бабкино. Это имѣніе принадлежало Киселеву. Чеховы познакомились съ нимъ нѣсколько ранѣе и пріѣзжали къ нему въ гости. Затѣмъ онъ предложилъ имъ поселиться у него. Они согласились.

«Буду жить въ комнатахъ, въ которыхъ прошлымъ лѣтомъ жилъ Маркевичъ. Тѣнь его будетъ являться мнѣ по ночамъ! Нанялъ я дачу съ мебелью, овощами, молокомъ и проч... Усадьба очень красивая, стоитъ на крутомъ берегу... Внизу рѣка, богатая рыбой, за рѣкой громадный лѣсъ, по сю сторону рѣки тоже лѣсъ... Около дачи оранжереи, клумбы et caetera... Я люблю начало мая въ деревнѣ... Весело слѣдить за тѣмъ, какъ распускается зелень, какъ начинаютъ пѣть соловьи... Вокругъ усадьбы никто не живетъ, и мы будемъ одиноки... Киселевъ съ женой, Бѣгичевъ, отставной теноръ Владиславлевъ, тѣнь Маркевича, моя семья—вотъ и всѣ дачники» [3]).

Киселевъ—земскій начальникъ—происходилъ изъ аристократической фамиліи: онъ былъ племянникомъ извѣстнаго господаря Молдавіи и посланника въ Парижѣ графа Киселева.

Его супруга Марья Владиміровна—дочь Бѣгичева—часто бывала за границей, близко знала Даргомыжскаго, Чайковскаго и Сальвини.

Бѣгичевъ покинулъ тогда постъ управляющаго конторой Императорскихъ театровъ въ Москвѣ и поселился у своего зятя

---

[1]) М. Чеховъ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 45. [2]) Н. А. Лейкину, 1884. [3]) Ему же, 28 апрѣля 1885.

въ комнаткѣ, обставленной по-женски, съ окнами, выходившими на рѣку и лѣсъ. Въ свое время (50—70 годы) неотразимый красавецъ и Донъ-Жуанъ,—онъ былъ дважды описанъ Маркевичемъ: молодымъ—въ «Четверти вѣка назадъ» и на старости—въ «Переломѣ», а одинъ изъ его амурныхъ эпизодовъ послужилъ сюжетомъ давно уже сошедшей со сцены «Ольгѣ Ранцевой». На склонѣ лѣтъ этотъ интереснѣйшій человѣкъ со все еще эффектными бакенбардами нѣсколько опустился и—что не лишено вѣроятія—могъ послужить Антону Павловичу оригиналомъ для Гаева въ «Вишневомъ садѣ» и особенно — Шабельскаго съ его язвительностью въ «Ивановѣ»: ѣдкое остроуміе и даръ блестящаго causeur'a — все это у него осталось. Часами слушали Чеховы разсказы этого салоннаго льва объ его зарубежныхъ и отечественныхъ похожденіяхъ. Среди прочаго, онъ съ неподражаемымъ юморомъ разсказалъ имъ происшествіе, воспроизведенное Антономъ Павловичемъ въ «Володѣ», и случай съ чихнувшимъ служакой, описанный въ «Смерти чиновника».

Въ 7 часовъ утра Чеховъ уже сидѣлъ за столикомъ и писалъ для «Осколковъ», а также—по рекомендаціи Лейкина—въ «Петербургскую Газету» (1885 — 1888), отражая въ своихъ очеркахъ жизнь этого уголка или тяготѣвшихъ къ нему деревень.

«Обѣдали въ часъ. Послѣ обѣда всей компаніей шли по грибы въ Дарагановскій лѣсъ. Антонъ Павловичъ былъ страстнымъ любителемъ искать грибы и во время ходьбы по лѣсу легче придумывалъ темы. Близъ Дарагановскаго лѣса стояла одинокая полевщинская церковь... Въ ней служили всегда только одинъ разъ въ годъ, на Казанскую, и по ночамъ до Бабкина долетали лишь унылые удары колокола, когда сторожъ звонилъ часы. Эта церковь съ ея домикомъ для сторожа у почтовой дороги, кажется, дала ему мысль написать «Вѣдьму» и «Недоброе дѣло». Возвратившись изъ лѣсу, пили чай. Затѣмъ Антонъ Павловичъ опять писалъ или игралъ въ крокетъ, а въ 8 часовъ ужинали. Послѣ ужина шли въ большой домъ къ Киселевымъ. Это были превосходные вечера. Киселевъ и Бѣгичевъ сидѣли у стола и раскладывали пасьянсы, гувернантка... аккомпанировала, Владиславлевъ пѣлъ, а мы всѣ, Чеховы, усаживались вокругъ Марьи Владиміровны и слушали ея разсказы о заграницѣ, о Даргомыжскомъ, Чайковскомъ, Сальвини. Бѣгали дѣти. Съ надворья доносилось или пѣніе соловьевъ, или же стукъ дождевыхъ капель о стекла... Въ эти вечера много говорилось о литературѣ, художествѣ, смаковали Тургенева, Писем-

скаго. Щедринъ не сходилъ съ устъ. Много читали. Получались всѣ толстые журналы» [1]).

Перебрался въ Бабкино и жившій поблизости, въ деревнѣ Максимовкѣ, Левитанъ.

«Веселый и беззаботный смѣхъ не смолкалъ порою съ утра до вечера, и выходило какъ то такъ, что даже изо всякаго пустяка, изъ какой-нибудь ловли карасей въ пруду сосѣдней деревни или прогулки за грибами создавалось что то полное удивительно молодого веселья... Исаакъ Ильичъ отъ души дурачился со всѣми нами. То надъ дверями Левитана на его ателье, устроенномъ изъ сарайчика, служившаго нѣкогда курятникомъ, вдругъ неожиданно для него появлялась вывѣска съ надписью: «Ссудная касса купца Исаака Левитана», и начиналась невозможная травля его будто бы за разныя преступныя дѣянія, причемъ Левитанъ не отставалъ и парировалъ обвиненія съ остроуміемъ, вызывавшимъ гомерическій хохотъ. То вдругъ объявлялось по всему дому, что преступленія Левитана превышаютъ мѣру всякаго терпѣнія, и надъ нимъ устраивался судъ, благо Киселевъ былъ земскимъ начальникомъ и подъ руками была камера со всѣми атрибутами. Антонъ Павловичъ въ роли прокурора громилъ подсудимаго, для этого гримировался невѣроятнымъ злодѣемъ и произносилъ такія патетическія рѣчи, что отъ общаго хохота засѣданіе прерывалось и превращалось на нѣсколько минутъ въ настоящій сумасшедшій домъ. Братъ Николай въ роли свидѣтеля импровизировалъ невѣроятныя показанія, а братъ Александръ защищалъ съ такимъ паѳосомъ, что у всѣхъ отъ смѣха текли самыя искреннія слезы.

«А то вдругъ Левитанъ на осликѣ и въ простыняхъ, одѣтый бедуиномъ, выѣзжалъ на закатѣ на лугъ, за рѣку, и устраивалъ тамъ вечернюю мусульманскую молитву, а Антонъ Павловичъ изъ-за кустовъ стрѣлялъ по немъ холостымъ зарядомъ. Левитанъ падалъ, и всѣмъ домомъ мы устраивали его похороны. На руки ему надѣвали сапоги, а выше локтей чѣмъ-нибудь ихъ обматывали, затѣмъ клали ему на плечи палки и вѣшали на нихъ другую простыню, такъ что голова и протянутыя руки изображали какую то очень комическую фигурку лежавшаго на носилкахъ мертвеца, а настоящее туловище скрывалось за простынями. И всѣмъ домомъ въ фантастическихъ одѣяніяхъ шли мы по дорожкамъ парка, распѣвая всевозможную ерунду, пока это не на-

[1]) М. Чеховъ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехову», стр. 48—49.

доѣдало Левитану, онъ не вырывался и не пускался въ бѣгство, преслѣдуемый всѣми нами до самаго его ателье... Много было всякаго дурачества...» [1]).

Антонъ Павловичъ звалъ сюда и «тяжелѣйшаго на подъемъ Франца Осиповича» (Шехтеля):

«Стыдно сидѣть въ душной Москвѣ, когда есть возможность пріѣхать въ Бабкино. Житье въ городѣ лѣтомъ—это хуже... и безнравственнѣе... У насъ великолѣпно: птицы поютъ, Левитанъ изображаетъ чеченца, трава пахнетъ, Николай пьетъ... Въ природѣ столько воздуха и экспрессіи, что нѣтъ силъ описать... Каждый сучокъ кричитъ и просится, чтобы его написалъ Левитанъ, держащій въ Бабкинѣ ссудную кассу. Николай обратился и помѣшался на индѣйскомъ пѣтухѣ. Высшее его наслажденіе—это свистать индюку или изображать его. Я пишу, пишу, пишу... и лѣнюсь. Вчера пріѣхалъ Бѣгичевъ, который открылъ у насъ парикмахерскую. Пріѣзжайте не на недѣлю, а на двѣ—на три. Каяться не будете, особливо, если вы не противъ жить по-свински, т. е. довольства исключительно только растительными процессами. Бросьте вы вашу архитектуру! Вы намъ ужасно нужны. Дѣло въ томъ, что мы (Киселевъ, Бѣгичевъ и мы) собираемся судить по всѣмъ правиламъ юриспруденціи, съ прокурорами и защитниками, купца Левитана, обвиняемаго: a) въ уклоненіи отъ воинской повинности, b) въ тайномъ винокуреніи (Николай пьетъ, очевидно, у него, ибо больше пить негдѣ), c) въ содержаніи тайной кассы ссудъ, d) въ безнравственности и проч.

«Приготовьте рѣчь въ качествѣ гражданскаго истца. Ваша комната убрана этюдами. Кровать давно уже ждетъ васъ. Пишите, когда ждать васъ. Мы устроимъ вамъ торжественную встрѣчу. Купанье грандіозное. Рыба ловится плохо» [2]).

VI.

Подрядъ 3 лѣта провелъ Чеховъ съ родными въ Бабкинѣ, наѣзжая туда и зимой.

Его литературная дѣятельность за это время обратила на себя въ Петербургѣ общее вниманіе. Послѣ появленія въ «Петербургской Газетѣ» разсказа «Налимъ» [3]) въ редакцію посыпались письма

[1]) Сергѣй Глаголь. И. Левитанъ. (Матеріалы для его біографіи и характеристики). «Новое Слово». Товарищескіе сборники. 1907. Книга I, стр. 216—217. Запись со словъ Маріи Павловны Чеховой.

[2]) Письма. Ф. О. Шехтелю (извѣстному Московскому архитектору), 8 іюня 1886.

[3]) 1875, № 177.

съ запросами, кто такой «А. Чехонте» и когда появится этотъ авторъ еще.

Вскорѣ Чеховъ выпускаетъ новый сборникъ:

«На заглавіи книги, мы, кажется, уже остановились съ Вами. Я не думалъ, что это еще не рѣшенное дѣло, а потому и не спѣшилъ писать Вамъ. Мы согласились съ Вами назвать книгу такъ: «А. Чехонте. Пестрые разсказы» [1]).

Печать горячо привѣтствуетъ появленіе новаго изъ ряду вонъ выдающагося таланта и съ поразительнымъ, доходящимъ до текстуальнаго совпаденія единодушіемъ прозрѣваетъ въ Антонѣ Павловичѣ писателя-гуманиста.

«Петербургскія Вѣдомости» указали, что «г. Чеховъ весьма далекъ отъ всякаго намѣренія насмѣшить своего читателя только словами или позабавить его, такъ сказать, одною анекдотическою стороною фабулы разсказа. Въ самыхъ пустенькихъ его очеркахъ, даже шаржахъ, вамъ чудятся искреннія слезы подъ внѣшнимъ смѣхомъ автора, и эти слезы тѣмъ болѣе трогаютъ васъ. Другая особенность дарованія молодого автора—прирожденный здоровый юморъ... Наконецъ, у г. Чехова чрезвычайно своеобразная и острая наблюдательность, дозволяющая ему трактовать самые заѣзженные мотивы съ совершенно оригинальной точки зрѣнія... Описанія природы у него, за рѣдкимъ исключеніемъ, довольно ярки... Кругозоръ не тенденціозенъ. Для него вездѣ и всегда человѣкъ заслоняетъ всякую профессію и побѣждаетъ всякій мундиръ... Это большое и рѣдкое достоинство именно въ молодомъ писателѣ, не меньше другихъ сторонъ его дарованія обѣщающее въ будущемъ... У г. Чехова будетъ своя и видимо хорошая дорога. Я говорю: будетъ, если газетная поденщина не доведетъ его до размѣна его крупнаго таланта на мелочь... Искренно желаю, чтобы муза г. Чехова спасла его отъ такого жалкаго для искусства конца» [2]).

«Русскія Вѣдомости» отмѣтили, что «у насъ подъ именемъ *легкаго чтенія* разумѣютъ нерѣдко чтеніе грязныхъ разсказовъ, въ которыхъ пошлой внѣшней занимательности приносятся въ жертву и здравый смыслъ и нравственное чувство. Не таковы «Пестрые разсказы» г. Чехова. Это по большей части умные, бойкіе и глубоко-честные очерки, которые читаются дѣйствительно *легко*, съ живымъ интересомъ и съ большою пользою.

---

[1]) Н. А. Лейкину, 24 іюня 1886. [2]) Н. Ладожскій. Критическіе наброски. Обѣщающее дарованіе. 1886, № 167.

Они не только веселятъ, но и гуманизируютъ. Отъ времени до времени въ «Пестрыхъ разсказахъ» слышится нотка заразительнаго смѣха, а то промелькнетъ и серьезная дума. Мы съ предубѣжденіемъ начали читать книгу г. Чехова, а по окончаніи этого чтенія рекомендуемъ ее, какъ одинъ изъ лучшихъ сборниковъ разсказовъ для легкаго чтенія... Нѣкоторые плохи, но есть и замѣчательно удачные. Разсказы г. Чехова переходятъ въ бойкую каррикатуру, но авторъ и не задавался иными цѣлями» [1]).

«Русская Мысль» подчеркнула, что «имя А. Чехонте хорошо знакомо читателямъ «Будильника», «Осколковъ» и другихъ иллюстрированныхъ и такъ называемыхъ сатирическихъ журналовъ, и знакомо съ очень хорошей стороны. Не всѣ его разсказы одинаково талантливо написаны, конечно,—недаромъ, собравши ихъ вмѣстѣ, авторъ назвалъ ихъ *пестрыми:* они дѣйствительно очень «пестры». Между ними попадаются и посредственные, и ниже посредственныхъ. Но въ нихъ во всѣхъ есть два превосходныхъ качества, дѣлающихъ для насъ г. Чехова особенно симпатичнымъ писателемъ,—это честность мысли, вложенная въ основу его разсказовъ, полная пристойность изложенія,—пристойность во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ легкаго правильнаго языка. Авторъ затрогиваетъ иногда весьма щекотливые вопросы, самыя грязныя стороны человѣческихъ отношеній, и при этомъ умѣетъ коснуться ихъ какъ разъ настолько, насколько это необходимо для осмѣянія того, что въ нихъ достойно осмѣянія и осужденія. Самое осужденіе человѣческихъ слабостей выходитъ у г. Чехова какимъ то беззлобивымъ, осмѣяніе—добродушнымъ, не коробящимъ рѣзкостью. Изъ-за его смѣха часто видна неподдѣльная грусть, и у читателя порой невольно вырывается вздохъ... Авторъ, оставаясь вполнѣ реальнымъ и правдивымъ, умѣетъ въ большинствѣ случаевъ избѣжать непристойныхъ рѣзкостей, принимаемыхъ иными изъ нашихъ писателей за лучшіе цвѣты современнаго французскаго натурализма» [2]).

«Вѣстникъ Европы» высказался гораздо сдержаннѣе, подчеркнувъ какъ разъ легковѣсную—въ духѣ поговорки «не любо, не слушай»—и изрѣдка скабрезную («Дочь Альбіона»), анекдотичность большинства очерковъ («Орденъ», «Новинка», «О вредѣ

[1]) Библіографическая замѣтка. 1886, № 168.
[2]) Библіографическій отдѣлъ. 1886. VII, стр. 10.

табака»), крайнюю заурядность тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго («Налимъ», «Хирургія», «Заблудшіе», «Не судьба», «Надлежащія мѣры»), претенціозность, которая не трогаетъ, ибо построена опять-таки на «происшествіи», на этотъ разъ не смѣхотворномъ, а столь же искусственно страшномъ («Въ Рождественскую ночь») и, наконецъ, весьма элементарную психологію автора тамъ, гдѣ онъ болѣе естественъ («Верба, «Горе», «Старость»). «Есть однако и страницы совершенно другого рода. Надъ обычнымъ уровнемъ стоятъ уже тѣ разсказы, въ которыхъ анекдотъ переплетается съ картинкой нравовъ, и дѣйствующія лица перестаютъ быть *только* маріонетками, гримасничающими и кривляющимися на потѣху нетребовательныхъ зрителей («Пѣвчіе», «У предводительши», «Оба лучше», «Пересолилъ», «Комикъ»)... Хорошо удаются автору и очерки дѣтской психологіи («Кухарка женится», «Дѣтвора»), но выше всего поднимается онъ тогда, когда рисуетъ душевное состояніе, когда средоточіемъ разсказа служитъ не «происшествіе», а моментъ—комическій или трагическій, это все равно—изъ внутренней жизни человѣка («Сонная одурь», «Злоумышленникъ», «Тоска») [1]).

«Новости Дня» полностью перепечатали первую рецензію, занявшую полъ-номера, предпославъ ей указаніе на то, что «псевдонимъ этотъ хорошо извѣстенъ москвичамъ и читателямъ нашей газеты. Обладатель его, молодой московскій врачъ Антонъ Павловичъ Чеховъ...» [2]).

Въ такомъ же смыслѣ отозвался и «Будильникъ» [3]).

«Вообще книга рекламируется не дурно и безъ всякихъ со стороны моей усилій» [4]).

Антона Павловича почти одновременно замѣчаютъ Суворинъ, пригласившій его въ «Новое Время» (1886—1891), и Григоровичъ, при чемъ оба обращаются къ нему съ теплыми посланіями.

«Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я началъ собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки вѣры въ собственную литературную путевость у меня не было. Но вотъ нежданно-негаданно явилось ко мнѣ ваше письмо. Простите за сравненіе, оно подѣйствовало на меня, какъ гу-

---

[1]) К. Арсеньевъ. «Беллетристика послѣдняго времени». XII, стр. 766—775.

[2]) «Толки печати». 1886, № 168. [3]) 1886, № 19. [4]) Н. А. Лейкину, 24 іюня 1886.

бернаторскій приказъ «выѣхать изъ города въ 24 часа», т. е. я вдругъ почувствовалъ обязательную потребность спѣшить, скорѣе выбраться оттуда, куда завязъ» [1]).

Привѣтъ престарѣлаго писателя, Григоровича, произвелъ на Чехова ошеломляющее впечатлѣніе.

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовѣститель поразило меня, какъ молнія. Я едва не заплакалъ, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокій слѣдъ въ моей душѣ. Какъ вы приласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ вашу старость, я же не найду ни словъ, ни дѣлъ, чтобы благодарить васъ! Вы знаете, какими глазами обыкновенно люди глядятъ на такихъ избранниковъ, какъ вы; можете по этому судить, что составляетъ для моего самолюбія ваше письмо. Оно выше всякаго диплома, а для начинающаго писателя оно гонораръ за настоящее и будущее. Я, какъ въ чаду. Нѣтъ у меня силъ судить, заслужена мной эта высокая награда, или нѣтъ. Повторяю только, что она меня поразила. Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то, каюсь передъ чистотою вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его. Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ. Чтобы быть къ себѣ несправедливымъ, крайне мнительнымъ и подозрительнымъ, для организма достаточно причинъ чисто внѣшняго свойства. А такихъ причинъ, какъ теперь припоминаю, у меня достаточно. Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно ко моему авторству и не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомаранье. У меня въ Москвѣ сотни знакомыхъ, между ними десятка два пишущихъ, и я не могу припомнить ни одного, который читалъ бы меня, или видѣлъ во мнѣ *художника*. Въ Москвѣ есть, такъ называемый, «литературный кружокъ», таланты и посредственности всякихъ возрастовъ и мастей собираются разъ въ недѣлю въ кабинетѣ ресторана и прогуливаютъ здѣсь свои языки. Если пойти мнѣ туда и прочесть мнѣ хотя кусочекъ изъ вашего письма, то мнѣ засмѣются въ лицо. За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться этимъ общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость, скоро привыкъ снисходительно смотрѣть на свои работы и—пошла писать! Это первая причина. Вторая—я врачъ и по уши втянулся въ свою медицину... Пишу все это для того только, чтобы хотя немного оправдаться передъ вами

[1]) Письма. Д. В. Григоровичу, 28 марта 1886.

въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ. Доселѣ относился я къ своей литературной работѣ крайне легкомысленно, небрежно, зря.

. . . .

«Поставить на книжкѣ мое настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: виньетка готова и книга напечатана. Мнѣ многіе петербуржцы еще до васъ совѣтовали не портить книги псевдонимомъ, но я не послушалъ, вѣроятно, изъ самолюбія. Книжка моя мнѣ очень не нравится. Это винегретъ, безпорядочный сбродъ студенческихъ работишекъ, ощипанныхъ цензурой и редакторами юмористическихъ изданій. Я вѣрю, что, прочитавъ ее, многіе разочаруются. Знай я, что меня читаютъ, и что за мной слѣдите вы, я не сталъ бы печатать этой книги. Вся надежда на будущее. Мнѣ еще только 26 лѣтъ. Можетъ быть, успѣю что-нибудь сдѣлать, хотя время бѣжитъ быстро. Простите за длинное письмо и не вмѣняйте человѣку въ вину, что онъ первый разъ въ жизни дерзнулъ побаловать себя такимъ наслажденіемъ, какъ письмо къ Григоровичу.

Пришлите мнѣ, если можно, вашу карточку. Я такъ обласканъ и взбудораженъ вами, что, кажется, не листъ, а цѣлую стопу написалъ бы вамъ» [1]).

О своемъ успѣхѣ Антонъ Павловичъ не замедлилъ извѣстить дядю, котораго онъ всегда любилъ порадовать:

«Послѣ вашего пріѣзда, передъ Рождествомъ, пріѣхалъ въ Москву одинъ петербургскій редакторъ [2]) и повезъ меня въ Петербургъ. Ѣхалъ я на курьерскомъ, въ I классѣ, что обошлось редактору не дешево. Въ Питерѣ меня такъ приняли, что потомъ мѣсяца два кружилась голова отъ хвалебнаго чада. Квартира у меня была тамъ великолѣпная, пара лошадей, отмѣнный столъ, даровые билеты во всѣ театры. Я въ жизнь свою никогда не жилъ такъ сладко, какъ въ Питерѣ. Похваливъ меня, угостивъ, какъ только было возможно, мнѣ дали еще денегъ рублей 300 и отправили обратно въ I классѣ. Оказалось, что въ Петербургѣ меня знаютъ гораздо больше, чѣмъ въ Москвѣ.

«Медицина моя подвигается по-маленьку. Нашимъ раздолье: даже Ѳедосья Яковлевна [3]) у меня лѣчится; недавно лѣчилъ Ивана [4]). Имѣть у себя въ домѣ врача—большое удобство.

«Писанье мое,— это побочное занятіе,—подвигается своимъ порядкомъ. Я уже работаю въ самой большой петербургской

---

[1]) Письма. Д. В. Григоровичу, 28 марта 1886. [2]) Н. А. Лейкинъ. [3]) Тетка Чехова по матери. [4]) Братъ Антона Павловича.

газетѣ—въ «Новомъ Времени», гдѣ мнѣ платятъ по 12 коп. за строчку. Вчера я получилъ изъ этой газеты за 3 небольшихъ разсказа, помѣщенныхъ въ трехъ номерахъ, 232 рубля. Чудеса! Я просто глазамъ своимъ не вѣрю. А маленькая «Петербургская Газета» даетъ мнѣ 100 руб. за 4 разсказа.

«Но это не такъ важно, какъ важно слѣдующее. Въ Россіи есть большой писатель Д. В. Григоровичъ, портретъ котораго вы найдете у себя въ книгѣ «Современные дѣятели». Не такъ давно, не жданно, не гадано, не будучи съ нимъ знакомъ, я получилъ отъ него письмо въ полтора листа. Личность Григоровича настолько почтенна и популярна, что вы можете представить мое пріятное изумленіе!»

Приведя выдержки оттуда, Чеховъ продолжаетъ:

«Письмо велико и нѣтъ времени передать его теперь, при свиданіи прочту вамъ его. Оно очень симпатично. Если музеи цѣнятъ письма такихъ людей, то какъ же мнѣ не цѣнить ихъ? Отвѣтилъ я на это письмо такъ: «Какъ вы, мой дорогой, горячо любимый благовѣститель, обласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ вашу старость!».

«Отвѣтъ мой растрогалъ старика. Я получилъ отъ него другое большое письмо и карточку [1]). Второе письмо его великолѣпно».

Въ заключеніе жизнерадостный племянникъ докладываетъ:

«Сегодня накупилъ себѣ одежи и выглядываю совсѣмъ франтомъ» [2]).

Петербургъ привелъ его въ восторгъ:

«Я чувствую себя на седьмомъ небѣ. Улицы, извозчики, провизія—все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера, напр., съ $10^1/_2$ часовъ утра до трехъ я сидѣлъ у Михайловскаго въ компаніи Глѣба Успенскаго и Короленко: ѣли, пили и дружески болтали. Ежедневно видаюсь съ Суворинымъ, Буренинымъ и проч. Всѣ наперерывъ приглашаютъ меня и курятъ мнѣ ѳиміамъ. Я за три дня пополнѣлъ. Какъ я жалѣю, что не могу всегда жить здѣсь! Воспоминаніе о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишащую NN и ZZ, портитъ мнѣ кровь. Знакомлюсь съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашенія. Пойду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хвалебныхъ рѣчей слышится психопатія» [3]).

---

[1]) Надпись: «Отъ стараго писателя—молодому таланту».
[2]) М. Е. Чехову, 11 марта 1886. «Утро» 1910, № 944.
[3]) Собраніе писемъ. М. Чехову, 1886.

Знакомству съ Короленко, которое состоялось нѣсколько ранѣе въ Москвѣ, Антонъ Павловичъ былъ чрезвычайно радъ:

«Во-первыхъ, я глубоко цѣню и люблю Вашъ талантъ; онъ дорогъ для меня по многимъ причинамъ. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что если я и Вы проживемъ на этомъ свѣтѣ еще лѣтъ 10—20, то намъ съ вами въ будущемъ не обойтись безъ точекъ общаго схода. Изъ всѣхъ нынѣ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный и несерьезный; я на замѣчаніи, выражаясь языкомъ поэтовъ, свою чистую музу я любилъ, но не уважалъ, измѣнялъ ей и не разъ водилъ ее туда, гдѣ ей не подобаетъ быть. Вы же серьезны, крѣпки и вѣрны. Разница между нами, какъ видите, большая, но, тѣмъ не менѣе, читая Васъ и теперь познакомившись съ Вами, я думаю, что мы другъ другу не чужды. Правъ я, или нѣтъ, я не знаю, но мнѣ пріятно такъ думать [1]).

. . . .

«Мнѣ пришла охота отдать переписать и послать Вамъ письмо старика Григоровича, которое я получилъ вчера. Цѣню я его по многимъ причинамъ на вѣсъ золота и боюсь прочесть во второй разъ, чтобы не потерять перваго впечатлѣнія... Изъ письма Вамъ станетъ также извѣстно, что не Вы одинъ отъ чистаго сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете, какъ мнѣ стыдно.

«Когда я прочелъ письмо Григоровича, я вспомнилъ Васъ, и мнѣ стало совѣстно. Мнѣ стало очевидно, что я не правъ. Пишу это именно Вамъ, потому что около меня нѣтъ людей, которымъ нужна моя искренность и которые имѣютъ право на нее, а съ Вами я, не спрашивая Васъ, заключилъ въ душѣ своей союзъ» [2]).

Это знакомство открываетъ Чехову двери «Сѣвернаго Вѣстника» (1888—1892). Настроеніе у него—приподнятое:

«Пишу повѣсть [3]) для толстаго журнала. Скоро кончу и пришлю. Ура-а-а!!!» [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Антонъ Павловичъ деликатно взываетъ къ своему «крестному батькѣ»:

«Въ моей тугоподвижности, съ какою я работаю у Васъ, ради Создателя не усмотрите злого умысла, не подумайте, что я отлыниваю отъ «Осколковъ» [5]).

Конечно, никакого «злого умысла» въ смыслѣ преднамѣреннаго «отлыниванія» отъ сотрудничества у него не было. Это

---

[1]) Ibidem. В. Г. Короленко, 17 октября 1887. [2]) Письма. Ему же. Безъ даты. Стр. 36. [3]) «Степь». [4]) Собраніе писемъ. И. Л. Щеглову, январь 1888. [5]) Н. А. Лейкину, 27 декабря 1887.

происходило само собой, являясь естественнымъ слѣдствіемъ роста его творчества, которое въ своей новой стадіи становилось тамъ неумѣстнымъ и притомъ для обѣихъ сторонъ: для Чехова—изъ-за невозможности обращенія вспять, для Лейкина—въ виду самаго характера его журнала и аудиторіи.

Не разстаться рано или поздно они, разумѣется, не могли. Но, что всего примѣчательнѣе, намекъ не только на возможность, но и на близость прощанія прозвучалъ уже въ самомъ началѣ участія Антона Павловича въ «Осколкахъ»: они показывали распускавшійся цвѣтокъ...

«Вы, à propos, замѣчаете, что мои «Верба» [1]) и «Воръ» [2]) нѣсколько серьезны для «Осколковъ». Пожалуй, но я не посылалъ бы Вамъ не смѣхотворныхъ вещицъ, еслибы не руководствовался при посылкѣ кое-какими соображеніями. Мнѣ думается, что серьезная вещица, маленькая, строкъ примѣрно въ 100, не будетъ сильно рѣзать глазъ, тѣмъ болѣе, что въ заголовкѣ Осколковъ нѣтъ словъ «юмористическій и сатирическій», нѣтъ рамокъ въ пользу безусловнаго юмора. Вещичка (не моя, а вообще) легенькая, въ духѣ журнала, содержащая въ себѣ фабулу и подобающій протестъ, насколько я успѣлъ подмѣтить, читается охотно, сирѣчь не дѣлаетъ суши. Да у Васъ же изрѣдка, кстати сказать, между вещицами остроумнѣйшаго И. Грэка [3]) попадаются вещицы, бьющія на серьезъ, но тоненькія, граціозныя, такія, что хоть послѣ обѣда вмѣсто дессерта ѣшь. Онѣ не дѣлаютъ контры, а напротивъ... Да и Ліодоръ Ивановичъ [4]) не всегда остритъ, а между тѣмъ едва ли найдется такой читатель Осколковъ, который пропускаетъ его стихи, не читая. Легкое и маленькое, какъ бы оно ни было серьезно (я не говорю про математику и кавказскій транзитъ), не отрицаетъ легкаго чтенія. Упаси Боже отъ суши, а теплое слово, сказанное на Пасху вору, который въ то же время и ссыльный, не зарѣжетъ номера. (Да, и правду сказать, трудно за юморомъ угоняться! Иной разъ погонишься за юморомъ, да такую штуку сморозишь, что самому тошно станетъ. Поневолѣ въ область серьеза лѣзешь)... Къ Троицѣ я пришлю Вамъ что-нибудь зеленое, а la Верба. Буду серьезничать только по большимъ праздникамъ» [5]).

Эта любопытнѣйшая самозащита опредѣленно говоритъ о той—до извѣстной степени—принудительности, въ тискахъ ко-

---

[1]) «Осколки» 1883, № 15. [2]) Ibidem, № 16. [3]) В. В. Билибинъ. [4]) Пальминъ. [5]) Н. А. Лейкину, 1884.

торой протекала ранняя литературная дѣятельность Чехова, начавшаго ее въ пору реакціи сверху и снизу и вдобавокъ въ юмористикѣ, гдѣ подъ страхомъ отвѣтственности воспрещалось употреблять такія выраженія, какъ «генералъ отъ медицины» или что-нибудь въ этомъ родѣ. «Смѣйся, паяцъ!»,—и ничего больше. Такъ требовалось «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ» и—самимъ Лейкинымъ, которому при всѣхъ его качествахъ, какъ общественника, этотъ лозунгъ былъ лично болѣе всего по сердцу. И вотъ Антону Павловичу пришлось употребить всю силу своей аргументаціи съ вызовомъ свидѣтелей (И. Грэкъ, Ліодоръ Ивановичъ), чтобы отстоять свое право на «теплое слово, сказанное на Пасху вору, который въ то же время и ссыльный» и на «серьезничанье»—въ видѣ уступки—«только по большимъ праздникамъ»... И что же? Оба свидѣтеля и много другихъ,—они канули въ Лету. Нуженъ былъ исключительный даръ, даръ Чехова, чтобы не только уцѣлѣть въ этихъ клещахъ, но и выйти изъ нихъ съ непочатымъ краемъ красоты.

Къ великому прискорбію она уже тогда была обвѣяна холоднымъ дыханіемъ могилы. Когда на Западѣ писатель—въ расцвѣтѣ, у насъ онъ — въ гробу. Такъ повелось. Много можетъ быть по этому поводу слезъ. Еще больше—проклятій. Но трауръ остается, и дорогіе мертвецы не встаютъ...

«Кто мнитъ себя виноватымъ,—писалъ въ это время покойный—тотъ всегда ищетъ себѣ оправданія извнѣ: пьяница ссылается на горе, П.—на цензуру. Брось я сейчасъ семью на произволъ, я старался бы найти себѣ извиненіе въ кровохарканіи» [1]).

Отсюда было сдѣлано заключеніе, что «1887 годъ былъ для Антона Павловича роковымъ» [2]).

Это не такъ. Уже вскорѣ по окончаніи университета, т. е. еще въ 1883 году, Чеховъ извѣщалъ своего друга:

«Работы пропасть, денегъ мало, здоровье негодное... Мечталъ къ празднику побывать въ Питерѣ, но задержало кровохарканіе».

И, гоня отъ себя мысль о тяжкомъ недугѣ, прибавилъ въ скобкахъ: «Не чахоточное» [3]).

Въ разсказѣ «Гусевъ» умирающій отъ туберкулеза пассажиръ парохода также увѣряетъ окружающихъ:

«Легкія у меня здоровыя, а кашель это желудочный... Я могу перенести адъ, не то, что Красное море! [4]).

---

[1]) М. Чеховъ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 49. [2]) Ibidem. [3]) Собраніе писемъ. П. А. Сергѣенко, 17 декабря 1884. [4]) Сочиненіе, т. VIII, стр. 187.

Такъ какъ братъ Антона Павловича умеръ отъ чахотки, то, естественно, возникаетъ предположеніе: не сталъ ли писатель жертвой наслѣдственности? Лицо, близко знавшее его семью, отвѣчаетъ безусловно отрицательно:

«О туберкулезной наслѣдственности не можетъ быть и рѣчи, и у Чехова можно было предполагать лишь извѣстную природную слабость организаціи» [1]).

Переутомленіе и сидячій образъ жизни (въ неблагопріятномъ помѣщеніи), обусловленные, главнымъ образомъ, усиленнымъ литературнымъ трудомъ въ молодости, когда слагающійся организмъ весьма воспріимчивъ,—вотъ, повидимому, то сѣмя, которое, упавъ на благодарную почву, дало гибельный ростокъ. Съ нимъ въ груди и вышелъ Чеховъ навстрѣчу ожидавшей его славѣ.

Вслѣдъ за «Пестрыми разсказами» появился сборникъ «Въ сумеркахъ»:

«Моя послѣдняя книжка, изданная Суворинымъ, идетъ превосходно. Могу похвастать, что у меня торговля идетъ гораздо лучше, чѣмъ у Лободы [2]). Я, братъ, сталъ купцомъ. Продаю статьи, піесы, книги, медицинскіе совѣты. За піесу [3]) получу не меньше тысячи рублей, на-дняхъ продалъ одному издателю [4]) полтора десятка завалящихъ, уже бывшихъ въ печати, старыхъ разсказовъ за 150 руб. Продалъ на одно изданіе [5]). И такъ далѣе. Однимъ словомъ—торговля кипитъ» [6]).

Оба сборника выдержали въ теченіе 12 лѣтъ по 12 изданій изъ 12000 экземпляровъ каждое. Одни, сравнивая ихъ, нашли, что за это краткое время Антонъ Павловичъ не подвинулся впередъ [7]), другіе—и на мой взглядъ совершенно правильно—даже и тутъ усмотрѣли въ творчествѣ Чехова прогрессъ въ смыслѣ отказа отъ анекдотическаго элемента или же облеченія его тамъ, гдѣ онъ остался, въ болѣе изящную форму и высказались за вѣроятность перехода молодого писателя къ повѣсти [8]).

Сборникъ «Въ сумеркахъ» былъ удостоенъ Пушкинской преміи въ половинномъ (500 р.) размѣрѣ. Рецензировалъ его академикъ Бычковъ, взявшійся — horribile dictu!— «своими словами» пересказывать Антона Павловича. Пересказъ Чехова это—пере-

[1]) Членовъ. А. П. Чеховъ и медицина. «Русскія Вѣдомости» 1904, № 91. [2]) Братъ тетки Чехова по матери. [3]) «Ивановъ». [4]) Вернеръ. [5]) «Невинныя рѣчи» А. Чехонте (А. П. Чехова). Изданіе журнала «Сверчокъ». М. 1887. [6]) Г. М. Чехову, 1888. «Утро». 1910, № 947. [7]) «Русская Мысль» 1887, № 10, стр. 589. [8]) К. Арсеньевъ. Беллетристика послѣдняго времени. «Вѣстникъ Европы» 1887. XII, стр. 766—775.

сказъ сумерокъ, солнечнаго заката, луннаго свѣта или чудесной тайны ночи, когда «все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью» [1]). Тончайшая поэзія разсыпалась отъ прикосновенія къ ней, какъ золотистая пыльца на крыльяхъ мотылька. Поникла, какъ лепестки стыдливой мимозы.

Мало того. Совершенно напрасно Арсеньевъ незадолго до того утверждалъ, что «въ наше время едва ли найдется такой читатель—тѣмъ менѣе такой критикъ—который сталъ бы измѣрять достоинство произведенія его длиною... Привычкѣ не *считать*, а *взвѣшивать* строки у насъ, русскихъ, должны были положить начало уже повѣсти Бѣлкина». Такой критикъ явился. И это былъ Бычковъ.

Онъ поставилъ автору на видъ рядъ его отступленій отъ рутины, художественный протестъ противъ которой составляетъ одинъ изъ вѣчно жизненныхъ нервовъ творчества покойнаго.

Въ довершеніе всего отзывъ написанъ такъ, что его очень легко принять за подстрочный переводъ какого-либо изъ античныхъ классиковъ.

Чтобы не быть голословнымъ, привожу его почти in extenso:

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали появляться въ разныхъ ежедневныхъ газетахъ небольшіе разсказы Чехова, предметомъ для которыхъ служили явленія обыденной жизни. Эти разсказы, несмотря на то, что на-скоро читались и быстро были позабываемы, тѣмъ не менѣе обнаруживали въ авторѣ и наблюдательность и умѣнье живо и естественно передавать подмѣченное, почти исключительно, впрочемъ, съ цѣлью вызвать улыбку въ читателѣ. Въ 1886 году вышли въ свѣтъ его «Пестрые разсказы». Книга подъ этимъ заглавіемъ содержала въ себѣ разсказы и очерки, частію уже напечатанные, частію новые, въ числѣ которыхъ было нѣсколько очень милыхъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Съ этого времени критики начали усматривать въ Чеховѣ большой талантъ. Въ слѣдующемъ 1887 году явился новый сборникъ Чехова, носящій заглавіе «Въ сумеркахъ». Очерки и разсказы. О достоинствѣ этихъ разсказовъ мнѣ предстоитъ дать отчетъ. Всѣхъ разсказовъ помѣщено въ книгѣ 16. Они, какъ и прежніе, небольшого объема, и въ нихъ точно такъ же виденъ несомнѣнный талантъ въ изображеніи картинъ природы и быто-

[1]) «Въ оврагѣ».

выхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характеровъ дѣйствуюшихъ лицъ, замѣчается искусство нерѣдко одной чертою дополнить картину, сообщить читателю то, что происходило между дѣйствующими лицами ранѣе того момента, о которомъ идетъ рѣчь. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такія незначительныя вещицы, которыя болѣе или менѣе носятъ слѣды случайности, въ которыхъ чувствуется, что онъ передаетъ то, что попалось ему на глаза, что остановило его вниманіе въ разсказѣ того или другого лица.

«Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ сравнительно бо́льшій объемъ, именно: «Вѣрочка», «Несчастіе», «Агаѳья» и «Святою ночью».

Слѣдуетъ переложеніе разсказа «Вѣрочка» съ указаніемъ на то, что «Огневъ во все время своей командировки и днёвалъ и ночевалъ въ усадьбѣ Кузнецова, нерѣдко бесѣдовалъ и совершалъ прогулки съ Вѣрой Гавриловной, не оказывая ей особеннаго вниманія, а между тѣмъ чувство любви къ нему не только заронилось въ грудь дѣвушки, но и постепенно разрасталось, хотя оно съ ея стороны не было ничѣмъ обнаруживаемо. Наконецъ, наступило время Огневу разстаться съ гостепріимнымъ кровомъ, и вотъ въ послѣднія минуты его пребыванія въ усадьбѣ совершенно неожиданно для него разыгралась исторія»...

Кромѣ вышеупомянутыхъ къ числу недурныхъ разсказовъ отнесены «Мечты», «На судѣ» и «Кошмаръ» и менѣе удачными признаны «Пустой случай», «Событіе» и «Вѣдьма».

«Въ этомъ послѣднемъ изображена неприглядная жизнь молодой дьячихи, которую мужъ считаетъ за вѣдьму, чѣмъ и объясняетъ поднявшуюся вьюгу и пріѣздъ на ночлегъ сбившейся съ дороги почты, сопровождаемой почталіономъ, радушно принятымъ дьячихой».

Въ заключеніе референтъ подводитъ итогъ всему сказанному.

«Книга подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ» свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ Чехова; въ разсказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между разсказами художественно исполненные, но также дѣланные и придуманные («Вѣдьма»), растянутые («Пустой случай») и безсодержательные («Событіе»); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ, напримѣръ: на травѣ висятъ тусклыя, недобрыя слезы (стран. 3), пре-

красно симулировалъ влюбленнаго (стран. 23), гдѣ бы я могъ сгодиться (стран. 25), и утеряетъ для него навсегда свое реальное значеніе (83), внутри все сарайно (стран. 103), такова ужъ планида русскаго лица (стран. 134), когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ (стран. 146), большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей (стран. 163) и др.

«Принимая во вниманіе достоинства сборника разсказовъ г. Чехова подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», я, несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ б § 9 правилъ.

«Комиссія, усматривая изъ этой рецензіи, что разсказы г. Чехова хотя и не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ однако же выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, нашла возможнымъ присудить ему половинную пушкинскую премію» [1]).

Непосредственно слѣдующій за сборникомъ «Въ сумеркахъ» періодъ литературной дѣятельности Антона Павловича уже замѣтно отличается отъ предыдущаго. Правда, ставя предъ своимъ собесѣдникомъ пепельницу, онъ и теперь могъ съ улыбкой сказать: «хотите—завтра будетъ разсказъ, заглавіе: «Пепельница» [2]) и виртуозно исполнить это задорное предложеніе. Но надъ такимъ «машинальнымъ, полубезсознательнымъ» отношеніемъ къ своему творчеству, не обремененному заботой «ни о читателѣ. ни о себѣ самомъ», въ Чеховѣ начинаютъ преобладать упорныя вдумчивость и стремленіе къ тщательной технической отдѣлкѣ: искристый эпизодикъ съ пепельницей блеснулъ въ то же самое время, когда Антонъ Павловичъ, готовясь къ дебюту въ толстомъ журналѣ, жаловался:

«Я давно уже... сижу за небольшою ($1—1^1/_2$ печатныхъ листа) повѣстушкой... давно уже пора кончить ее... Къ прискорбію, она у меня не вытанцовывается, т. е. не удовлетворяетъ меня» [3]).

Впослѣдствіи Чеховъ указывалъ, что «описаніе природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитавъ и

---

[1]) «Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.», т. XLVI, СПБ. 1889, стр. 46—53.

[2]) Короленко. «Русское Богатство».

[3]) Письма. А. Н. Плещееву. Безъ даты. Стр. 64.

закрывъ глаза, сразу могъ вообразить себѣ изображаемый пейзажъ, наборъ же такихъ моментовъ, какъ сумерки, цвѣтъ свинца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонтъ съ тучей, воробьи, далекіе луга—это не картина, ибо при всемъ моемъ желаніи я никакъ не могъ вообразить въ стройномъ цѣломъ всего этого»[1]).

Но сначала онъ самъ долженъ былъ преодолѣть тотъ же недостатокъ.

«Для почина взялся описать степь, степныхъ людей и то, что я пережилъ въ степи. Тема хорошая, пишется весело, но, къ несчастью, отъ непривычки писать длинно, отъ страха написать лишнее я впадаю въ крайность, каждая страница выходитъ компактной, какъ маленькій разсказъ, картины громоздятся и, заслоняя другъ друга, губятъ общее впечатлѣніе»[2]).

Антонъ Павловичъ признавался:

«Робѣю и боюсь!.. Пишу не спѣша... Откровенно говоря, выжимаю изъ себя, натужусь и надѣюсь, но все-таки она не удовлетворяетъ меня»[3]).

Такъ бился Чеховъ надъ «Степью», которая въ общемъ потребовала мѣсяца напряженной работы.

Такимъ же мы видимъ его и за «Скучной исторіей», по поводу которой онъ проситъ вообразить себѣ его «пишущаго, потѣющаго, исправляющаго и видящаго, что отъ тѣхъ революціонныхъ переворотовъ и ужасовъ, какіе терпитъ подъ его перомъ повѣсть, она не становится лучше ни на одинъ су»[4]).

Антонъ Павловичъ то и дѣло увѣдомляетъ:

«Я хочу кое-что пошлифовать и полакировать, а, главное, подумать... Ничего подобнаго отродясь я не писалъ, мотивы совершенно для меня новые, и я боюсь, какъ бы не подкузьмила меня моя неопытность. Вѣрнѣе, боюсь написать глупость»[5]).

И еще:

«Я передѣлывалъ весь корпусъ повѣсти, оставивъ въ цѣлости только одинъ фундаментъ. Мнѣ не нравилась вся повѣсть, а не въ деталяхъ. Тутъ поневолѣ просидишь, вмѣсто одного мѣсяца, цѣлыхъ три»[6]).

И вотъ представьте себѣ, что нѣкое произведеніе удалось Чехову отлить въ желательную для него форму. Казалось бы—все? О, нѣтъ!

---

[1]) Собраніе писемъ. А. В. Жиркевичу, 2 апрѣля 1895. [2]) Ibidem. В. Г. Короленко, 9 января 1888. [3]) Письма. А. Н. Плещееву. Безъ даты. Стр. 13. [4]) Ibidem. Ему же. Также. Стр. 58. [5]) Ibidem. [6]) Ibidem. Стр. 61—62.

«Пожалуйста, пришлите корректуру, такъ какъ... разсказъ... будетъ готовъ лишь послѣ того, какъ я перепачкаю вдоль и поперекъ всю корректуру»[1]).

Онъ читалъ ее не для того, чтобы исправлять внѣшность разсказа:

«Обыкновенно въ ней я заканчиваю разсказъ и исправляю его, такъ сказать, съ музыкальной стороны»[2]).

И это сдѣлано. Но и это не конецъ:

«Ваша телеграмма... разбудила меня въ 3 часа утра. Я думалъ, думалъ и ничего не надумалъ, а уже 9 часовъ, и пора послать вамъ отвѣтъ. «Разсказъ моего паціента» не годится безусловно: пахнетъ больницей, «Лакей» — тоже не годится: не отвѣчаетъ содержанію и грубо. Что же придумать? 1) «Въ Петербургѣ», 2) «Разсказъ моего знакомаго». Первое скучно, а второе—какъ будто длинно. Можно просто «Разсказъ знакомаго». Но дальше: 3) «Въ восьмидесятые годы». Это претенціозно. 4) «Безъ заглавія». 5) «Повѣсть безъ названія». 6) «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка». Послѣднее, кажется, подходитъ»[3]).

Такъ оно и было. Но кто, пробѣгая это заглавіе изъ 3 словъ, зналъ, что оно поглотило 6 часовъ мучительной работы мозга! И такъ онъ работалъ у Антона Павловича безпрестанно. Вѣдь «чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, въ которую попалъ, недостаточно прочесть только «Пикквика» и вызубрить монологъ изъ «Фауста»... Тутъ нужны безпрерывный дневной и ночной трудъ, вѣчное чтеніе, штудировка, воля... Тутъ дорогъ каждый часъ...»[4]).

Велика тайна творчества. Если происхожденіе сюжета и источникъ образа вскрываются сравнительно легко, то далеко не такъ обстоитъ съ тѣми безконечно сложными процессами и сплетеніями ихъ, которыми сопровождается въ психической лабораторіи извѣстный намъ лишь въ своей законченности актъ созданія.

Судить объ этой внутренней работѣ и ея напряженности можно лишь по внѣшнимъ признакамъ, которыми она даетъ о себѣ знать.

Пускай это будутъ намеки самаго общаго характера. Какъ руководящій матеріалъ для психологіи творчества, здѣсь каждый жестъ, каждая складка, каждое слово—все заслуживаетъ глубочайшаго вниманія.

---

[1]) Собраніе писемъ. Ѳ. Д. Батюшкову, 3 января 1898.

[2]) Письма. В. М. Соболевскому, 20 ноября 1897 г.

[3]) Ibidem. В. М. Лаврову, 9 февраля 1893.

[4]) Ibidem. Н. П. Чехову, 1885.

Такія отмѣтки схвачены рядомъ лицъ, которыя согласно подчеркиваютъ въ покойномъ характернѣйшую черту, а именно—вѣчную думу, выдававшую себя въ его бесѣдѣ странными перебоями.

Тихоновъ сообщаетъ, что, «слушая веселый разсказъ, самъ разсказывая что-нибудь, сидя въ пріятельской пирушкѣ, говоря съ женщиной, играя съ собакой,—Чеховъ всегда думалъ. Благодаря этому, онъ иногда самъ обрывался на полусловѣ, задавалъ вамъ, кажется, совсѣмъ неподходящій вопросъ и казался иногда даже разсѣяннымъ. Благодаря этому, онъ среди разговора присаживался къ столу и что то писалъ на своихъ листкахъ почтовой бумаги; благодаря этому, стоя лицомъ къ лицу съ вами, онъ вдругъ начиналъ смотрѣть куда то вглубь самого себя» [1].

Купринъ также передаетъ, что «Чеховъ умѣлъ слушать и разговаривать, какъ никто, но часто, среди живого разговора, можно было замѣтить, какъ его внимательный и доброжелательный взглядъ вдругъ дѣлался неподвижнымъ и глубокимъ, точно уходилъ куда то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное, совершавшееся въ его душѣ. Тогда то Антонъ Павловичъ и дѣлалъ свои странные, поражавшие неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые смущали многихъ. Только что говорили и еще продолжаютъ говорить о неомарксистахъ, а онъ вдругъ спрашиваетъ: «послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непремѣнно поѣзжайте. Это очень интересно». Или вторично предлагаетъ вопросъ, на который только что получилъ отвѣтъ» [2].

Амфитеатровъ въ свою очередь разсказываетъ, что «въ этомъ человѣкѣ, помимо всего, что онъ творилъ, явно всегда тлѣла особенная внутренняя работа, таинственно,—можетъ быть, даже не всегда сознательно для него самого,—подготовлявшая его будущія откровенія. И владѣла имъ эта пожирающая сила мучительно и властно, и затаивалъ онъ въ себѣ власть ея, чтобы не остаться непонятнымъ и страннымъ, даже предъ самыми благожелательными — больше, даже предъ самыми близкими и родными людьми. Мнѣ извѣстны случаи, когда инымъ поверхностно-умнымъ охотникамъ поговорить со знаменитостью и даже спеціалистамъ по этой части, Чеховъ не только не нравился, но даже казался... глупымъ!.. За разсѣянность можно было иногда принять... хроническое состояніе задумчивости, «зрѣнія, обращен-

---

[1]) А. П. Чеховъ. Воспоминанія и письма. «Міръ Божій». 1904, VIII.

[2]) Сборникъ «Памяти А. П. Чехова».

наго внутрь себя»... Я сидѣлъ у него... и разсказывалъ объ Италіи, откуда только что возвратился... Потомъ разговоръ перешелъ на стороннія, общелитературныя темы. И вдругъ глаза мои встрѣтили уже знакомый, ясно и отвлеченно осмысленный взглядъ человѣка, необычайно важно задумавшагося о чемъ то далекомъ другомъ, и меланхолическій басокъ прогудѣлъ мягко и рѣшительно:

— Надо ѣхать въ Австралію...

А затѣмъ Антонъ Павловичъ спохватился, даже слегка покраснѣлъ и живо возвратился въ разговорѣ на первое» [1]).

То же отмѣчаютъ Бунинъ [2]), Елпатьевскій [3]), Ладыженскій [4]), Сергѣенко [5]), Өедоровъ [6]) и Щегловъ, по словамъ котораго Чеховъ «особенно любилъ обдумывать свои работы подъ ласкающую музыкальную мелодію» [7]).

Нѣчто становившееся объектомъ впечатлительности писателя оставалось въ его памяти необычайно долго и затѣмъ проявлялось то буквально, если это была характерная фраза, то въ какой-либо концепціи, если это былъ обратившій на себя его вниманіе эпизодъ.

Въ 1868 году завсегдатай лавки отца Антона Павловича грекъ Стамати, рекомендуя ему непремѣнно опредѣлить сына въ греческую школу, въ яркихъ краскахъ живописалъ предъ нимъ всѣ преимущества своей родины, въ которой по его словамъ все есть.

Въ 1890 году этотъ патріотъ всплылъ въ «Свадьбѣ» въ образѣ грека Дымбы:

Жигаловъ (*Дымбѣ*)... А тигры у васъ въ Греціи есть?

Дымба. Есть.

Жигаловъ. А львы?

Дымба. И львы есть. Это въ Россіи ницего нѣту, а въ Греціи все есть [8]).

Въ 1882 году Чеховъ подмѣтилъ, что любившая выпить сожительница Пальмина часто обращалась къ поэту съ вопросомъ: «Ліодоръ Иванычъ, вамъ не пора пиво пить?»

---

1) «Курганы». Памяти Антона Павловича Чехова. Стр. 5—7.
2) Сборникъ «Памяти А. П. Чехова».
3) «Близкія тѣни».
4) Сборникъ «Памяти А. П. Чехова».
5) «Нива». Литературныя приложенія. 1904, № 10.
6) Сборникъ «Памяти А. П. Чехова».
7) «Нива». Литературныя приложенія. 1905, № 6.
8) Сочиненія, т. XIV, стр. 53—54.

Въ 1892 году появилась «Палата № 6», въ которой «изрѣдка поскрипываетъ кухонная дверь и показывается изъ нея красное, заспанное лицо Дарьюшки:

— Андрей Ефимычъ, вамъ не пора пиво пить?» [1])

Въ 1885 году въ Бабкинѣ, въ ожиданіи лодки, которая дожна была перевезти ихъ за Волгу, его сестра, Марія Павловна, пріютилась на заваленкѣ у прибрежной избушки, а Левитанъ съ ружьемъ подъ мышкой разсѣянно шагалъ по берегу. Надъ рѣкой плавно кружили чайки. Вдругъ Левитанъ вскинулъ ружье, грянулъ выстрѣлъ, и бѣдная бѣлая птица, кувыркнувшись въ воздухѣ, безжизненнымъ комкомъ шлепнулась на прибрежный песокъ. «Меня—вспоминаетъ М. П. Чехова—разсердила эта безсмысленная жестокость, и я накинулась на Левитана. Онъ сначала растерялся, а потомъ тоже разстроился. — Да, да, это гадко. Я самъ не знаю, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Это подло и гадко. Бросаю свой скверный поступокъ къ вашимъ ногамъ, и клянусь, что ничего подобнаго никогда больше не сдѣлаю.—И онъ въ самомъ дѣлѣ бросилъ чайку мнѣ подъ ноги. Разнервничались и разстроились мы не на шутку. Никуда, разумѣется, не поѣхали и ушли съ чайкой домой. Не лучше чувствовали мы себя и на другой день. Я злилась, а Левитанъ нервничалъ и всячески себя ругалъ. Чайку мы унесли въ лѣсъ и тамъ зарыли» [2]).

Въ 1895 году воскресла «Чайка»...

Незадолго до того Антонъ Павловичъ получилъ отъ неизвѣстныхъ почитательницъ медальонъ, въ которомъ былъ приведенъ отрывокъ изъ его произведенія. Въ «Чайкѣ» Нина проситъ Тригорина принять отъ нея на память медальонъ, на одной сторонѣ котораго вырѣзаны его инициалы [3]), а на другой—названіе написанной имъ книги...

Предъ постановкой «Чайки» въ Петербургѣ былъ балъ-маскарадъ. Тамъ въ домино и маскѣ находилась и писательница Авилова. Встрѣтивъ въ толпѣ Чехова, она взяла его объ руку и стала «интриговать».

«— Скажи мнѣ, — приставала я,—тебѣ еще нравится Х? Я назвала фамилію одной дамы. Онъ засмѣялся.

---

[1]) Сочиненія, т. VIII, стр. 140.

[2]) Сергѣй Глаголь. И. Левитанъ (Матеріалы для его біографіи и характеристики). «Новое Слово». Товарищескіе сборники. 1907. Книга I, стр. 266. Запись со словъ Маріи Павловны Чеховой.

[3]) Актъ III.

— Ты не особенно ловка,—сказалъ Чеховъ,—и твои вопросы слишкомъ прямы. Вѣдь я узналъ тебя. Ты сама X.

— Но, если я X, то скажи мнѣ, нравлюсь ли я еще тебѣ?

— Нѣтъ, для этого я недостаточно увѣренъ, что ты X.

— Хочешь пить?—спросилъ онъ, когда мы проходили больше часу. И онъ провелъ меня въ аванъ-ложу, гдѣ стояла бутылка съ шампанскимъ и бокалы.

— Отвернись, — попросила я,—а я сниму маску, мнѣ слишкомъ жарко.

— Ты ни за что не хочешь, чтобы я видѣлъ тебя?

— Ни за что!

— Ну, если такъ, мнѣ придется посидѣть въ ложѣ, пока ты будешь безъ маски.

«И онъ сидѣлъ въ ложѣ. А я не сняла маски, потому что не вѣрила, что онъ не будетъ подсматривать, и подсматривала за нимъ сама и убѣдилась, что онъ ни разу не повернулся, пока я не позвала его. Мнѣ даже стало досадно.

— Однако ты не любопытенъ, — сказала я. — Это ужасно скучно! Я была увѣрена, что ты будешь смотрѣть, и даже не сняла маски.

— Почему же ты думала, что мнѣ нельзя вѣрить?—спросилъ онъ.—А вотъ я повѣрилъ твоему «ни за что». Впрочемъ, я навѣрно знаю, кто ты.

— Ну, скажи.

— Нѣтъ, я не скажу, а отвѣчу тебѣ... Онъ остановился и засмѣялся.

— Ты знаешь, что скоро пойдетъ моя піеса «Чайка»?

— Какое красивое названіе—«Чайка»!

— Да, да! Правда? Красиво? Такъ вотъ она скоро пойдетъ. Тогда я тебѣ отвѣчу! Помни!

«И вотъ «Чайка» пошла... Когда на сценѣ Нина дарила Тригорину медальонъ и онъ нѣсколько разъ повторилъ «Страница 121, строки 11 и 12» [1]), у меня вдругъ блеснула догадка. Вернувшись домой, я съ лихорадочной поспѣшностью отыскала сборникъ своихъ разсказовъ, который я какъ то послала Антону Павловичу, открыла его на страницѣ 121-й, отсчитала 11-ю строку и прочла: «Молодымъ дѣвушкамъ на маскарадахъ бывать не принято». Несомнѣнно, это былъ отвѣтъ!» [2]).

---

[1]) Сочиненія, т. XIII, стр. 146.

[2]) Л. Авилова. Мои воспоминанія. «Русскія Вѣдомости» 1910, № 13.

Не говоря уже о цѣлой серіи сплошь или отчасти посвященныхъ имъ произведеній Чехова, такихъ отблесковъ пережитого въ нихъ вкраплено множество.

На просьбу о присылкѣ изъ Ниццы интернаціональнаго разсказа, сюжетомъ котораго было бы что-нибудь изъ тамошней жизни, Антонъ Павловичъ отвѣтилъ:

«Такой разсказъ я могу написать только въ Россіи, по воспоминаніямъ. Я умѣю писать только по воспоминаніямъ и никогда не писалъ непосредственно съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжетъ и чтобы на ней, какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно или типично» [1]).

Не полагаясь на память, Чеховъ иногда вносилъ въ записную книжку то, что слышалъ и что казалось ему занимательнымъ.

«Не надо записывать сравненій, мѣткихъ черточекъ, подробностей картинъ природы—это должно появиться само собою, когда будетъ нужно. Но голый фактъ, рѣдкое имя, техническое названіе надо занести въ книжку—иначе забудется, разсѣется» [2]).

Такихъ записей у него была много. И до тѣхъ поръ, пока эта сокровищница не станетъ достояніемъ изслѣдователя, послѣдній при всей своей добросовѣстности не сможетъ исчерпывающе вскрыть генезиса не только произведеній Чехова или хотя бы отдѣльныхъ образовъ, но даже и его удивительно обильнаго словаря.

Поощряя начинающихъ, онъ совѣтовалъ имъ какъ можно больше обогащать свой лексиконъ и, лично накопляя слова и обороты отовсюду, гдѣ только можно было, рекомендовалъ почаще ѣздить для этого въ III классѣ: «тамъ подчасъ услышишь замѣчательно интересныя вещи» [3]).

Въ погонѣ за ними Антонъ Павловичъ провелъ съ 1887 года всю жизнь и когда въ силу какихъ-либо внѣшнихъ условій его вѣчное стремленіе все увидѣть, все услышать и все понять, чтобы все простить, оставалось неудовлетвореннымъ, этотъ больной и въ то же время неугомонный человѣкъ искалъ и находилъ удовлетвореніе хотя бы въ мечтѣ о странствованіи.

Метался Антонъ Павловичъ съ мѣста на мѣсто и по Россіи (Донъ, Крымъ, Кавказъ, Украйна) и въ Москвѣ, гдѣ до покупки Мелихова и переѣзда оттуда въ Ялту, т. е. за 13 лѣтъ, онъ

---

[1]) Собраніе писемъ. Ѳ. Д. Батюшкову, 15 декабря 1897.

[2]) Купринъ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 131.

[3]) Ibidem. Стр. 129.

перемѣнилъ по моему подсчету 10 адресовъ, — капля, въ которой прекрасно отражается Чеховъ, какъ олицетворенная тяга.

Такими стали его труды и дни. Однако, онъ рѣдко оставался доволенъ собой и отзывался о «Степи»:

— Въ общемъ она не удовлетворяетъ меня.

— Скучна она, какъ статистика Сольвычегодскаго уѣзда.

— Похожа не на повѣсть, а на степную энциклопедію [1]).

О «Скучной исторіи:»

— Вообще повѣсть выйдетъ не изъ аховыхъ, критики только носомъ покрутятъ. Это я не скромничаю. Достоинства повѣсти краткость и кое-что новенькое [2]).

О «Припадкѣ»:

— Не граціозный и отдаетъ сыростью водосточныхъ трубъ [3]).

О «Сосѣдяхъ»:

— Вышло нѣчто такое, чего не слѣдовало бы печатать: ни начала, ни конца, а какая то облѣзлая середка [4]).

О «Женѣ»:

— Середина моего разсказа скучна, сѣра и монотонна [5]).

О «Палатѣ № 6»:

— Ее слѣдовало перекрасить, а то отъ нея воняетъ больницей и покойницкой [6]).

Сказать, чтобы Антонъ Павловичъ относился отрицательно ко всему, что выходило изъ-подъ его пера, конечно, нельзя. Отмѣтивъ свою продуктивность въ теченіе одного «сезона», онъ все же призналъ, что въ «100 пудахъ этого песку» имѣется «5 золотниковъ золота». Но въ общемъ недовѣріе къ своему таланту было у него преобладающимъ.

«Я трусъ и мнителенъ; боюсь торопиться и вообще боюсь печататься. Мнѣ все кажется, что я скоро надоѣмъ и обращусь въ поставщика балласта... Боязнь эта имѣетъ свое основаніе: я давно уже печатаюсь, но до сихъ поръ не знаю, въ чемъ моя сила и въ чемъ слабость» [7]).

Чрезъ 16 лѣтъ послѣ этой исповѣди Чеховъ взялъ послѣдній тихій аккордъ и снова усомнился:

---

[1]) Письма. А. Н. Плещееву. Безъ даты. Стр. 63.

[2]) Ibidem. Ему же, также, стр. 62.

[3]) Собраніе писемъ. А. Н. Плещееву, 13 ноября 1889.

[4]) Письма. И. Л. Щеглову, 24 октября 1892.

[5]) Собраніе писемъ. А. Н. Плещееву, январь 1892.

[6]) Письма. В. М. Лаврову, 25 октября 1892.

[7]) Письма. А. Н. Плещееву, 1889.

«Написалъ я комедію, но кажется вышелъ фарсъ!» [1]).

И это былъ... «Вишневый садъ». Гдѣ же предѣлъ той требовательности, которую предъявлялъ къ себѣ Чеховъ? Она была такъ же безгранична, какъ и его скромность:

«Я... вѣрую въ то, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не будетъ «ни слономъ среди насъ» и ни какимъ-либо другимъ звѣремъ, и что мы можемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія,— не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Т..., не К., не Ш., не Б., не В., а «восьмидесятые годы», или «конецъ XIX столѣтія». Нѣкоторымъ образомъ артель...» [2]).

То же нежеланіе выдѣлять себя подчеркнуто имъ и въ просьбѣ къ редактору журнала «Жизнь»:

«Пожалуйста, не печатайте въ объявленіяхъ меня такъ длинно. Право, это не принято. Печатайте въ одну строку со всѣми по алфавиту» [3]).

Эти стороны Чехова, какъ художника, въ связи съ чертами его, какъ человѣка, наиболѣе ярко отсвѣчиваютъ въ данномъ имъ опредѣленіи воспитанныхъ людей: [4])

«Они уважаютъ человѣческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вѣжливы, уступчивы...

«Они не суетны. Ихъ не занимаютъ такіе фальшивые брилліанты, какъ знакомство со знаменитостями..., восторгъ встрѣчнаго въ salon'ѣ, извѣстность по портернымъ. Они смѣются надъ фразой: «Я представитель печати!» Дѣлая на грошъ, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастаютъ тѣмъ, что ихъ пустили туда, куда другихъ не пустили. Истинные таланты всегда сидятъ въ потемкахъ, въ толпѣ, подальше отъ выставки... Даже Крыловъ сказалъ, что пустую бочку слышнѣе, чѣмъ полную.

«Если они имѣютъ въ себѣ талантъ, то уважаютъ его. Они жертвуютъ для него покоемъ, женщинами, виномъ, суетой... Они горды своимъ талантомъ, сознавая, что они призваны воспитывающе влiять. Къ тому же они брезгливы...

«Они воспитываютъ въ себѣ эстетику. Они не могутъ уснуть въ одеждѣ, видѣть на стѣнѣ щели съ клопами, дышать дряннымъ воздухомъ, шагать по оплеванному полу, питаться изъ керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить

---

[1]) Амфитеатровъ. «Курганы». СПБ. 1905. Стр. 11.

[2]) Письма. В. А. Тихонову. Безъ даты. Стр. 143.

[3]) Собраніе писемъ. В. А. Поссе, 19 ноября 1899.

[4]) Въ извѣстномъ письмѣ къ брату Н. П.

половой инстинктъ. Имъ нужны отъ женщины не постель, не лошадиный потъ, не умъ, выражающійся въ умѣньѣ лгать безъ устали... Имъ, особенно художникамъ, нужны свѣжесть, изящество, человѣчность...» [1])

Вотъ тотъ единственный и всеобъемлющій лозунгъ, подъ которымъ жилъ и творилъ Чеховъ. Поэтому все, что такъ или иначе ущемляло его, встрѣчало въ немъ не фейерверочный — это было чуждо его натурѣ—а матовый, полный любви къ людямъ, протестъ: когда писатель Леманъ извѣстилъ Антона Павловича о томъ, что петербургскіе литераторы согласились печатать объявленія другъ о другѣ въ своихъ книгахъ, и пригласилъ его также примкнуть къ этому соглашенію, но съ предостереженіемъ, что въ число избранныхъ можно включить лишь лицъ «болѣе или менѣе солидарныхъ съ нами», Чеховъ наряду съ согласіемъ послалъ ему вопросъ: «откуда вамъ извѣстно, съ кѣмъ я солидаренъ и съ кѣмъ не солидаренъ?»

Сообщивъ объ этомъ другу, онъ попутно высказалъ и развилъ свой взглядъ на кружковую солидарность и ея неизбѣжное по его убѣжденію слѣдствіе. Пускай, имѣя въ виду только литературу, Антонъ Павловичъ и исключаетъ—вмѣстѣ съ иными видами дѣятельности—политику. Все же въ нашу пору безудержнаго гнилостнаго разложенія кружковщины, какъ таковой, гдѣ бы и какъ бы она функціонировала, снизу или сверху, тайно или явно, его мысль кажется воистину пророческой:

«Какъ у васъ въ Питерѣ любятъ духоту! Неужели вамъ всѣмъ не душно отъ такихъ словъ, какъ солидарность, единеніе молодыхъ писателей, общность интересовъ и проч.? Солидарность и прочія штуки я понимаю на биржѣ, въ политикѣ, въ дѣлахъ религіозныхъ (секта) и т. п., солидарность же молодыхъ литераторовъ невозможна и не нужна... Думать и чувствовать одинаково мы не можемъ, цѣли у насъ различныя, или ихъ нѣтъ вовсе, знаемъ мы другъ друга мало, или вовсе не знаемъ, и, стало быть, нѣтъ ничего такого, къ чему могла бы прочно прицѣпиться солидарность... А нужна она? Нѣтъ. Чтобы помочь своему коллегѣ, уважать его личность и трудъ, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемѣрить передъ нимъ — для всего этого нужно быть не столько молодымъ литераторомъ, сколько вообще человѣкомъ... Будемъ обыкновенными людьми, будемъ относиться одинаково

[1]) Собраніе писемъ. Н. П. Чехову, 1885.

ко всѣмъ, не понадобится тогда и искусственно взвинченной солидарности. Настойчивое же стремленіе къ частной, профессіональной, кружковой солидарности, какой хотятъ у васъ, породитъ невольное шпіонство другъ за другомъ, подозрительность, контроль, и мы, сами того не желая, сдѣлаемся чѣмъ то въ родѣ іезуитскихъ социусовъ другъ у друга... Я, милый Жанъ, не солидаренъ съ вами, но обѣщаю вамъ по гробъ жизни полную свободу, какъ литератору: то есть вы можете писать, гдѣ и какъ угодно, мыслить хотя бы на манеръ Корейши, измѣнять 1,000 разъ убѣжденіямъ и направленіямъ и проч. и проч., и человѣческія отношенія мои къ вамъ не измѣнятся ни на одинъ гранъ, и я всегда буду на своихъ обложкахъ печатать объявленія о вашихъ книгахъ. То же самое я могу пообѣщать и прочимъ моимъ коллегамъ, того же хотѣлъ бы и для себя. По-моему, это самыя нормальныя отношенія. Только при нихъ возможны и уваженіе, и даже дружба, и сочувствіе въ тяжелыя минуты жизни» [1]).

Этотъ документъ можетъ служить объясненіемъ близкой дружбы Чехова съ Суворинымъ, которая была, есть и по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ притчей во языцѣхъ, безпардонно усматривающихъ даже въ самомъ интимномъ жизненномъ фактѣ писателя общественное достояніе только потому, что предъ ними— писатель, и топчущихся въ его душѣ съ большей развязностью, чѣмъ у себя въ передней.

Антонъ Павловичъ цѣнилъ въ издателѣ «Новаго Времени» не только въ высшей степени любовное отношеніе къ себѣ, Чехову, но и незаурядную личность. Съ нимъ онъ, между прочимъ, прожилъ нѣкоторое время въ Ѳеодосіи.

«Цѣлый день проводимъ въ разговорахъ. Ночь тоже. И мало-по-малу я обращаюсь въ разговорную машину. Рѣшили мы уже всѣ вопросы и намѣтили тьму новыхъ, еще никѣмъ не приподнятыхъ вопросовъ. Говоримъ, говоримъ, говоримъ и по всей вѣроятности кончимъ тѣмъ, что умремъ отъ воспаленія языка и голосовыхъ связокъ. Быть съ Суворинымъ и молчать такъ же нелегко, какъ сидѣть у Палкина и не пить...

«Дѣйствительно, Суворинъ представляетъ изъ себя воплощенную чуткость. Это большой человѣкъ. Въ искусствѣ онъ изображаетъ изъ себя то же самое, что сеттеръ въ охотѣ на бекасовъ, т. е. работаетъ чертовскимъ чутьемъ и всегда горитъ страстью. Онъ плохой теоретикъ, наукъ не проходилъ,

---

[1]) Собраніе писемъ. И. Л. Щеглову, 3 мая 1888.

многаго не знаетъ, во всемъ онъ самоучка—отсюда его чисто собачья неиспорченность и цѣльность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи бѣденъ теоріями, онъ поневолѣ долженъ былъ развить въ себѣ то, чѣмъ богато надѣлила его природа, поневолѣ онъ развилъ свой инстинктъ до размѣровъ большого ума. Говорить съ нимъ пріятно. А когда поймешь его разговорный пріемъ, его искренность, которой нѣтъ у большинства разговорщиковъ, то болтовня съ нимъ становится почти наслажденіемъ»[1].

Впослѣдствіи же, когда впрямь «чертовское чутье» стало заводить Суворина все глубже въ потемки совѣсти, Чеховъ отходилъ отъ него все далѣе.

Черезъ 3 года онъ прекратилъ свое сотрудничество въ его изданіи, шедшее параллельно съ участіемъ въ опредѣленно прогрессивномъ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», и перешелъ въ «Русскія Вѣдомости» (1893—5, 1897, 1899), «Русскую Мысль» (1892—9, 1901), «Журналъ для Всѣхъ» (1898, 1902—3) и «Жизнь» (1900).

Спустя еще 7 лѣтъ, внимательно слѣдя за границей за ходомъ процесса Дрейфуса и находя, что «отъ протестующихъ писемъ (Зола) точно свѣжимъ вѣтромъ повѣяло», онъ назвалъ «Новое Время» en toutes lettres «просто отвратительнымъ»[2].

А незадолго до кончины извѣстилъ друга:

«Съ Суворинымъ я давно уже не переписываюсь. Буренинъ—это избалованное, очень сытое животное, злое и желтое отъ зависти. Вотъ тебѣ отвѣтъ на твои вопросы, а буде пожелаешь подробнѣй—поговорю при свиданіи»[3].

Короленко, на котораго Антонъ Павловичъ при знакомствѣ произвелъ цѣльное и обаятельное впечатлѣніе, находилъ, что и его тогдашняя внѣпартійность имѣла свою хорошую сторону: «русская жизнь закончила съ грѣхомъ пополамъ одинъ изъ своихъ короткихъ цикловъ, по обыкновенію не разрѣшившійся во что-нибудь реальное, и въ воздухѣ чувствовалась необходимость нѣкотораго «пересмотра», чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій. И поэтому самая «свобода» Чехова отъ «партіи» данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности,—казалось мнѣ тогда, признаюсь, нѣкоторымъ преимуществомъ. Все равно, думалъ я, это ненадолго...»[4].

---

1) Ibidem. Ему же, 18 іюля 1888.

2) Ibidem. Ѳ. Д. Батюшкову, 15 декабря 1897.

3) Изъ предоставленнаго мнѣ Н. И. Коробовымъ письма отъ 23 ноября 1903.

4) «Русское Богатство» 1904, VII, стр. 212—223.

Случай съ нѣкогда весьма прочной привязанностью Антона Павловича къ Суворину...

Его отзывъ объ университетскихъ волненіяхъ 1899 года:

«По-моему, взрослые, т. е. отцы и власть имущіе дали большого маху; они вели себя какъ турецкіе паши съ младотурками и софтами, и общественное мнѣніе на сей разъ весьма краснорѣчиво доказало, что Россія, слава Богу, уже не Турція...»[1]).

Полное благородства письмо въ Академію:

«Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики и не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного погодя, въ газетахъ было напечатано, что въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст. выборы признаются недѣйствительными, при чемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ отъ Академіи Наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я же признавалъ выборы недѣйствительными—такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ. Знакомство съ 1035 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ прійти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, просить о сложеніи съ меня званія почетнаго академика»... [2]).

Все это—вмѣстѣ съ рядомъ другихъ столь же симптоматичныхъ фактовъ—подтверждаетъ предвидѣніе Короленко, но лишь отчасти, поскольку даетъ право утверждать, что съ теченіемъ времени общественно-политическія симпатіи Чехова пріобрѣли большую опредѣленность. И только. Однако до партійности онъ ихъ не довелъ и не могъ довести, такъ какъ она всегда предполагаетъ извѣстное давленіе коллектива на личность, т. е. то именно, что противорѣчило всему складу Антона Павловича, который прежде и ранѣе всего былъ художникомъ и не унизилъ свободнаго творчества до отдачи его въ рабство или услуженіе какой-либо программѣ, будь то даже программа-minimum... Конечно, это извѣстно и критику, начавшему и кончившему заявленіемъ, что «Чеховъ не былъ политикомъ». Но страсть къ

---

1) Письма. И. И. Орлову. 18 марта 1899.

2) Ibidem. В. Г. Короленко. 25 августа 1902.

размѣщенію по полкамъ у насъ такъ велика и удовлетвореніе ея столь соблазнительно, что въ промежуткѣ своей циклической статьи онъ все же сдѣлалъ попытку опредѣлить партійность Антона Павловича, устроилъ для этого рядъ очныхъ ставокъ его съ «с. р. н.», «Союзомъ 17 октября», «партіей демократическихъ реформъ» и с.-д. и пришелъ къ тому выводу, что «въ концѣ концовъ Чеховъ оказался бы... всего ближе... къ партіи конституціоналистовъ-демократовъ» [1]).

А онъ мучительно кашлялъ и говорилъ:

«Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ... Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи... Поэтому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ — это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода, — свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, еслибы былъ большимъ художникомъ»... [2]).

Приступъ къ осуществленію ея дался Антону Павловичу не безъ боя. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи позиція, занятая Чеховымъ при отстаиваніи—во всей его неприкосновенности—очерка «Именины», въ которомъ онъ впервые коснулся «проклятыхъ вопросовъ» и, набросавъ картину провинціальнаго общества (Ольга Михайловна, Петръ Дмитричъ, гости), весьма не лестно охарактеризовалъ бездарныхъ украинофила и, главнымъ образомъ, прогрессиста.

Украинофилъ «мало говоритъ, никогда не улыбается, а все думаетъ, думаетъ, думаетъ... Онъ одѣтъ въ рубаху съ шитьемъ, какое носилъ гетманъ Полуботокъ, и мечтаетъ объ освобожденіи Малороссіи изъ-подъ русскаго ига; кто равнодушенъ къ его шитью и мечтамъ, того онъ третируетъ, какъ рутинера и пошляка» [1]).

---

[1]) Ѳ. Батюшковъ. Чеховъ и освободительное движеніе. «Міръ Божій».

[2]) Письма. А. Н. Плещееву. Безъ даты. Стр. 59.

Прогрессистъ «говоритъ... всегда длинно, монотонно и съ претензіей на литературность. Почему то онъ называетъ себя человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ (такихъ полинявшихъ субъектовъ, монополизирующихъ шестидесятые годы, въ каждомъ городѣ и уѣздѣ имѣется по одному). За обѣдомъ, за чаемъ, на гуляньи, въ экипажѣ, въ лодкѣ, всегда неизмѣнно говоритъ онъ объ идеалахъ, объ эмансипаціи женщинъ, о прогрессѣ, о темныхъ силахъ, о наукѣ, о литературѣ, декламируетъ съ чувствомъ стихи, въ которыхъ встрѣчаются часто слова заря, закатъ, факелъ, рокотъ, судитъ о газетахъ и журналахъ, издателяхъ и редакторахъ, однихъ хваля, другихъ обвиняя въ измѣнничествѣ, третьихъ величая подлыми. На правахъ человѣка шестидесятыхъ годовъ онъ груститъ о свѣтломъ прошломъ и отрицаетъ настоящее... Языкъ его вычуренъ и изысканъ. Такъ, будущее называетъ онъ грядущимъ, молодыхъ людей—молодою силой или подрастающимъ поколѣніемъ, мужиковъ—народной нивою и т. п. Не говоритъ онъ въ сущности ничего дурного и, вѣроятно, всегда искрененъ, но почему то всякій разъ, едва онъ откроетъ ротъ и своимъ замогильнымъ теноркомъ заведетъ рѣчь объ эмансипаціи или идеалахъ, какъ отъ всей его фигуры начинаетъ вѣять старымъ, заброшеннымъ погребомъ» [2]).

Получивъ разсказъ, редакторъ беллетристическаго отдѣла въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» опротестовалъ эти характеристики, какъ покушеніе на святыню, и, предложивъ Антону Павловичу опустить ихъ, откровенно высказалъ ему свое подозрѣніе: не «боится» ли онъ, Чеховъ, чтобы его сочли либераломъ?

«Это—отвѣтилъ ему авторъ—даетъ мнѣ поводъ заглянуть въ свою утробу. Мнѣ кажется, что меня можно скорѣе обвинить въ обжорствѣ, въ пьянствѣ, въ легкомысліи, въ чемъ угодно, но только не въ желаніи казаться или не казаться. Я никогда не прятался. Если я люблю васъ, или Суворина, или Михайловскаго, то этого я нигдѣ не скрываю. Если мнѣ симпатична моя героиня Ольга Михайловна, либеральная и бывшая на курсахъ, то я этого въ разсказѣ не скрываю, что, кажется, достаточно ясно. Не прячу я и своего уваженія къ земству, которое люблю, и къ суду присяжныхъ. Правда, подозрительно въ моемъ разсказѣ стремленіе къ уравновѣшиванію плюсовъ и ми-

---

1) «Сѣверный Вѣстникъ» 1888, XI, стр. 72.

2) Ibidem, стр. 72—73.

нусовъ. Но вѣдь я уравновѣшиваю не консерватизмъ и либерализмъ, которые не представляютъ для меня главной сути, а ложь героевъ съ ихъ правдой. Петръ Дмитричъ лжетъ и буфонитъ въ судѣ, онъ тяжелъ и безнадеженъ, но я не хочу скрыть, что по природѣ своей онъ милый и мягкій человѣкъ. Ольга Михайловна лжетъ на каждомъ шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняетъ ей боль. Украинофилъ не можетъ служить уликой. Я не имѣлъ въ виду П. Л., Христосъ съ вами! П. Л. умный, скромный и про себя думающій парень, никому не навязывающій своихъ мыслей. Украинофильство Л.—это любовь къ теплу, къ костюму, къ языку, къ родной землѣ. Оно симпатично и трогательно. Я же имѣлъ въ виду тѣхъ глубокомысленныхъ идіотовъ, которые бранятъ Гоголя за то, что онъ писалъ не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и блѣдными бездѣльниками, ничего не имѣя ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, тѣмъ не менѣе, стараются казаться выше средняго уровня и играть роль, для чего и нацѣпляютъ на свои лбы ярлыки. Что же касается человѣка 60-хъ годовъ, то въ изображеніи его я старался быть остороженъ и краткокъ, хотя онъ заслуживаетъ цѣлаго очерка. Я щадилъ его. Это полинявшая, недѣятельная бездарность, узурпирующая 60-е годы; въ V классѣ гимназіи она поймала 5—6 чужихъ мыслей, застыла на нихъ и будетъ упрямо бормотать ихъ до самой смерти. Это не шарлатанъ, а дурачокъ, который вѣруетъ въ то, что бормочетъ, но мало или совсѣмъ не понимаетъ того, о чемъ бормочетъ. Онъ глупъ, глухъ, безсердеченъ. Вы бы послушали, какъ онъ во имя 60-хъ годовъ, которыхъ не понимаетъ, брюзжитъ на настоящее, котораго не видитъ; онъ клевещетъ на студентовъ, на гимназистокъ, на женщинъ, на писателей и на все современное, и въ этомъ видитъ главную суть человѣка 60-хъ годовъ. Онъ скученъ, какъ яма, и вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ, какъ сусликъ. Шестидесятые годы—это святое время, и позволять глупымъ сусликамъ узурпировать его, значитъ опошлять его» [1]).

Какъ ни настаивалъ редакціонный цензоръ, Антонъ Павловичъ оставался непреклоннымъ: «Нѣтъ, не вычеркну я ни украйнофилки, ни этого гуся, который мнѣ надоѣлъ. Онъ надоѣлъ мнѣ еще въ гимназіи, надоѣдаетъ и теперь. Когда я изображаю подобныхъ субъектовъ или говорю о нихъ, то не думаю ни о

[1]) Письма. А. Н. Плещееву, 1888.

консерватизмѣ, ни о либерализмѣ, а объ ихъ глупости и претензіяхъ» [1]).

И оба персонажа остались. Но въ собраніи сочиненій Антона Павловича, которое вышло 15 лѣтъ спустя, «человѣка 60-хъ годовъ» нѣтъ: «года минули, страсти улеглись», и изобличеніе «глупыхъ сусликовъ» показалось Чехову при измѣнившейся обстановкѣ, когда то же самое сталъ продѣлывать всякій маломальски критически мыслящій, излишнимъ, ибо это было бы тѣмъ самымъ трафаретомъ, противъ котораго онъ возсталъ.

VII.

Какъ уже сказано, здоровье Чехова ко времени его вступленія «дорогою свободной» въ область вдумчиваго художественнаго творчества оставляло желать лучшаго. Антонъ Павловичъ спалъ крайне тревожно, скрежеталъ зубами и часто въ ужасѣ пробуждался. Сны ему снились страшные:

«Когда ночью спадаетъ съ меня одѣяло, я начинаю видѣть во снѣ громадные склизкіе камни, холодную осеннюю воду, голые берега,—все это неясно, въ туманѣ, безъ клочка голубого неба; въ уныніи и въ тоскѣ, точно заблудившійся, я гляжу на камни и чувствую почему то неизбѣжность перехода черезъ глубокую рѣку; вижу я въ это время маленькіе буксирные пароходики, которые тащатъ громадныя барки, плавающія бревна... Все въ безконечности сурово, уныло, сиро. Когда же я бѣгу отъ рѣки, то встрѣчаю на пути обвалившіяся ворота кладбища, похороны, своихъ гимназическихъ учителей. И въ это время весь я проникнутъ тѣмъ тяжелымъ кошмарнымъ холодомъ, какой немыслимъ наяву и ощущается только спящимъ...» [2])

Это самочувствіе Чехова отразилось въ очеркѣ «Панихида» [3]). Отрицать вліяніе болѣзни Антона Павловича на его настроеніе, безспорно, нельзя. Но устанавливать переломъ въ его творчествѣ, всецѣло пріурочивая дальнѣйшее звучаніе грустнаго мотива, какъ это было сдѣлано [4],) именно къ данному моменту,—болѣе, чѣмъ рискованно.

Весной 1887 года Антонъ Павловичъ собрался на югъ.

«Пишите мнѣ, не считаясь визитами и не дожидаясь моего отвѣта, а за это я Вамъ буду подробно описывать свое путе-

---

[1]) Ibidem. [2]) Черновикъ письма къ Григоровичу. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 50. [3]) «Новое Время» 1886, № 3581. [4]) М. Чеховъ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 50.

шествіе, которое, по всей вѣроятности, выйдетъ страннымъ и дикимъ. Живя въ пустыняхъ и степяхъ, бесѣдуя со звѣрями, я, вѣроятно, буду сильно скучать по цивилизаціи» [1]).

Чеховъ имѣлъ въ виду Донскую Швейцарію, въ центрѣ такъ называемаго Донецкаго кряжа съ его горами, балками, лѣсками и рѣчушками, гдѣ онъ жилъ у отставного хорунжаго въ его участкѣ вдали отъ людей.

«Кормили меня супомъ изъ гуся, клали спать на деревянный диванъ, будили стрѣльбой изъ ружей (въ куръ и гусей, которыхъ здѣсь не рѣжутъ, а стрѣляютъ) и визгомъ наказуемыхъ собакъ, но тѣмъ не менѣе жилось мнѣ превосходно. Впечатлѣній тьма. Поживи В. В. [1]) со мной одинъ день, онъ или удралъ бы, или же вообразилъ бы себя гдѣ-нибудь въ Сингапурѣ, или Бразиліи. Вообще я доволенъ своей поѣздкой... Сейчасъ я ѣду въ Славянскъ, а оттуда въ Святыя Горы, гдѣ пробуду 3—4 дня въ постѣ и молитвѣ. Изъ Святыхъ Горъ въ Таганрогъ... Ужасно: у меня 53 рубля — и только. Приходится обрѣзывать себѣ крылья и облизываться тамъ, гдѣ слѣдовало бы ѣсть. Ѣзжу теперь въ III классѣ и, какъ только у меня останется въ карманѣ 20 р., тотчасъ же попру обратно въ Москву, чтобы не пойти по міру...» [2]).

Это случилось весьма скоро, и въ самомъ непродолжительномъ времени Антонъ Павловичъ вернулся въ Бабкино, а оттуда въ Москву, гдѣ вскорѣ взялся за «Иванова».

«Какъ то былъ я въ театрѣ Корша. Шла новая піеса. Вычурная, препротивная. Ни складу... ни ладу. Я и началъ, что называется, разносить піесу. А Коршъ ехидно и говоритъ: «А вотъ вы вмѣсто того, чтобы критиковать, лучше взяли бы, да сами написали піесу». Я говорю: «хорошо, и напишу». Такъ и произошелъ «Ивановъ» [3]).

Чеховъ неоднократно высказывался противъ театра.

«Театръ—это змѣя, сосущая вашу кровь. Пока у васъ беллетристъ не побѣдитъ драматурга, до тѣхъ поръ я буду ѣсть васъ и предавать ваши піесы проклятію. Такъ и знайте» [4]).

«Піесъ писать не стану. Если будетъ досугъ, то сдѣлаю что-нибудь пуръ-манже, но осень и зиму буду отдавать только беллетристикѣ. Не улыбается мнѣ слава драматурга» [5]).

---

1) Билибинъ. 2) Н. А. Лейкину, 5 мая 1887. 3) А. П. Сергѣенко. О Чеховѣ. «Нива». Литературныя приложенія. 1904, № 10, стр. 218. 4) И. Л. Щеглову. «Нива». Литературныя приложенія. 1905, № 6, ст. 244. 5) Письма. Н. А. Плещееву. Безъ даты. Стр. 62.

«Повѣствовательная форма — это законная жена, а драматическая—эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница» [1]).

Этого было достаточно, чтобы установить антипатію къ сценѣ, какъ къ чему то искусственному и низшему по существу и даже признать, что его связь съ ней была не столько органической, сколько экономической.

Еще въ дѣтствѣ Антонъ Павловичъ увлекался театромъ, куда его тайкомъ брала съ собою мать, приходившая въ ужасъ, когда ея сынъ вмѣсто артистовъ громко вызывалъ зрителей, которые почему-либо обращали на себя его юмористическое вниманіе. Изо всѣхъ піесъ, которыя ему пришлось тогда видѣть, онъ больше всего разсказывалъ о «Маменькиномъ сынкѣ», «Ограбленной почтѣ» и «Гамлетѣ» [2]).

Посѣщеніе театра разрѣшалось въ то время учащимся лишь въ воскресные и праздничные дни и только въ сопровожденіи родителей. Входъ на галлерею не допускался, какъ и теперь, совершенно. Но страсть Чехова къ театру была столь велика, что перспектива кары—и та не могла его удержать. Онъ часто ходилъ туда, при чемъ тамъ ему приходилось всячески укрываться отъ контроля. Для большей безопасности мальчикъ переодѣвался въ штатское платье, напяливалъ бороду, усы и синіе очки и производилъ это такъ ловко, что гимназическій надзиратель неоднократно проходилъ мимо него, не подозрѣвая въ немъ своего питомца.

Увлеченіе театромъ навело его съ товарищами на мысль устроить любительскій спектакль. При содѣйствіи сына артиста Яковлева въ сараѣ была устроена сцена. Юные лицедѣи пригласили декоратора, сформировали труппу и поставили піесу изъ народнаго быта «Ямщики», въ которой Антонъ Павловичъ исполнялъ комическую роль старухи-матери съ такимъ юморомъ, что его игра вызывала у зрителей гомерическій хохотъ» [3]).

Онъ былъ главнымъ воротилой и въ спектакляхъ, которые изрѣдка устраивались у него дома. Игралъ городничаго въ «Ревизорѣ» и—на малороссійскомъ языкѣ—Чупруна въ «Москалѣ-Чаривныкѣ».

«Но самою любимою для него, кажется, была тогда имъ самимъ придуманная сцена про градоначальника. Въ гимназиче-

---

[1]) Ibidem. Ему же. Также. Стр. 63. [2]) М. Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. «Новое Слово». Товарищескіе сборники. 1907. Книга I, стр. 198. [3]) А. Д. Дросси. Воспоминаніе объ А. П. Чеховѣ. Рефератъ въ «Чеховскомъ кружкѣ», «Таганрогскій Вѣстникъ», 1910, № 13.

-скомъ мундирчикѣ со старинной дѣдушкиной шашкой черезъ плечо онъ представлялъ, какъ градоначальникъ стоитъ въ табельный день въ соборѣ и какъ затѣмъ, по окончаніи обѣдни, производитъ смотръ казакамъ. Эту сцену все съ новыми варіантами онъ показывалъ часто и очень охотно» [1]).

Въ ребенкѣ-импровизаторѣ—зародышъ Чехова-драматурга, который сказался въ немъ очень рано. Еще ученикомъ 4 класса онъ задумалъ передѣлать «Тараса Бульбу» въ трагедію, въ 6—написалъ комичнѣйшій водевиль «Не даромъ курица пѣла», въ 7—большую драму «Безотцовщина», о которой я уже упоминалъ. На II курсѣ университета Чеховъ окончилъ головокружительную комедію съ бросающейся подъ поѣздъ женщиной, конокрадами, стрѣльбой и прочими ужасами. У переписывавшаго ее брата писателя отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ:

«Какъ теперь понимаю, это было что то очень громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ верхомъ совершенства. Драму эту Антонъ Павловичъ лично отнесъ къ М. Н. Ермоловой на прочтеніе и очень желалъ, чтобы она поставила ее въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила г-жа Ермолова, только мои старанія четко переписать драму такъ и пропали даромъ: піеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія «Войницкій», которая воскресла потомъ въ «Дядѣ Ванѣ». «Изъ другихъ піесъ знаю очень трогательную пьесу «Баринъ», запрещенную цензурой, и нѣсколько нескромный водевиль «Бритый секретарь съ пистолетомъ», о судьбѣ котораго не знаю ничего. Въ немъ была выведена редакція журнала съ двухспальной кроватью. Одинъ изъ сотрудниковъ принесъ для напечатанія бездарное стихотвореніе, въ которомъ 4 раза должно было повториться слово «стремглавъ». Его написалъ братъ А. П., Николай».

О какой же антипатіи Чехова къ сценѣ можетъ быть рѣчь? На вопросъ въ такой общей формѣ нельзя отвѣтить иначе, какъ только категорически отрицательно. Но стоитъ лишь конкретизировать его и спросить, какая сцена была Антону Павловичу антипатична,—и вамъ отвѣтитъ Треплевъ:

«Современный театръ—это рутина, предразсудокъ. Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатѣ съ тремя стѣнами эти великіе таланты, жрецы святого искусства,

---

[1]) М. Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. «Новое Слово». Товарищескіе сборники. 1907. Книга I, стр. 198.

изображаютъ, какъ люди пьютъ, любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки, когда изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль,—мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ; когда въ тысячѣ варіацій мнѣ подносится одно и то же, одно и то же,—то я бѣгу, бѣгу, какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью... Нужны новыя формы. Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно» [1]).

Въ этомъ протестѣ вылился весь Чеховъ:

«Современный театръ—это сыпь, дурная болѣзнь городовъ. Надо гнать эту болѣзнь метлой, но любить ее—это нездорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театръ—школа, онъ воспитываетъ и проч... А я вамъ на это скажу то, что вижу: теперешній театръ не выше толпы, а, наоборотъ, жизнь толпы выше и умнѣе театра; значитъ—онъ не школа, а что то другое» [2])...

. . . .

«Современный театръ—это міръ безтолочи, К—хъ [3]), тупости и пустозвонства. На-дняхъ мнѣ К—въ похвасталъ, что въ своихъ бездарнѣйшихъ «Крокодиловыхъ слезахъ» онъ пробралъ «желторотыхъ либераловъ», и что потому то его піеса не понравилась и была обругана. Послѣ этого я еще больше возненавидѣлъ театръ и возлюбилъ тѣхъ фанатиковъ-мучениковъ, которые пытаются сдѣлать изъ него что-нибудь путное и безвредное» [4]).

Современный театръ... Теперешній театръ... Современный театръ... Во всей перепискѣ Антона Павловича нѣтъ ни одной темы, которая трактовалась бы имъ съ такимъ подъемомъ, какъ эта! Онъ предлагалъ:

«Вы хотите спорить со мной о театрѣ. Сдѣлайте ваше одолженіе, но вамъ не переспорить моей нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ» [5]).

Это — литературно-театральные комитеты съ ихъ ржавыми взглядами, давшими себя почувствовать, между прочимъ, и самому Чехову.

За «Ивановымъ» засталъ его пріѣхавшій въ Москву Короленко. Антонъ Павловичъ вышелъ изъ своего рабочаго каби-

---

[1]) „Чайка". Дѣйствіе I. Сочиненія, т. XIII, стр. 122. [2]) Собраніе писемъ. И. Л. Щеглову, 7 ноября 1888. [3]) Карповыхъ. [4]) Ibidem. Ему же. 11 ноября 1888. [5]) Ibidem.

нета и за руку удержалъ гостя, который, не желая мѣшать ему, собрался уходить.

«Я дѣйствительно пишу и непремѣнно напишу драму, — сказалъ онъ,—«Иванъ Ивановичъ Ивановъ»... Понимаете? Ивановыхъ тысячи... Обыкновеннѣйшій человѣкъ, совсѣмъ не герой... И это именно очень трудно... Бываетъ ли у васъ такъ: во время работы, между двумя эпизодами, которые видишь ясно въ воображеніи,—вдругъ пустота...

— Черезъ которую приходится строить мостики уже не воображеніемъ, а логикой?..

— Вотъ, вотъ...

— Да, бываетъ, но я тогда бросаю работу и жду.

— Да, а вотъ въ драмѣ безъ этихъ мостковъ не обойдешься..

«Онъ казался нѣсколько разсѣяннымъ, недовольнымъ и, какъ-будто, утомленнымъ» [1]).

На утомленіе жаловался и самъ авторъ:

«Моя піеса, сверхъ ожиданія—чтобы ей пусто было!—такъ заѣздила и утомила меня, что я потерялъ способность оріентироваться во времени, сбился съ колеи и, вѣроятно, скоро стану психопатомъ.

«Написать ее было не трудно, но постановка требуетъ не только траты на извозчиковъ и времени, но и массы нервной работы. Судите сами: 1) въ Москвѣ нѣтъ ни одного искренняго человѣка, который умѣлъ бы говорить правду; 2) актеры капризны, самолюбивы; наполовину необразованы, самонадѣянны, другъ друга терпѣть не могутъ и какой-нибудь N готовъ душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль. 3) К. [2])—купецъ и ему нуженъ не успѣхъ артистовъ и піесы, а полный сборъ. 4) Женщинъ у него въ труппѣ нѣтъ и у меня 2 прекрасныя женскія роли погибаютъ ни за понюшку табаку.

5) Изъ мужского персонала только Давыдовъ и Киселевскій будутъ на своихъ мѣстахъ, а остальные выйдутъ безцвѣтными.

6) Послѣ того, какъ я заключилъ условіе съ К., мнѣ дали знать, что Малый театръ (казенный) былъ бы радъ взять мою піесу. 7) По мнѣнію Давыдова, которому я вѣрю, моя піеса лучше всѣхъ піесъ, написанныхъ въ текущій сезонъ, но она неминуемо провалится, благодаря труппѣ.

---

[1]) «Русское Богатство» 1904, VI.

[2]) Коршъ.

8) Хотѣлъ... взять свою піесу назадъ, но К. задрыгалъ ногами и руками.

«Еще хватило бы на 20 пунктовъ, но довольно и восьми. Можете теперь судить, каково положеніе «начинающаго драматурга», который ни съ того, ни съ сего полѣзъ въ чужія сани и занялся не своимъ дѣломъ.

«Утѣшаюсь только тѣмъ, что Давыдовъ и Киселевскій будутъ блестящи. Давыдовъ съ восторгомъ занялся своей ролью.

«Отъ К. я возьму не 50 р. за представленіе, какъ вы совѣтовали, а больше: 8% съ валового сбора т. е., по 2% съ акта. Таково условіе» [1]).

. . . .

«Вы пишете: «Авторъ постановкѣ только мѣшаетъ, стѣсняетъ актеровъ и въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ только глупыя указанія. «На сіе отвѣчу вамъ сице: 1) авторъ хозяинъ піесы, а не актеры; 2) вездѣ распредѣленіе ролей лежитъ на обязанности автора, если таковой не отсутствуетъ; 3) до сихъ поръ *всѣ* мои указанія шли на пользу, и дѣлалось такъ, какъ я указывалъ; 4) сами актеры просятъ указаній; 5) параллельно съ моей піесой въ Маломъ театрѣ репетируется новая пьеса Шпажинскаго [2]), который *три* раза мѣнялъ мебель и заставлялъ казну три раза платить деньги за обстановку и т. д. Если свести автора къ нулю, то получится чортъ знаетъ что... Вспомните-ка, какъ Гоголь бѣсился, когда ставили его піесу!

«Развѣ онъ не правъ?

«Вы пишете, что съ вами согласенъ Суворинъ. Удивляюсь. Недавно Суворинъ писалъ мнѣ: «приструньте актеровъ» и давалъ совѣтъ, касающіеся этого приструниванія.

«Во всякомъ случаѣ спасибо вамъ за тему: буду писать Суворину и подниму вопросъ о предѣлахъ авторской компетенціи»... [3])

Созданная на пари, въ 2½ недѣли, подъ прессомъ матеріальныхъ обстоятельствъ и какъ разъ въ переходную для Антона Павловича пору, когда его беззаботность стала смѣняться критическимъ отношеніемъ къ жизни вообще и русской въ частности, піеса носила на себѣ отпечатокъ вымученности и мѣстами тенденціозности. Нѣкоторыя рискованныя сентенціи на острыя темы нашей общественности («не женитесь

---

[1]) Н. А. Лейкину. 4 ноября 1887.

[2]) «Княжна Курагина».

[3]) Н. А. Лейкину, 15 ноября 1887.

ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на курсисткахъ») произвели большой шумъ и въ связи съ другими недостатками піесы не могли не отразиться на ея участи.

Она была поставлена—вмѣстѣ съ водевилемъ Григорьева «Salon pour la coupe des cheveux»—у Корша въ бенефисъ Свѣтлова (Боркинъ) при участіи Гламмы-Мещерской (Сарра), Давыдова (Ивановъ) и Киселевскаго (Шабельскій) и собрала переполненный залъ. Автора дружно вызывали послѣ II и III актовъ, IV—произвелъ смѣшанное впечатлѣніе, и занавѣсъ опустился подъ шиканье одной, болѣе многочисленной части публики и—апплодисменты другой.

Двойственный пріемъ, какъ обычный результатъ отсутствія шаблона, наличность котораго всегда упрощаетъ массовую оцѣнку, отразился въ обществѣ, реагировавшемъ на новинку оживленнымъ споромъ и въ печати, гдѣ огульная брань сплелась съ неопредѣленной хвалой.

«Русскій Курьеръ», изступленно бія себя въ перси, вопрошалъ, «было ли когда-нибудь такое безпардонно-претенціозное время, какое переживается нашей драматургіей, а съ нею вмѣстѣ и нашей русской сценой? Былъ ли когда-нибудь подобный наплывъ пошлостей, бездарныхъ притязаній, циническаго лганья на современную жизнь и человѣка, неудачныхъ потугъ на оригинальничанье и такое зачастую невѣжественное незнаніе жизни и ея элементарнѣйшихъ проявленій, какое стало обнаруживаться все чаще и чаще въ «твореніяхъ» россійскихъ драмописцевъ въ послѣднее время? Не обладая психопатическимъ міровоззрѣніемъ, трудно подыскать объясненія этому, и въ то же время нельзя, конечно, промолчать объ этомъ новомъ направленіи нашего драматическаго творчества, которое безъ всякаго сомнѣнія будущій историкъ русской литературы назоветъ періодомъ «психопатическаго творчества или авторской невмѣняемости». Есть драматическія произведенія изъ новѣйшихъ, разумѣется, въ которыхъ съ особенной яркостью вскрывается это новое направленіе. Къ такимъ безусловно должна быть отнесена новая комедія... Чехова, названная имъ по-просту «Ивановъ»... Что это такое? Неужели это сценическое произведеніе изъ жизни, а не простая выдумка на эту жизнь и на тѣхъ людей, которые только что были предъ нами? Гдѣ авторъ видѣлъ такого Иванова, такого графа, купеческую вдову, предсѣдателя управы, его жену, доктора и проч..? Люди ли это вообще и не просто ли каррикатуры на людей только? Думаемъ, что карри-

А. П. Чеховъ (1902 г.) *въ Ялтѣ.*

катуры и притомъ крайне плохія... Лгать на жизнь и на людей нельзя безнаказанно... Именно незнаніе жизни, людей и полный произволъ въ ихъ изображеніи и погубилъ піесу г. Чехова. Мы уже не говоримъ о другихъ ея недостаткахъ, которые въ ней на каждомъ шагу и которые объясняются, вѣроятно, не чѣмъ инымъ, какъ спѣшностью и торопливостью исполненія... Есть авторы, которые даже гордятся нѣкоторымъ образомъ тѣмъ, что ихъ невмѣняемыя произведенія—результатъ десятидневной работы. Странное хвастовство тѣмъ именно, что во всякомъ случаѣ тщательно должно быть скрываемо! Ну, вмѣняемы ли послѣ этого сами эти авторы, скажите, пожалуйста?!.» И подпись проникновеннаго рецензента: Ph. [1]).

«Московскія Вѣдомости», театральный критикъ которыхъ Васильевъ (Флеровъ) считался знатокомъ, пріобрѣлъ репутацію «мѣстнаго Сарсэ» и пользовался общимъ уваженіемъ, даже болѣе—вліяніемъ въ соотвѣтствующихъ кругахъ—писали:

«Г. Чеховъ—начинающій писатель и совсѣмъ еще молодой человѣкъ. Это чувствуется уже изъ самой піесы; но, сверхъ того, я имѣлъ возможность убѣдиться въ молодости автора воочію, въ то время, когда онъ выходилъ и раскланивался на вызовы. Мнѣ кажется, что г. Чеховъ—талантливый молодой человѣкъ. Талантъ, именно талантъ—особенно дорогое качество въ наше безталанное время. У насъ да и вездѣ очень много поддѣлокъ подъ талантъ, очень много мельхіора, идущаго за настоящее серебро. Серебро узнается на оселкѣ. Присутствіе таланта ощущается по впечатлѣнію. На васъ потянетъ внезапно какою то свѣжею струей, и подъ ея прикосновеніемъ вы чувствуете себя какъ то бодро и радостно. Именно такой струей повѣяло на меня изъ комедіи «Ивановъ». Я не скажу, чтобы это было произведеніе зрѣлое. Напротивъ, въ немъ много ошибокъ, ошибокъ неопытности и неумѣнія. Но оно талантливо. Я съ большимъ удовольствіемъ просмотрѣлъ всю эту комедію съ начала до конца и ни разу не почувствовалъ ни овладѣвающаго мною по временамъ страстнаго желанія уйти изъ театра, ни потребности умолять про себя автора: «батюшка, отецъ и благодѣтель, отпусти душу на покаяніе!» Я до конца дожидался разъясненія мнѣ авторомъ характера Иванова. Разъясненія этого не послѣдовало. Авторъ виноватъ. Но уже большая заслуга въ томъ, чтобы въ продолженіе четырехъ

[1]) 1888, № 325.

актовъ держать зрителя въ состоянiи постоянной бодрости и постояннаго интереса».

«Новости дня» всецѣло примкнули къ этому отзыву, указали, что «Ивановъ не былъ понятъ, лучше—его не хотѣли понять, не хотѣли признать его живымъ лицомъ, чтобы тѣмъ легче отдѣлаться отъ непрiятнаго сознанiя своей собственной гнилости, расшатанности и худосочiя» и, отмѣтивъ сценическую неопытность Чехова, нашли, что «не вина автора, если его произведенiе появилось предъ судомъ публики въ такомъ незаконченномъ видѣ; такого обвиненiя скорѣе всего заслуживаетъ дирекцiя театра, которая воспользовалась пiесой; заправилы, несомнѣнно, люди, видавшiе виды, опытные, и не замѣтить промаховъ они не могли. Въ такомъ случаѣ пiесу нужно было бы возвратить автору и указать ему тѣ недостатки, которые подлежатъ исправленiю. Выиграли бы и авторъ, и публика, и сами исполнители» [1]).

Она не имѣла успѣха и у автора. Послѣ провала въ Москвѣ ее пожелалъ поставить режиссеръ Александринскаго театра въ Петербургѣ. Антонъ Павловичъ принялся исправлять этотъ, по его словамъ, «драматическiй выкидышъ» и все недоумѣвалъ:

«Какiе неостроумные демоны внушили Ѳедорову ставить въ свой бенефисъ [2]) мою пiесу. Я замучился, и никакой гонораръ не можетъ искупить того каторжнаго напряженiя, какое чувствовалъ я въ послѣднюю недѣлю. Раньше своей пiесѣ я не придавалъ никакого значенiя и относился къ ней со снисходительной ироніей: написалъ, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ нежданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего плохо она сработана. Послѣднiй актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пiесой, строчилъ варiанты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ 4-й актъ до неузнаваемости, отшлифовалъ самого Иванова—и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пiесу, что готовъ кончить ее словами Кина: «Палками, Иванова, палками!..» Чтобы написать для театра хорошую пiесу, необходимо имѣть особый талантъ; можно быть прекраснымъ беллетристомъ и въ то же время писать сапожницкiя пiесы; написать же плохую пiесу и потомъ стараться сдѣлать изъ нея хорошую, пускаться на всякiе фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умершихъ, закапывать въ могилу живыхъ,—для этого надо имѣть талантъ гораздо большiй. Это такъ же трудно, какъ

1) 1888, № 329. 2) За 25-лѣтнюю службу.

купить старые солдатскіе штаны и стараться во что бы то ни стало сдѣлать изъ нихъ фракъ»[1]).

Несмотря на радикальную перестройку Чеховъ не успокоился:

«Роли уже распредѣлены, но... но постановка едва ли состоится. Меня такъ пугаютъ недостатки въ моей піесѣ и такъ важны эти недостатки, что я по совѣсти не могу быть равнодушнымъ... Я послалъ письмо, въ которомъ перечислилъ нѣкоторыя условія; если по мнѣнію тѣхъ, кому я писалъ, моя піеса не удовлетворяетъ хотя одному изъ этихъ условій, то я серьезно просилъ взять мою піесу обратно. Согласитесь, голубчикъ, что піеса, которой на глазахъ всего Питера отдается преимущество передъ піесами Мея и Виктора Гюго («Эрнани»), должна быть отличной; согласитесь и вы поймете, что я не ломаюсь и не кокетничаю... А недостатки въ моей піесѣ непоправимы. Вижу ихъ я не одинъ, но также и люди, которымъ я вполнѣ довѣряю и компетенцію которыхъ ставлю выше своей. Ждите, когда напишу другую піесу, а на «Иванова» начихайте»![2]).

Очевидецъ сообщаетъ, что «публика принимала піесу чутко и шумно съ перваго акта, а по окончаніи третьяго, послѣ заключительной драматической сцены между Ивановымъ и больной «Саррой», съ увлеченіемъ разыгранной Давыдовымъ и Стрепетовой, устроила автору совмѣстно съ юбиляромъ-режиссеромъ восторженную овацію. «Ивановъ», несмотря на многія сценическія неясности, рѣшительно захватилъ своей свѣжестью и оригинальностью, и на другой день всѣ газеты дружно разсыпались въ похвалахъ автору піесы и ея исполненію. Исполненіе дѣйствительно должно было польстить Чехову; даже такая незначительная эпизодическая роль, какъ роль помѣшаннаго на картахъ акцизнаго «Косыхъ» въ лицѣ покойнаго Арди вылилась въ яркій комическій типъ. Превосходны были Варламовъ и Жулева (супруги Лебедевы) и прямо великолѣпенъ Свободинъ въ роли опустившагося язвительнаго графа Шабельскаго... Спектакль затянулся... и не далъ мнѣ возможности поздравить Чехова... Я увидѣлся съ нимъ на другой день, на веселомъ банкетѣ, устроенномъ въ честь его помѣщикомъ С., восторженнѣйшимъ поклонникомъ Чехова. Видъ Чеховъ имѣлъ сіяющій, жизнерадостный, хотя и нѣсколько озадаченный... Обѣдъ вышелъ на славу, при чемъ славили Чехова, что называется во-всю Иванов-

---

[1]) Письма. А. Н. Плещееву. Безъ даты. Стр. 68—69.

[2]) Собраніе писемъ. И. Л. Щеглову, 31 декабря 1888.

скую, а самъ хозяинъ, поднимая бокалъ шампанскаго въ честь Чехова, въ заключеніе тоста, торжественно приравнялъ... «Иванова» къ... «Горю отъ ума». Я взглянулъ искоса на Чехова: онъ густо покраснѣлъ, какъ-то сконфуженно осунулся на своёмъ мѣстѣ, и въ глазахъ его мелькнули чуть-чуть замѣтные юмористическіе огоньки—дозорные писательскіе огоньки, свидѣтельствовавшіе о непрерывной критикѣ окружающаго...» [1]).

Этотъ тріумфъ отчасти примирилъ Антона Павловича съ его первенцомъ:

«Вы въ письмѣ утѣшаете меня насчетъ «Иванова». Спасибо вамъ, но увѣряю васъ честнымъ словомъ, я спокоенъ и совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что получилъ. Я сдѣлалъ то, что могъ и умѣлъ—стало быть, правъ: глаза выше лба не растутъ; получилъ же я не по заслугамъ, больше, чѣмъ нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышалъ я. Какого же лѣшаго мнѣ еще нужно? А если въ Питерѣ найдется сотня человѣкъ, которая пожимаетъ плечами, презрительно ухмыляется, киваетъ, брызжетъ пѣной или лицемѣрно вретъ, то вѣдь я всего этого не вижу и безпокоить меня все это не можетъ... Оваціи и успѣхи представляются мнѣ безпокойнымъ сномъ, отъ котораго я отлично очнулся... Все это такъ шумно и такъ мало удовлетворяетъ, что въ результатѣ не получается ничего, кромѣ утомленія и желанія бѣжать, бѣжать... Денно и нощно мечтаю о хуторѣ... Лежанье на сѣнѣ и пойманный на удочку окунь удовлетворяютъ мое чувство гораздо осязательнѣе, чѣмъ рецензіи и аплодирующая галлерея. Я, очевидно, уродъ и плебей» [2]).

Параллельно съ «Ивановымъ» Чеховъ спроектировалъ водевиль «Гамлетъ, принцъ датскій», предложивъ Лазареву-Грузинскому написать его совмѣстно:

«Куй желѣзо, пока горячо. Написано ли у васъ что-нибудь? Выходитъ ли требуемое? Совладали ли съ сюжетомъ и сценическими условіями? Какъ бы тамъ ни было, поспѣшите написать мнѣ подробно, что вами придумано, написано и что имѣется въ проектѣ. Одновременно пришлите мнѣ и мою рукопись (бандеролью), оставивъ у себя копію. Я суммирую все съ Вашимъ, подумаю и не замедлю сообщить Вамъ свои намѣренія и про-

---

1) Ив. Щегловъ. Изъ воспоминаній объ Антонѣ Чеховѣ. «Нива». Литературныя приложенія. 1905, № 6, ст. 248—249.

2) Собраніе писемъ. И. Л. Щеглову, 18 февраля 1889.

екты. Условія: 1) Сплошная путаница. 2) Каждая рожа должна быть характеромъ и говорить своимъ языкомъ. 3) Отсутствіе длиннотъ. 4) Непрерывное движеніе. 5) Роли должны быть написаны для Градова, Свѣтлова, Шмитгофъ, Киселевскаго, Соловцова, Вязовскаго, Валентинова, Кошевой, Красовской и Бороздиной [1]. 6) Критика на театральные порядки; безъ критики нашъ водевиль не будетъ имѣть значенія» [2].

Неудача въ Москвѣ съ «Ивановымъ» расхолодила Антона Павловича, и этотъ планъ былъ оставленъ, какъ не увидѣла свѣта и «Сила гипнотизма»—тогдашняя же водевильная импровизація, изъ которой въ памяти слушателя сохранилась лишь часть сценарія:

«Какая то черноглазая вдовушка вскружила головы двумъ своимъ поклонникамъ: толстому маіору съ превосходнѣйшими маіорскими усами и юному, совершенно безусому аптекарскому помощнику. Оба соперника,—и военный, и штатскій,—отъ нея безъ ума и готовы на всякія глупости ради ея жгучихъ очей, обладающихъ, по ихъ увѣренію, какой то особенной демонической силой. Происходитъ забавная любовная сцена между соблазнительной вдовушкой и толстымъ маіоромъ, который, пыхтя, опускается передъ вдовушкой на колѣни, предлагаетъ ей руку и сердце и клянется, что изъ любви къ ней пойдетъ на самыя ужасныя жертвы. Жестокая вдовушка объявляетъ влюбленному маіору, что она ничего не имѣетъ противъ его предложенія и что единственное препятствіе къ брачному поцѣлую... щетинистые маіорскіе усы. И, желая испытать демоническую силу своихъ очей, вдовушка гипнотизируетъ маіора и гипнотизируетъ настолько удачно, что маіоръ молча поворачивается къ дверямъ и направляется непосредственно изъ гостиной въ первую попавшуюся цырульню. Затѣмъ происходитъ какая то водевильная путаница, подробности которой улетучились изъ моей головы, но въ результатѣ которой получается полная побѣда безусаго фармацевта. (Кажется, предпріимчивый женихъ, пользуясь отсутствіемъ соперника, подсыпаетъ вдовушкѣ въ чашку кофе любовный порошокъ собственнаго изобрѣтенія). И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда вдовушка падаетъ въ объятія аптекаря, въ дверяхъ появляется загипнотизированный маіоръ и, при томъ, въ самомъ смѣшномъ и глупомъ положеніи: онъ только что

---

[1] Театръ Корша.

[2] Собраніе писемъ. А. С. Лазареву-Грузинскому, 15 ноября 1887.

сбросилъ свои великолѣпные усы... Разумѣется, при видѣ коварства вдовушки, «сила гипнотизма» моментально кончается, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончается и водевиль» [1]).

Вслѣдъ за «Ивановымъ» въ одинъ присѣстъ была написана для Соловцова, посвященная ему же и навѣянная бездѣлкой «Побѣдителей не судятъ» шутка «Медвѣдь» [2]).

Вскорѣ, по выраженію Чехова, онъ «нацарапалъ спеціально для провинціи паршивенькій водевильчикъ «Предложеніе».... пошловатенькій и скучноватенькій» [3]).

За нимъ буквально выросъ «Лѣшій» [4]). Въ передачѣ брата Антона Павловича, Михаила, это было такъ:

«Соловцовъ уже самъ снялъ въ Москвѣ театръ. Ставилъ драму. Помню, дѣла его были далеко не блестящи... Оставалась... одна только масленица, на которую возлагались всѣ надежды, обманувшія за сезонъ. Но нужна была для этого новая, боевая піеса, нужно было сорвать сборы во что бы то ни стало, а до масленицы оставалось всего только двѣ недѣли. Тогда Соловцовъ пріѣхалъ къ брату:

— Спасайте!—сказалъ онъ. — Первая тысяча рублей со сборовъ—ваша...

«Батюшки мои! Цѣлая тысяча рублей! Въ какую-нибудь одну недѣлю! Я сидѣлъ въ это время въ сосѣдней комнатѣ, все слышалъ и у меня даже подъ сердцемъ похолодѣло. Но вѣдь оставалось всего только 2 недѣли. Въ нихъ нужно было написать, переписать, послать въ цензуру, разучить, поставить... Совсѣмъ по-американски.

«И братъ согласился.

«Піеса была написана въ 4 дня. Отъ переписки у меня отекли пальцы, но въ день по акту мы успѣвали. Соловцовъ съ кондукторомъ отправлялъ по акту въ Петербургъ въ цензуру, по акту приходило изъ Петербурга, и по акту, не зная конца піесы, ее разучивали» [5]).

«Лѣшій»—это первоначальная редакція «Дяди Вани».

---

1) Ив. Щегловъ. Изъ воспоминаній объ Антонѣ Чеховѣ. «Нива». Литературныя приложенія 1905, № 6 ст. 234—5.

2) «Новое Время» 1888. № 4491.

3) Письма. И. Л. Щеглову. Безъ даты. Стр. 180—181.

4) Собраніе писемъ. И. Л. Щеглову 7 ноября 1888.

5) Декабрь 1889.

6) Михаилъ Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. «Журналъ для всѣхъ», 1906. № 7, стр. 412.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

„Лѣшій“.	„Дядя Ваня“.
Александръ Владиміровичъ Серебряковъ, отставной профессоръ.	**Также.**
Елена Андреевна, его жена, 27 лѣтъ.	**Также.**
Софья Александровна (Соня), его дочь отъ перваго брака, 20 лѣтъ.	**Также.** (Возрастъ не показанъ).
Марья Васильевна Войницкая, вдова тайнаго совѣтника, мать первой жены профессора.	**Также.**
Егоръ Петровичъ Войницкій, ея сынъ.	**Иванъ Петровичъ Войницкій**, ея сынъ.
Леонидъ Степановичъ Желтухинъ, не кончившій курса технологъ, очень богатый человѣкъ.	
Юлія Степановна (Юля), его сестра, 18 лѣтъ.	
Иванъ Ивановичъ Орловскій, помѣщикъ.	
Θеодоръ Ивановичъ, его сынъ.	
Михаилъ Львовичъ Хрущовъ, помѣщикъ, кончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ.	**Михаилъ Львовичъ Астровъ**, врачъ.
Илья Ильичъ Дядинъ.	**Илья Ильичъ Телѣгинъ**, обѣднѣвшій помѣщикъ.
Василій, слуга Желтухина.	
Семенъ, работникъ на мельницѣ.	**Работникъ.**
	Марина, старая няня.

Желтухины и Орловскіе въ «Лѣшемъ»—въ сущности вводной эпизодъ, отъ устраненія котораго «Дядя Ваня» только выигралъ. Наряду съ нимъ, но въ гораздо большей степени, «Лѣшій» отличается отъ «Дяди Вани» нѣсколько иной трактовкой главныхъ персонажей, въ лицѣ рѣзче выписанныхъ Елены Андреевны (на время бросаетъ мужа), Войницкаго (застрѣливается послѣ ссоры съ нимъ) и особенно—совмѣщающаго въ себѣ нѣкоторыя его черты Хрущова-Астрова (женися на Сонѣ).

Въ «Лѣшемъ» I дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Желтухина, II и III—въ усадьбѣ Серебрякова и IV—у Дядина, между тѣмъ какъ всѣ 4 акта «Дяди Вани» происходятъ въ усадьбѣ Серебрякова.

Mise en scene въ обоихъ варіантахъ почти тождественно за исключеніемъ IV дѣйствія, которое сконструировано въ «Лѣшемъ» совершенно иначе и далеко не производитъ такого впечатлѣнія, какъ финалъ «Дяди Вани». [1]).

---

[1]) Въ приложеніи послѣ настоящей статьи мы даемъ весь текстъ IV акта.

Какъ уже сказано, «Лѣшій» кажется мнѣ слабѣе «Дяди Вани». Но безотносительно, особенно, если принять во вниманіе, что эта комедія написана 20 лѣтъ тому назадъ, ее нельзя не признать замѣчательной.

«Лѣшій» не былъ напечатанъ. Уцѣлѣло лишь нѣсколько литографированныхъ экземпляровъ, по которымъ онъ ставился [1]) и, къ слову сказать, провалился, послѣ чего былъ снятъ съ репертуара.

«Почему, скажете вы, не былъ напечатанъ «Лѣшій». Это сложная исторія. Піеса вызвала озлобленіе въ профессорскихъ кружкахъ, потому что выставленъ комическій и жалкій профессоръ... Чеховъ раскапризничался и не далъ піесу въ печать» [2]).

Петербургскій военно-полевой судъ—такъ Антонъ Павловичъ называлъ тамошній литературно-театральный комитетъ—разстрѣлялъ «Лѣшаго» и это вмѣстѣ съ сомнительнымъ успѣхомъ піесы въ Москвѣ такъ подѣйствовало на Чехова, что даже 10 лѣтъ спустя онъ отклонилъ настойчивую просьбу своего почитателя:

«Милый Александръ Ивановичъ, умоляю васъ, не сердитесь; я не могу печатать «Лѣшаго». Эту піесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней. Сама ли она виновата, или тѣ обстоятельства, при которыхъ она писалась и шла на сценѣ,—не знаю, но только для меня было бы истиннымъ ударомъ, еслибы какія-нибудь силы извлекли ее изъ-подъ спуда и заставили жить. Вотъ вамъ яркій случай извращенія родительскаго чувства!» [3])

Не утихомирилось за тѣ же 10 лѣтъ и «озлобленіе въ профессорскихъ кружкахъ». Оно отразилось и на судьбѣ «Дяди Вани», котораго на этотъ разъ забраковалъ московскій литературно-театральный комитетъ, выставившій оффиціальной причиной своего не менѣе безсмертнаго рѣшенія недостаточную мотивировку покушенія Дяди Вани на убійство Серебрякова: «разочарованіе въ талантѣ профессора, раздраженіе на его безцеремонность не можетъ служить... достаточнымъ поводомъ для преслѣдованія его пистолетными выстрѣлами. У зрителя можетъ даже явиться подозрѣніе, что поступокъ Дяди Вани находится въ связи съ состояніемъ похмелья (!), въ которомъ авторъ почему то слишкомъ часто (?) показываетъ и Дядю Ваню, и Астрова» [4]).

---

[1]) Въ театрѣ М. М. Абрамовой, 27, 29 декабря 1889, 1 января 1890 г.

[2]) Кн. А. И. Урусовъ. Сочиненія, т. II.

[3]) Письма. Кн. А. И. Урусову, 16 апрѣля 1899, 1 января 1890 г.

[4]) Философовъ. Бытъ, событія и небытіе. «Юбилейный Чеховскій сборникъ» М. 1910, стр. 137.

Эта резолюція должна остаться во всей своей неприкосновенности, какъ «памятникъ нерукотворный», воздвигнутый себѣ безнадежной формалистикой и тупостью quasi-художественнаго трибунала, а также, какъ одинъ изъ рельефнѣйшихъ показателей той косности, которая встаетъ на пути всякаго, не желающаго считаться съ нею творца.

VIII.

Утомленный усиленной литературной дѣятельностью Чеховъ, у котораго вдобавокъ, благодаря инфлуэнцѣ, появилось осложненіе въ легкихъ и жестокій кашель, весной 1888 года снова собрался на югъ. Онъ писалъ А. Н. Плещееву.

«Я уже нанялъ себѣ дачу въ усадьбѣ [1]) на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра), въ Сумскомъ уѣздѣ, недалече отъ Полтавы и отъ маленькихъ уютныхъ и грязненькихъ городовъ, въ которыхъ свирѣпствовалъ нѣкогда Ноздревъ и ссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Третьяго дня я послалъ задатокъ. Пселъ—рѣка глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кромѣ его, на моей дачѣ имѣется еще прудъ съ карасями, отдѣленный отъ рѣки плотиной. Дача расположена у подошвы горы, покрытой садомъ. Кругомъ лѣсъ, изобиліе барышень».

Отсюда Антонъ Павловичъ выѣзжалъ въ Сорочинцы и имѣніе Смагиныхъ, село «Бакумовка».

«Ѣздили мы на четверикѣ, въ дѣдовской, очень удобной колясkѣ. Смѣху, приключеній, остановокъ, встрѣчъ по дорогѣ было многое множество. Все время навстрѣчу попадались такіе чудные, за душу хватающіе пейзажи и жанры, которые поддаются описанію только въ романѣ или въ повѣсти, но никакъ не въ короткомъ письмѣ. Ахъ, еслибы вы были съ нами и видѣли нашего сердитаго-сердитаго ямщика Романа, на котораго нельзя было глядѣть безъ смѣха, еслибы вы видѣли мѣста, гдѣ мы ночевали, восьми-и десятиверстныя села, которыми мы проѣзжали, еслибы пили съ нами поганую водку, отъ которой отрыгается, какъ послѣ сельтерской воды. Какія свадьбы намъ попадались по пути, какая чудная музыка слышалась въ вечерней тишинѣ и какъ густо пахло свѣжимъ сѣномъ. То есть, душу можно отдать нечистому за удовольствіе поглядѣть на теплое вечернее небо, на рѣчки и лужицы, отражающія въ себѣ томный, грустный закатъ... Жаль, что васъ не было. Въ коля-

---

[1]) Лука—А. В. Литваревой.

скѣ вы чувствовали бы себя, какъ въ постели. Ѣли мы и пили каждые полчаса, не отказывали себѣ ни въ чемъ, смѣялись до коликъ...

«Имѣніе С—гиныхъ [1]) велико и обильно, но старо, запущено и мертво, какъ прошлогодняя паутина. Домъ осѣлъ, двери не затворяются, изразцы на печкѣ выпираютъ другъ друга и образуютъ углы, изъ щелей половъ выглядываютъ молодые побѣги вишенъ и сливъ.

. . . .

«На рѣкѣ живутъ солидные аисты. На пасѣкѣ обитаетъ дѣдъ, помнящій царя Гороха и Клеопатру Египетскую. Все ветхо и гнило, но зато поэтично, грустно и красиво въ высшей степени» [2]).

Здѣсь Чеховъ съ родными прожилъ около недѣли и, обѣщавъ радушнымъ хозяевамъ снова посѣтить ихъ, скоро поѣхалъ въ Крымъ.

«Жарища и духота невозможныя, вѣтеръ сухой и жесткій, какъ переплетъ, просто хоть караулъ кричи. Деревьевъ и травы въ Ѳеодосіи нѣтъ, спрятаться некуда. Остается одно—купаться. И я купаюсь. Море чудесное, синее и нѣжное, какъ волосы невинной дѣвушки. На берегу его можно жить 1000 лѣтъ и не соскучиться».

Отсюда онъ выѣхалъ на Кавказъ.

«Паршивенькій грузовой пароходъ «Диръ» мчится на всѣхъ парахъ (8 узловъ въ часъ) отъ Сухума до Поти. Двѣнадцатый часъ ночи. Въ маленькой каюткѣ, единственной на пароходѣ и похожей на в-.к., нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ. Слышно, какъ работаетъ машина: «бумъ, бумъ, бумъ»... Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила... Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается... Все вниманіе желудка устремлено на кровать, и онъ, словно нивеллируя, то подкатываетъ выпитую сельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ. Чтобы не облевать въ потемкахъ одежи, быстро одѣваюсь и выхожу. Темно... Ноги мои спотыкаются о какія то невидимыя желѣзныя шпалы, о канатъ; куда ни ступнешь, всюду бочки, мѣшки, тряпье... Подъ подошвами угольный мусоръ... Наталкиваюсь въ потемкахъ на что то рѣшетчатое: это клѣтка съ ко-

---

[1]) Смагины.

[2]) Письма. А. Н. Плещееву, 7 іюля 1888.

эулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ... Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ... Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку... Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку... Качаетъ... Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ; стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется. Море и небо темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ... Ни огонька.

«Сзади меня окно. Гляжу на него и вижу человѣка съ лицомъ Павла Михайловича. Онъ внимательно глядитъ на что то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію... Рядомъ со мной стоитъ маленькій, толстенькій капитанъ въ желтыхъ башмакахъ. Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ буряхъ и въ то же время напряженно вглядывается въ темную даль и въ сторону берега.

— А ты, кажется, опять забираешь влѣво! — говоритъ онъ, между прочимъ, кому то; или:—тутъ должны быть видны огоньки... Видишь?

— Никакъ нѣтъ!—отвѣчаетъ кто то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

«Темная фигура вырастаетъ на рубкѣ и не спѣша лѣзетъ куда то вверхъ. Черезъ минуту слышно:

— Есть!

«Всматриваюсь влѣво, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу... Проходитъ полчаса, часъ... Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку... Тошноты нѣтъ, но жутко...

«Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами «Чорррртова кукла!» бѣжитъ куда то назадъ.

— Влѣво!—кричитъ онъ съ тревогой во все горло.—Влѣво.., вправо! Аря... ва... а-а!..

«Слышится непонятная команда; пароходъ вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... «Ава-а-ва!» — кричитъ капитанъ. У самаго носа звонятъ въ колоколъ, на черной палубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики... Диръ еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пыхтитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ.

— Что такое?—спрашиваю я и чувствую что то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочетъ, чорртова кукла!—слышится рѣзкій крикъ капитана.

— Влѣ-ѣ-ва-а!

«У носа показываются какіе то красные огни и вдругъ раздается среди шума свистъ не Дира, а какого то другого парохода... Теперь понятно: мы столкнемся! Диръ пыхтитъ, дрожитъ и какъ-будто не движется, ожидая, когда ему идти ко дну... (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полуминуты, но доставившее мнѣ не мало мученій... Полминуты я былъ убѣжденъ въ томъ, что *я* погубилъ пароходъ. О недоразумѣніи разскажу при свиданіи, писать же о немъ длинно, нѣтъ мочи) [1]).

«Но вотъ, когда, по моему мнѣнію, все уже погибло, слѣва показываются красные огни, и начинаетъ вырисовываться силуэтъ парохода... Длинное черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ.

— Уфъ! Какой это пароходъ?—спрашиваю я капитана.

«Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говоритъ:

— Это Твиди [2]).

«Послѣ нѣкотораго молчанія заводимъ рѣчь о Вестѣ, которая столкнулась съ двумя пароходами и погибла. Подъ вліяніемъ этого разговора море, ночь, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на погибель человѣка, и, глядя на толстаго капитана, я чувствую жалость... Мнѣ что то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой... [3])

«Иду къ себѣ въ каютку... Душно и воняетъ кухней. Раздѣваюсь до-нага и ложусь... Темнота колеблется, кровать словно дышитъ... Бумъ, бумъ, бумъ!.. Обливаясь потомъ, задыхаясь и, чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя: «Зачѣмъ я здѣсь?»

«Просыпаюсь... Уже не темно... Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу... Все покрыто росой... Ко-

---

[1]) По возвращеніи Чеховъ разсказалъ, что въ суматохѣ, во время качки, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и, чтобы не упасть, ухватился за что то, что тоже подалось въ сторону. Это оказался телеграфъ въ машину. Антонъ Павловичъ хотѣлъ поставить его на прежнее мѣсто, но не сумѣлъ. (М. Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ. Сборникъ «Памяти А. П. Чехова», стр. 56).

[2]) Названіе пароходной компаніи.

[3]) Предсказаніе сбылось отчасти: въ ту же осень «Диръ» погибъ у береговъ Алупки.

зули глядятъ по-человѣчески сквозь рѣшетку и, кажется, хотятъ спросить: «Зачѣмъ мы здѣсь?» Капитанъ по-прежнему стоитъ неподвижно и всматривается въ даль.

«Налѣво тянется гористый берегъ... Виденъ Эльборусъ изъ-за горъ. Восходитъ мутное солнце... Видна зеленая Ріонская равнина, а возлѣ нея Потійская бухта» [1].

. . . .

«Я въ Абхазіи. Ночь провелъ въ монастырѣ «Новый Аѳонъ», а сегодня съ утра сижу въ Сухумѣ. Природа удивительная до бѣшенства и отчаянія. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное—горы, горы и горы безъ конца и краю. Сижу я сейчасъ на балконѣ, а мимо лѣниво прохаживаются абхазцы въ костюмахъ маскарадныхъ капуциновъ; черезъ дорогу бульваръ съ маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваромъ темносинее море.

«Жарко невыносимо! Варюсь въ собственномъ потѣ. Мой красный шнурокъ на сорочкѣ раскисъ отъ пота и пустилъ красный сокъ; рубаха, лобъ, подмышки хоть выжми. Кое какъ спасаюсь купаньемъ... Вечерѣетъ... Скоро поѣду на пароходъ. Вы не повѣрите, голубчикъ, до какой степени вкусны здѣсь персики! Величиной съ большое яблоко, бархатистые, сочные... Ѣшь, а нутро такъ и ползетъ по пальцамъ.

«Изъ Ѳеодосіи выѣхалъ на «Юнонѣ», сегодня ѣхалъ на «Дирѣ», завтра поѣду на бабушкѣ... Много я перепробовалъ пароходовъ, но еще ни разу не рвалъ.

«На Аѳонѣ познакомился съ архіереемъ Геннадіемъ, епископомъ Сухумскимъ, ѣздящимъ по епархіи верхомъ на лошади. Любопытная личность.—Купилъ матери образокъ, который привезу.

«Еслибы я пожилъ въ Абхазіи хоть мѣсяцъ, то, думаю, написалъ бы съ полсотни обольстительныхъ сказокъ. Изъ каждаго пустяка, со всѣхъ тѣней и полутѣней на горахъ, съ моря и съ неба глядятъ тысячи сюжетовъ. Подлецъ я за то, что не умѣю рисовать» [2].

Затѣмъ Чеховъ побывалъ въ Батумѣ, Тифлисѣ и Баку и хотѣлъ съѣздить въ Бухару и Персію, но это ему не удалось.

---

[1]) Собраніе писемъ. М. П. Чехову, 28 іюля 1887.

[2]) Собраніе писемъ. Неизвѣстному лицу (по рукописи, сообщенной М. П. Чеховымъ), 1888.

«Судьбѣ угодно было повернуть мои оглобли назадъ. Впечатлѣнія рѣзкія, до того рѣзкія, что все пережитое представляется мнѣ теперь сновидѣніемъ» [1]).

Вернувшись на Луку, Антонъ Павловичъ рѣшилъ было пріобрѣсть участокъ земли у рѣки десятинъ въ 20 съ садомъ.

«Опять сдѣлалъ тьму верстъ и утомился, запылился и истрепался, какъ с. с. Ѣздилъ со спеціальной цѣлью—купить (?!?) хуторъ... Хуторъ стоитъ 3000 р. Буду платить проценты, а въ будущемъ понемногу выкуплю. Въ цѣнѣ не сошелся, но, вѣроятно, сойдусь; не успѣетъ наступить октябрь, какъ я стану подписываться такъ: «Полтавскій помѣщикъ, врачъ и литераторъ Антуанъ Шпонька»... Покупаю я для того, чтобы вы и всѣ мои хорошіе знакомые, отъ которыхъ я, по совѣсти говоря, до сихъ поръ не видѣлъ ничего, кромѣ хорошаго, смотрѣли бы на мой паршивенькій хуторъ, какъ на свой собственный, и имѣли бы мѣсто отдыха. Если въ самомъ дѣлѣ удастся купить, то я настрою на берегу Хорола флигелей и дамъ начало литературной колоніи» [2]).

Покупка хутора въ Полтавской губерніи была отложена и затѣмъ не состоялась, но Антона Павловича такъ тянуло сюда, что и слѣдующее лѣто 1889 года онъ вновь провелъ на Лукѣ. Не радостно было здѣсь тогда. Въ Москвѣ подъ Пасху заболѣлъ сравнительно легкой формой брюшного тифа, но осложнившейся легочнымъ процессомъ, его братъ, Николай.

«Тифозная температура зашалила и въ послѣдніе 5—6 дней перешла въ ту зловѣщую, которой я всегда такъ боялся, когда лѣчилъ тификовъ съ конституціей моего художника. Притупленіе въ правой верхушкѣ, выше и ниже ключицы, хрипы слышатся въ двухъ мѣстахъ соотвѣтственно двумъ гнѣздамъ. Похуданіе. Вотъ вамъ сюрпризъ! Перевезъ больного къ себѣ и начиняю его теперь всякою дрянью. Надо бы въ Крымъ, но нѣтъ денегъ... Настроеніе у меня гнусное» [3]).

Не прошло и полутора мѣсяцевъ, какъ перевезенный на Луку больной скончался.

«Вчера, 17-го іюня, умеръ отъ чахотки Николай. Лежитъ теперь въ гробу съ прекраснѣйшимъ выраженіемъ лица. Царствія ему небеснаго, а вамъ, его другу, здоровья и счастья» [4]).

---

[1]) Ibidem. А. Н. Плещееву, 13 августа 1888.

[2]) Письма. Ему же, 28 августа 1888.

[3]) Н. А. Лейкину, 10 апрѣля 1889.

[4]) Собраніе писемъ. Ф. О. Шехтелю, 18 іюня 1889.

Извѣщая о томъ же Плещеева, Антонъ Павловичъ писалъ:

«Ваше письмо пришло на девятый день послѣ смерти Николая, т. е. когда мы всѣ уже начали входить въ норму жизни; теперь отвѣчаю вамъ и чувствую, что норма въ самомъ дѣлѣ настала и что теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ аккуратно переписываться съ вами.

«Бѣдняга художникъ умеръ. На Лукѣ онъ таялъ, какъ воскъ, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я могъ отдѣлаться отъ сознанія близости катастрофы... Нельзя было сказать, *когда* умретъ Николай, но что онъ умретъ *скоро*—для меня было ясно. Развязка произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Гостилъ у меня Свободинъ [1]). Воспользовавшись пріѣздомъ старшаго брата [2]), который могъ смѣнить меня, я захотѣлъ отдохнуть дней пять, подышать другимъ воздухомъ; уговорилъ Свободина и Линтваревыхъ и поѣхалъ съ ними въ Полтавскую губ. къ Смагинымъ. Въ наказаніе за то, что я уѣхалъ, всю дорогу дулъ такой холодный вѣтеръ и небо было такое хмурое, что хоть тундрамъ въ пору. На половинѣ дороги полилъ дождь. Пріѣхали къ Смагинымъ ночью, мокрые, холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода мужичонко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скончался».

«Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадяхъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ... Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду, темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурою стѣною, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую то мелодраму. Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые.

«Похороны устроили мы художнику отличныя. Несли его на рукахъ, съ хоругвями и проч. Похоронили на деревенскомъ кладбищѣ подъ медовой травой; крестъ виденъ далеко съ поля. Кажется, что лежать ему очень уютно.

---

[1]) Артистъ Александринскаго театра.

[2]) Александра.

«Вѣроятно, я уѣду куда-нибудь Куда? Не вѣмъ...» [1]).

Вскрывая сдержанность Чехова въ такомъ изъ ряду вонъ выходящемъ случаѣ, какъ угасаніе и кончина близкаго, этотъ замѣчательный документъ представляетъ собой ключъ къ разгадкѣ Антона Павловича, какъ созерцательно настроеннаго писателя съ преимущественно-художественнымъ и лишеннымъ страстности отношеніемъ къ жизни.

Подчеркивая въ немъ «деликатность и заботу о другихъ», г. Батюшковъ пытается охарактизировать покойнаго цитатой изъ его посланія, въ которомъ онъ описываетъ свое переживаніе во время приступа сердечной боли:

«Быстро иду по террасѣ, на которой сидятъ гости, и одна мысль: какъ то неловко падать и умирать при чужихъ» [2]).

Отсюда публицистъ заключаетъ, что «не близость смерти смутила Чехова: онъ думалъ только о непріятности, которую его смерть можетъ доставить гостямъ. Кажется, въ этомъ направленіи нельзя даже уйти...» [3]).

Можно нисколько не отрицать въ Антонѣ Павловичѣ «деликатности и заботы о другихъ»—эти свойства его натуры подтверждены на конкретныхъ примѣрахъ и мной—но нельзя не видѣть, что въ истолкованіи ощущенія больного Чехова сдѣлана грубая ошибка. Въ указанномъ случаѣ въ немъ трепетала мысль величайшаго не альтруиста, какимъ его представилъ критикъ, а эстетика. Смерть — некрасива. Она не можетъ быть зрѣлищемъ. «Какъ то неловко падать и умирать при чужихъ»... Болѣе: какъ нѣчто, стирающее всякую индивидуальность,—она безобразна вообще. И въ кругу своихъ. И кто знаетъ, въ какой мѣрѣ именно такое жизнечувствіе сыграло свою роль въ случаѣ съ отъѣздомъ Антона Павловича къ знакомымъ, несмотря на яркое сознаніе близости катастрофы? И не онъ ли это, измученный и усталый, сказалъ: «я вѣрю... въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но... зачѣмъ пропадать моему «я»? [4]) Чеховъ воспользовался пріѣздомъ старшаго брата и уѣхалъ. Но... «свободно слѣдовать влеченіямъ своего сердца,—это не всегда даетъ хорошимъ людямъ счастіе» [5]). На смѣну краткаго торжества безусловнаго самоопредѣленія прихо-

[1]) Собраніе писемъ. А. Н. Плещееву, 30 іюня 1889.
[2]) А. С. Суворину. «Новое Время», 4 іюня 1904.
[3]) Сборникъ «На памятникъ Чехову», стр. 32.
[4]) «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка». Сочиненія т. IX, стр. 63.
[5]) Ibidem, стр. 91.

дитъ протестъ альтруистическаго «я», которое возвышаетъ свой гласъ такъ громко, что они становятся склонными усматривать кару за осуществленіе своего порыва во всемъ, даже въ явленіяхъ природы: «въ наказаніе за то, что я уѣхалъ, всю дорогу дулъ такой холодный вѣтеръ и небо было такое хмурое»...

Вскорѣ Чеховъ покинулъ Крымъ и сталъ готовиться къ путешествію въ Азію. Онъ работалъ и разъѣзжалъ, разъѣзжалъ и работалъ...

«Отчего я пишу рѣдко, ты можешь понять, если вообразишь меня въ моемъ кабинетѣ. Пишу я *цѣлый* день и до того дописался, что стало противно держать въ рукахъ перо... Только и отдыхаю, когда ѣзжу къ больнымъ. Не бываю ни въ театрахъ, ни въ гостяхъ, такъ что мамаша и тетя Ѳ. Я. [1]) прозвали меня за домосѣдство «дѣдомъ». Жду лѣта и тогда опять начну ѣздить по бѣлу свѣту и отдыхать» [2]).

Мѣшали ему неимовѣрно:

«Ходятъ, ходятъ, безъ конца ходятъ ко мнѣ всякаго званія люди и безъ конца разговариваютъ. Я теперь уподобился твоему папѣ, которому стоитъ только взяться за перо или за книгу, чтобы въ лавку вошелъ какой-нибудь словоохотливый монахъ, или великій человѣкъ, которому хочется почесать языкъ» [3]).

Не имѣя возможности регулярно отвѣчать, Антонъ Павловичъ жаловался:

«Напрасно ты не пишешь мнѣ, дорогой братуха! На меня глядѣть нечего. Я человѣкъ, стоящій въ исключительномъ положеніи писаря, у котораго всегда болятъ отъ писанья пальцы, и поэтому противно писать. Весь январь я просидѣлъ надъ повѣстью [4]), а теперь хожу съ высунутымъ языкомъ и съ отвращеніемъ поглядываю на чернильницу» [5]).

Въ общемъ за эти 2 переходныхъ года Чеховъ кромѣ 2 драмъ и 2 водевилей выпустилъ сборникъ «Разсказы» и помѣстилъ въ «Осколкахъ», «Петербургской Газетѣ», «Новомъ Времени» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ общей сложности до 70 набросковъ, очерковъ и повѣстей, не считая массы импровизацій, которыя подъ вліянемъ извѣстнаго настроенія вдругъ всплывали въ его

[1]) Ѳедосья Яковлевна.
[2]) Г. М. Чехову, 1888. «Утро» 1910, № 47.
[3]) Ему же. Ibidem.
[4]) „Степь“.
[5]) Г. М. Чехову, 1888 «Утро» 1910, № 947.

бесѣдахъ съ друзьями и, растворяясь въ дальнѣйшемъ, погибали. Изъ нихъ уцѣлѣло 3 отрывка:

«Молодой мужъ, учитель гимназіи, собирается утромъ на службу. Жена, къ его удивленію, еще не вставала, и онъ, встревоженный, идетъ въ спальню и будитъ... Та нехотя поднимается, спускаетъ ноги съ кровати и вяло натягиваетъ чулокъ на лѣвую ногу... На его вопросъ, она сипло произноситъ одно слово: «Нездоровится». Слово самое обыкновенное, но голосъ, какимъ оно произнесено, тусклый, безучастный взглядъ, какія то темныя пятна, видныя на груди отъ спустившейся съ плеча рубахи — все это заставляетъ молодого педагога похолодѣть отъ предчувствія чего то страшнаго, неизбѣжнаго... Но ему, все-таки, надо идти на службу, онъ прощается и выходитъ на улицу... И вотъ здѣсь, на улицѣ, его вдругъ охватываетъ такая безысходная тоска, что онъ съ трудомъ волочитъ ноги, точно ноги стали не его, а чужія... Да, онъ знаетъ, что его жена скоро умретъ, и знаетъ, что доктора тутъ ничего не могутъ, и все-таки идетъ въ гимназію... И въ то же время думаетъ про себя: зачѣмъ, вообще, всякія гимназіи и педагогія, и столько тягостныхъ хлопотъ, все одно, въ концѣ концовъ, смерть?.. Онъ проходитъ мимо памятника Пушкину и опять думаетъ: «Для чего теперь Пушкинъ, и сладкіе стихи, и громкая слава, и все?..»

. . . .

«Въ воздухѣ чуялась весна, на сосѣдней съ вырытой могилой рѣшоткѣ безтолково чирикали воробьи, и печальное погребальное пѣніе, относимое вѣтромъ въ сторону, звучало почему то совсѣмъ не печально... Стоявшая впереди всѣхъ красивая полная дама поминутно сморкалась въ платокъ; но по всему чувствовалось, что печаль ея не искренняя, и что она больше вслушивается въ шумъ жизни, доносившійся со станціи, чѣмъ въ слова священника и возгласы пѣвчихъ... Часть вагоновъ переводили на другой путь, и хриплые окрики кондукторовъ перемѣшивались съ глухимъ цоканьемъ буферовъ и сердитымъ фырканьемъ паровоза... Изъ-за низенькой ограды кладбища видна была часть станціонной платформы; и видно было, какъ по платформѣ прогуливался тоненькій офицеръ въ военной тужуркѣ съ хлыстикомъ въ рукѣ; какая то беременная баба въ желтомъ головномъ платкѣ тащила корзину съ бѣльемъ, а на бабу лаяла бѣлая лохматая собачка, должно быть, собачка начальника станціи».

. . . .

«Проселочной дорогой, по ржаному полю, идутъ трое: захудалый мѣщанинъ, портной по ремеслу, и два монаха. Одинъ монахъ толстый, плѣшивый, болтливый, нѣчто въ родѣ Пушкинскаго «Варлаама»; другой длинный, молчаливый, похожій обликомъ на изображеніе угрюмыхъ монаховъ на воротахъ лавры... Всѣ трое сошлись случайно, подгоняемые надвигающейся позади нихъ большой грозовой тучей. Однако же зловѣщая туча догоняетъ ихъ, кругомъ темнѣетъ, какъ ночью, и совсѣмъ близко отъ нихъ разражается оглушительный ударъ грома. На счастье, около дороги попадается старый развѣсистый дубъ, и они въ смятеніи спасаются подъ его прикрытіе... Между тѣмъ, гроза, сопровождаемая вихремъ и ливнемъ, обращается въ настоящее свѣтопреставленіе. Больше всѣхъ боится грозы толстый монахъ и, подъ внушеніемъ своего спутника, мрачнаго монаха, сбивчиво прорицающаго что то изъ Апокалипсиса, начинаетъ вдругъ каяться въ грѣхахъ, при чемъ вдается въ совершенно лишнія подробности любострастнаго характера. Мѣщанинъ плачетъ и, послѣ одного особенно сильнаго удара грома, тоже выбалтываетъ всякую дрянь... Но вотъ гроза проходитъ, горизонтъ проясняется, и виднѣющійся въ дали на горѣ куполъ городского собора загорается солнцемъ. Монахи и портной отряхиваются, осматриваются, и всѣмъ троимъ дѣлается стыдно. Толстый монахъ пытается свалить происшедшее съ нимъ на бѣсовское навожденіе, но неудачно... Молча доходятъ они до города и молча расходятся затѣмъ въ разныя стороны» [1]).

Кажется, не было у насъ ни одного критика отъ уѣзднаго до всероссійскаго, который не счелъ бы своимъ долгомъ пожалѣть о «размѣнѣ» Чехова «на мелочь» и не посовѣтовалъ бы ему взяться за «большую вещь». Даже Михайловскій, которому порекомендовали объединить свою философію въ «систему»,— и тотъ не преминулъ въ свою очередь обратиться къ Антону Павловичу съ совѣтомъ перейти къ произведеніямъ «болѣе крупнымъ». Это было всегдашней мечтой и самого Чехова.

«Его—разсказываетъ Амфитеатровъ—долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа, и сколько разъ ни видалъ я его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекалъ на начатый или задуманный планъ романа» [2]).

---

1) Щегловъ. Изъ воспоминаній объ Антонѣ Чеховѣ. «Нива». Литературныя приложенія. 1905. № 6, ст. 231—2—3—4.

2) «Курганы», стр. 10.

«Однимъ онъ мучился—подтверждаетъ Суворинъ—ему не давался романъ, а онъ мечталъ о немъ и много разъ за него принимался. Широкая рама какъ будто ему не давалась, и онъ бросалъ начатыя главы. Одно время онъ все хотѣлъ взять форму «Мертвыхъ душъ», то есть поставить своего героя въ положеніе Чичикова, который разъѣзжаетъ по Россіи и знакомится съ ея представителями. Нѣсколько разъ онъ развивалъ предо мною широкую тему романа съ полуфастантическимъ героемъ, который живетъ цѣлый вѣкъ и участвуетъ во всѣхъ событіяхъ XIX столѣтія...» [1])

Г. Грузинскій вспоминаетъ начало переданнаго ему Антономъ Павловичемъ романа:

«Представьте тихую желѣзнодорожную станцію въ степи. Недалеко имѣніе вдовы-генеральши. Ясный вечеръ. Къ платформѣ подходитъ поѣздъ съ двумя паровозами. Затѣмъ, постоявъ на станціи минутъ пять, поѣздъ уходитъ дальше съ однимъ паровозомъ, а другой паровозъ трогается, и тихо-тихо подкатываетъ къ платформѣ одинъ товарный вагонъ. Вагонъ останавливается. Его открываютъ. Въ вагонѣ гробъ съ тѣломъ единственнаго сына вдовы-генеральши...» [2])

Мансфельдъ (бывшій редакторъ «Радуги» и «Эпохи») сообщаетъ, что въ 1885 или 1886 году къ нему зашелъ худощавый молодой человѣкъ съ небольшой бородкой и въ пенснэ, отрекомендовавшійся Чеховымъ и предложившій ему просмотрѣть романъ, сюжетомъ котораго послужилъ извѣстный процессъ Вальяно о таможенныхъ хищеніяхъ въ Таганрогѣ. Это былъ огромный фоліантъ почти въ полторы стопы бумаги. Авторъ получилъ категорическій отказъ. Тогда онъ заявилъ о своей готовности сократить рукопись и взять за нее—въ виду крайней нужды—какой угодно гонораръ. Такъ какъ даже при сокращеніи на половину его произведеніе должно было растянуться на цѣлый годъ, то и это предложеніе осталось безуспѣшнымъ... [3])

Г. Масановъ, какъ это ни странно, серьезно принимаетъ помѣщенную въ 22 №№ «Драму на охотѣ» (Истинное происшествіе) за «тотъ самый романъ, о которомъ такъ много печаталось въ періодической печати» [4]).

---

[1]) А. Измайловъ. Прерванные аккорды (не сбывшіеся замыслы Чехова). «Русское Слово» 1909, № 150.

[2]) Ibidem.

[3]) „Новости дня", 1904, № 4527.

[4]) Библіографія сочиненій А. П. Чехова. М. 1906, стр. 14.

Обратимся къ самому Антону Павловичу. Въ 1888 году онъ писалъ:

«Лѣтомъ буду коптѣть надъ романомъ. Свой романъ посвящу я вамъ,—это завѣщала мнѣ моя душа... Въ мечтахъ и планахъ моихъ вамъ посвящена моя самая лучшая вещь».

. . . .

«Въ истекшій сезонъ я написалъ «Степь», «Огни», піесу, два водевиля, массу мелкихъ разсказовъ, началъ романъ».

. . . .

«Пишу понемножку свой романъ. Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но когда я пишу его, мнѣ кажется, что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ».

. . . .

«Писать большое очень скучно и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу».

. . . .

«Романъ значительно подвинулся впередъ и сѣлъ на мель въ ожиданьи прилива. Посвящаю его вамъ—объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людьми посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта — абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.»

. . . .

«Ахъ, еслибы вы знали, что сидитъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины, какія похороны, какія свадьбы. Еслибы деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ подъ кипарисомъ и написалъ бы романъ въ одинъ—два мѣсяца. У меня уже готовы три листа,—можете себѣ представить!»

«Романъ мой на точкѣ замерзанія. Онъ не сталъ длиннѣе,.. Чтобы не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху» [1]).

[1]) Письма. А. Н. Плещееву. Безъ даты. Стр. 65.

Наконецъ, сообщая, что для «Сѣвернаго Вѣстника» онъ дастъ «повѣстушку», Чеховъ предупреждалъ, что «романъ едва ли попадетъ на его страницы» и, такимъ образомъ, опредѣленно указалъ, куда это произведеніе предназначалось. Больше о немъ въ перепискѣ Антона Павловича нѣтъ ни слова. Отложенный года на «три-четыре» романъ не появился. Растворился ли онъ въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ, уцѣлѣлъ ли въ бумагахъ или уничтоженъ—неизвѣстно.

Внѣшне эта полоса (1887—1889)—за исключеніемъ тяжкой болѣзни и смерти брата—отмѣчена въ жизни Чехова самой радужной краской. Блестящій успѣхъ... Петербургъ съ его лаврами... Пушкинская премія... А что же Антонъ Павловичъ? Какъ бы врасплохъ захваченный славой со всѣми ея шумными спутниками онъ, конечно, поддался общей, окружавшей его атмосферѣ, но этотъ ослѣпительный взрывъ чисто юношескихъ веселья и жизнерадостности былъ для него послѣднимъ и быстро погасъ, оставивъ въ немъ гнетущее сознаніе необходимости какъ можно полнѣе оправдывать выраженное его таланту довѣріе. И вотъ послѣ тріумфа Чехова застаютъ въ дружескомъ домѣ одного московскаго поэта угрюмымъ, какъ ночь.

«Спрашиваютъ его:

— Что же вы подѣлывали въ Петербургѣ?

— Учился говорить генеральскимъ басомъ.

«Хозяйка его попрекнула:

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Антонъ Павловичъ. Отчего перестали у насъ бывать?

«Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Да, вотъ, говорятъ, мы, великіе люди, должны знаться тоже только съ великими.

«Фраза эта совсѣмъ ошеломила было бѣдную даму, но когда она, вскипѣвъ, пристально взглянула на Чехова, то встрѣтила такой печальный взглядъ, такую страдальческую улыбку, что сразу поняла тяжелую иронію отвѣта. Величіе упало на плечи Чехова, какъ неожиданный сверхсильный грузъ, и онъ потомъ до конца дней все щупалъ свои мускулы: въ подъемъ ли? выдержу ли? оправдаю ли?» [1]).

И сильно опасался, что это окажется ему не въ подъемъ, что онъ не выдержитъ, что не оправдаетъ:

«Спасибо вамъ, добрѣйшій Александръ Семеновичъ, за поздравленіе. Насколько помню, льстецомъ я васъ никогда не об-

[1]) А. В. **Амфитеатровъ**. «**Курганы**», стр. 9—10.

зывалъ и васъ не оспаривалъ; я говорилъ вамъ только, что и великіе писатели бываютъ подвержены риску исписаться, надоѣсть, сбиться съ панталыку и попасть въ тиражъ. Я лично подверженъ этому риску въ сильной степени, чего вы, какъ умный человѣкъ, надѣюсь, отрицать не станете. Во-первыхъ, я «счастья баловень безродный», въ литературѣ я Потемкинъ, выскочившій изъ нѣдръ «Развлеченія» и «Волны», я мѣщанинъ въ дворянствѣ, а такіе люди недолго выдерживаютъ, какъ не выдерживаетъ струна, которую торопятся натянуть. Во-вторыхъ, наибольшему риску сойти съ рельсовъ подверженъ тотъ поѣздъ, который ѣдетъ ежедневно, безъ остановокъ, не взирая ни на погоду, ни на количество топлива... Конечно, премія—большая штука и не для меня одного. Я счастливъ, что указалъ многимъ путь къ толстымъ журналамъ, и теперь не менѣе счастливъ, что по моей милости тѣ же самые многіе могутъ разсчитывать на академическіе лавры. Все мною написанное забудется черезъ 5—10 лѣтъ; но пути, мною проложенные, будутъ цѣлы и невредимы—въ этомъ моя единственная заслуга»[1]).

У лавровъ—особое свойство. Они никогда не приходятъ одинокими. Одновременно съ ними изъ разсѣлинъ и норъ выползаютъ всевозможные гады, слышится змѣиный шипъ, и вскорѣ цвѣты славы оказываются обильно обрызганными слюной желто-зеленой зависти и задыхающейся отъ себя самой досады. То же произошло и въ случаѣ съ Антономъ Павловичемъ. Его успѣхъ разбудилъ пресмыкающихся отъ литературы, которые въ своемъ ослѣпленіи не сознавали даже того, что сдѣлалъ для нихъ же Чеховъ, хотя бы только, какъ новаторъ въ области литературной формы, какъ отецъ миніатюры. Гадливое брюзжаніе мелкихъ душонокъ встрѣтило съ его стороны достойную отповѣдь:

«Если премію мнѣ дали въ самомъ дѣлѣ не по заслугамъ, то и зависть, которую она возбуждаетъ, свободна отъ правды. Завидовать и досадовать имѣютъ нравственное право тѣ, кто лучше меня или идетъ рядомъ со мной, но отнюдь не тѣ господа NN и К°., для которыхъ я собственнымъ лбомъ пробилъ дорогу къ толстымъ журналамъ и къ этой же преміи. Эти с. с. должны радоваться, а не завидовать. У нихъ ни патріотизма, ни любви къ литературѣ, а одно самолюбьишко. Они готовы повѣсить меня и Короленко за успѣхъ. Будь я и Короленко—геніи, спаси мы съ нимъ отечество, создай мы храмъ Соломо-

[1]) Собраніе писемъ. А. С. Лазареву-Грузинскому, 20 октября 1888.

новъ, то насъ незненавидѣли бы еще больше, потому что гг. NN не видятъ ни отечества, ни литературы — все это для нихъ вздоръ; они замѣчаютъ только чужой успѣхъ и свой неуспѣхъ, а остальное хоть травой порасти. Кто не умѣетъ быть слугою, тому нельзя позволять быть господиномъ; кто не умѣетъ радоваться чужимъ успѣхамъ, тому чужды интересы общественной жизни и тому нельзя давать въ руки общественное дѣло» [1]).

Это было написано Чеховымъ незадолго до того, какъ Михайловскій [2]), повторивъ ошибку Писарева въ отношеніи Пушкина, отождествилъ Антона Павловича съ «Ивановымъ» и провозгласилъ его проповѣдникомъ идеаловъ мѣщанства...

Ѳ. Мускатблитъ.

[1]) Письма. А. Н. Плещееву. безъ даты. Стр. 73.
[2]) Сочиненія, т. VI, стр. 775—784.

Приложеніе.

Картина изображаетъ «лѣсъ и домъ при мельницѣ, которую арендуетъ Дядинъ у Хрущова».

I.

Елена Андреевна *и* **Дядинъ** (*сидятъ на скамьѣ подъ окномъ*).

Елена Андреевна. Голубчикъ Илья Ильичъ, завтра вы опять съѣздите на почту.

Дядинъ. Всенепремѣнно.

Елена Андреевна. Погожу еще три дня. Если не получу отъ брата отвѣта на свое письмо, то возьму у васъ денегъ взаймы и сама поѣду въ Москву. Не вѣкъ же мнѣ жить тутъ у васъ на мельницѣ.

Дядинъ. Оно конечно... (*Пауза*). Не смѣю я учить васъ, многоуважаемая, но всѣ ваши письма, телеграммы и что я каждый день ѣзжу на почту—все это, извините, напрасныя хлопоты. Какой бы отвѣтъ ни прислалъ вамъ братецъ, вы все равно вернетесь къ супругу.

Елена Андреевна. Не вернусь я... Надо разсуждать, Илья Ильичъ. Мужа я не люблю. Молодежь, которую я любила, была несправедлива ко мнѣ отъ начала до конца. Зачѣмъ же я туда вернусь? Вы скажете долгъ... Это я сама знаю отлично, но, повторяю, надо разсуждать... (*Пауза*).

Дядинъ. Такъ-съ... Величайшій русскій поэтъ Ломоносовъ убѣжалъ изъ Архангельской губерніи и нашелъ свою фортуну въ Москвѣ. Это, конечно, благородно съ его стороны... А вы то зачѣмъ бѣжали? Вѣдь вашего счастья, ежели разсуждать по совѣсти, нигдѣ нѣту... Положено канареечкѣ въ клѣткѣ сидѣть и на чужое счастье поглядывать, ну и сиди весь вѣкъ.

Елена Андреевна. А, можетъ быть, я не канарейка, а вольный воробей!

Дядинъ. Эва! Видно птицу по полету, многоуважаемая... За эти двѣ недѣли другая дама успѣла бы въ десяти городахъ по-

бывать и всѣмъ въ глаза пыль пустить, а вы изволили добѣжать только до мельницы, да и то у васъ вся душа измучилась... Нѣтъ, куда ужъ! Поживите у меня еще нѣкоторый періодъ времени, сердце ваше успокоится, и поѣдете къ супругу, (*Прислушивается*). Кто то ѣдетъ въ коляскѣ. (*Встаетъ*).

Елена Андреевна. Я уйду.

Дядинъ. Не смѣю дольше утруждать васъ своимъ присутствіемъ... Пойду къ себѣ на мельницу и засну немножко... Нынче я всталъ раньше Авроры.

Елена Андреевна. Когда проснетесь, приходите, вмѣстѣ чай будемъ пить. (*Уходитъ въ домъ*).

Дядинъ (*одинъ*). Еслибы я жилъ въ умственномъ центрѣ, то съ меня могли бы нарисовать въ журналахъ каррикатуру съ презабавною сатирическою надписью. Помилуйте, будучи уже въ пожилыхъ лѣтахъ и съ непривлекательною наружностью, я увезъ у знаменитаго профессора молодую жену! Это восхитительно! (*Уходитъ*).

II.

Семенъ (*несетъ ведра*) *и* **Юля** (*входитъ*).

Юля. Здравствуй, Сенька, Богъ въ помощь! Илья Ильичъ дома?

Семенъ. Дома. Пошелъ на мельницу.

Юля. Поди позови.

Семенъ. Сейчасъ. (*Уходитъ*).

Юля (*одна*). Спитъ, должно быть... (*Садится на лавочку подъ окномъ и глубоко вздыхаетъ*). Одни спятъ, другіе гуляютъ, а я цѣлый день мыкаюсь, мыкаюсь... не посылаетъ Богъ смерти. (*Вздыхаетъ еще глубже*). Господи, есть же такіе глупые люди, какъ этотъ Вафля! Ѣду я сейчасъ мимо его амбара, а изъ дверей черненькій поросеночекъ выходитъ... Вотъ какъ порвутъ ему свиньи чужіе мѣшки, тогда и будетъ знать... (*Входитъ* **Дядинъ**).

III.

Юля *и* **Дядинъ**.

Дядинъ (*надѣваетъ сюртукъ*). Это вы, Юлія Степановна? Виноватъ, я дезабилье... Хотѣлъ уснуть немножко въ объятіяхъ Морфея.

Юля. Здравствуйте.

Дядинъ. Извините, я не приглашаю васъ въ комнаты... Тамъ у меня не прибрано и прочее... Ежели угодно, то пожалуйте на мельницу...

Юля. Я и тутъ посижу. Вотъ я зачѣмъ къ вамъ пріѣхала, Илья Ильичъ. Леничка и профессоръ, чтобъ развлечься, хотятъ сегодня здѣсь у васъ на мельницѣ пикникъ устроить, чаю напиться...

Дядинъ. Весьма пріятно.

Юля. Я впередъ пріѣхала... Скоро они будутъ. Распорядитесь, чтобы поставили тутъ столъ, ну и самоваръ, конечно... Велите Сенькѣ, чтобъ онъ вынулъ изъ моей коляски корзины съ провизіей.

Дядинъ. Это можно. (*Пауза*). Ну что? Какъ у васъ тамъ?

Юля. Плохо, Илья Ильичъ... Вѣрите ли, такая забота, что я даже заболѣла. Вы знаете, вѣдь профессоръ и Соничка теперь у насъ живутъ.

Дядинъ. Знаю.

Юля. Послѣ того, какъ Егоръ Петровичъ руки на себя наложилъ, они не могутъ жить въ своемъ домѣ... Боятся. Днемъ все-таки еще ничего, а какъ вечеръ, сойдутся всѣ въ одной комнатѣ и сидятъ до самаго разсвѣта. Страшно всѣмъ. Боятся, какъ бы въ потемкахъ Егоръ Петровичъ не представился...

Дядинъ. Предразсудки... А про Елену Андреевну вспоминаютъ?

Юля. Конечно, вспоминаютъ (*Пауза*). Укатила!

Дядинъ. Да, сюжетъ, достойный кисти Айвазовскаго... Взяла да укатила.

Юля. И теперь неизвѣстно гдѣ... Можетъ, уѣхала, а, можетъ, съ отчаянія...

Дядинъ. Богъ милостивъ, Юлія Степановна! Все будетъ благополучно. (*Входитъ* **Хрущовъ** *съ папкой и съ ящикомъ для рисовальныхъ принадлежностей*).

IV.

Тѣ же и **Хрущовъ.**

Хрущовъ. Эй! Кто здѣсь есть? Семенъ!

Дядинъ. Взгляни сюда!

Хрущовъ. А! Здравствуйте, Юличка!

Юля. Здравствуйте, Михаилъ Львовичъ.

Хрущовъ. А я, Илья Ильичъ, опять къ тебѣ пришелъ работать. Не сидится дома. Вели по-вчерашнему поставить подъ это дерево мой столъ, да и скажи, чтобы двѣ лампы приготовили. Ужъ начинаетъ смеркаться...

Дядинъ. Слушаю, ваше благородіе. (*Уходитъ*).

Хрущовъ. Какъ живете, Юличка?

Юля. Такъ себѣ... (*Пауза*).

Хрущовъ. Серебряковы у васъ живутъ?

Юля. У насъ.

Хрущовъ. Гм... А вашъ Леничка что дѣлаетъ?

Юля. Дома сидитъ... Все съ Соничкой...

Хрущовъ. Еще бы! *(Пауза)* Ему бы жениться на ней.

Юля. Что жъ? *(Вздыхаетъ).* Дай Богъ! Онъ человѣкъ образованный, благородный, она тоже изъ хорошаго семейства... Я всегда ей желала...

Хрущовъ. Дура она...

Юля. Ну, не скажите.

Хрущовъ. И вашъ Леничка тоже умникъ... Вообще вся ваша публика, какъ на подборъ. Ума палата!

Юля. Вы, должно быть, сегодня не обѣдали.

Хрущовъ. Почему вы это думаете?

Юля. Сердиты вы ужъ очень.

(Входятъ **Дядинъ** *и* **Семенъ**; *оба несутъ небольшой столъ).*

V.

Тѣ же, **Дядинъ и Семенъ.**

Дядинъ. А у тебя, Миша, губа не дура. Прекрасное мѣсто выбралъ ты себѣ для работы. Это оазисъ! Именно оазисъ! Вообрази, что это вокругъ все пальмы, Юличка—кроткая лань, ты левъ, я тигръ.

Хрущовъ. Хорошій ты душевный человѣкъ, Илья Ильичъ, но что у тебя за манеры? Какія то мармеладныя слова, ногами шаркаешь, плечами дергаешь. Если кто посторонній увидитъ, то подумаетъ, что ты не человѣкъ, а чортъ знаетъ что. Досадно...

Дядинъ. Значитъ, на роду у меня такъ написано... фатальное предопредѣленіе.

Хрущовъ. Ну вотъ, фатальное предопредѣленіе. Брось все это *(Фиксируетъ на столъ чертежъ).* Я сегодня останусь у тебя ночевать.

Дядинъ. Чрезвычайно радъ. Вотъ ты, Миша, сердишься, а у меня на душѣ невыразимо отрадно! Какъ будто сидитъ у меня въ груди птичка и пѣсенку поетъ.

Хрущовъ. Радуйся *(Пауза).* У тебя въ груди птичка, а у меня жаба. Двадцать тысячъ скандаловъ! Шиманскій продалъ свой лѣсъ на срубъ. Это разъ! Елена Андреевна бѣжала отъ мужа и теперь никто не знаетъ, гдѣ она. Это два! Я чувствую, что съ каждымъ днемъ становлюсь все глупѣе, мелочнѣе и бездарнѣе... Это три! Вчера я хотѣлъ разсказать тебѣ, но не могъ, не хва-

тило храбрости. Можешь меня поздравить. Послѣ покойнаго Егора Петровича остался дневникъ. Этотъ дневникъ на первыхъ порахъ попалъ въ руки Ивана Ивановича, я былъ у него и прочелъ разъ десять...

Юля. Наши тоже читали...

Хрущовъ. Романъ Жоржа съ Еленой Андреевной, о которомъ трезвонилъ весь уѣздъ, оказывается подлой, грязной сплетней. Я вѣрилъ этой сплетнѣ и клеветалъ за одно съ другими, ненавидѣлъ, презиралъ, оскорблялъ.

Дядинъ. Конечно, это не хорошо.

Хрущовъ. Первый, кому я повѣрилъ, былъ вашъ братъ, Юличка! Хорошъ тоже и я! Повѣрилъ вашему брату, котораго не уважаю, и не вѣрилъ этой женщинѣ, которая на моихъ же глазахъ жертвовала собой. Я охотнѣе вѣрю злу, чѣмъ добру, и не вижу дальше своего носа. А это значитъ, что я бездаренъ, какъ всѣ.

Дядинъ (*Юлѣ*). Пойдемте, дѣтка, на мельницу. Пускай онъ, злюка, тутъ работаетъ, а мы съ вами погуляемъ. Пойдемте... Работай, Мишенька. (*Уходятъ съ Юлей*).

Хрущовъ (*одинъ разводитъ въ блюдечкѣ краску*). Разъ ночью я видѣлъ, какъ онъ прижался лицомъ къ ея рукѣ. У него въ дневникѣ подробно описана эта ночь, описано, какъ я пріѣхалъ туда, что говорилъ ему. Онъ приводитъ мои слова и называетъ меня глупцомъ и узкимъ человѣкомъ. (*Пауза*). Слишкомъ густо. Надо посвѣтлѣе... А дальше онъ бранитъ Соню за то, что она меня полюбила... Никогда она меня не любила... Кляксу сдѣлалъ... (*Скоблитъ бумагу ножомъ*). Даже если допустить, что это немножко вѣрно, то все-таки нечего ужъ объ этомъ думать... Глупо началось, глупо кончилось... (*Семенъ и рабочіе несутъ большой столъ*). Что это вы? Къ чему это?

Семенъ. Илья Ильичъ велѣлъ. Господа изъ Желтухина пріѣдутъ чай пить.

Хрущовъ. Покорно благодарю. Значитъ, на счетъ работы придется отложить попеченіе... Соберу все и уйду домой.

(*Входитъ* **Желтухинъ** *подъ руку съ* **Соней**).

VI.

Хрущовъ, Желтухинъ *и* **Соня.**

Желтухинъ (*поетъ*). «Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ меня влечетъ невѣдомая сила»...

Хрущовъ. Кто это тамъ? А! (*Спѣшитъ уложить въ ящики рисовальныя принадлежности*).

Желтухинъ. Еще одинъ вопросъ, дорогая Софи... Помните, въ день рожденія вы завтракали у насъ? Сознайтесь, что вы хохотали тогда надъ моей наружностью.

Соня. Полноте, Леонидъ Степанычъ. Можно ли это говорить? Хохотала я безъ причины.

Желтухинъ (*увидѣвъ Хрущова*). А, кого вижу! И ты здѣсь? Здравствуй.

Хрущовъ. Здравствуй.

Желтухинъ. Работаешь? Отлично... Гдѣ Вафля?

Хрущовъ. Тамъ...

Желтухинъ. Гдѣ тамъ?

Хрущовъ. Я, кажется, ясно говорю... Тамъ, на мельницѣ.

Желтухинъ. Пойти позвать его (*Идетъ, напѣваетъ*). «Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ»... (*Уходитъ*).

Соня. Здравствуйте.

Хрущовъ. Здравствуйте (*Пауза*).

Соня. Что это вы рисуете?

Хрущовъ. Такъ... неинтересно.

Соня. Это планъ?

Хрущовъ. Нѣтъ, лѣсная карта нашего уѣзда. Я составилъ (*Пауза*). Зеленая краска означаетъ мѣста, гдѣ были лѣса при нашихъ дѣдахъ и раньше; свѣтло-зеленая—гдѣ вырубленъ лѣсъ въ послѣднія 25 лѣтъ, ну, а голубая—гдѣ еще уцѣлѣлъ лѣсъ... Да... (*Пауза*). Ну, а вы что? Счастливы?

Соня. Теперь, Михаилъ Львовичъ, не время думать о счастіи.

Хрущовъ. О чемъ же думать?

Соня. И горе наше произошло только оттого, что мы слишкомъ много думали о счастьи...

Хрущовъ. Такъ-съ (*Пауза*).

Соня. Нѣтъ худа безъ добра. Горе научило меня. Надо, Михаилъ Львовичъ, забыть о своемъ счастьи и думать только о счастьи другихъ. Нужно, чтобъ вся жизнь состояла изъ жертвъ.

Хрущовъ. Ну да... (*Пауза*). У Маріи Васильевны застрѣлился сынъ, а она все еще ищетъ противорѣчій въ своихъ брошюркахъ. Надъ вами стряслось несчастье, а вы тѣшите свое самолюбіе: стараетесь исковеркать свою жизнь и думаете, что это похоже на жертвы... Ни у кого нѣтъ сердца... Нѣтъ его ни у васъ, ни у меня... Дѣлается совсѣмъ не то, что нужно, и все

идетъ прахомъ... Я сейчасъ уйду и не буду мѣшать вамъ и Желтухину. Что же вы плачете? Я этого вовсе не хотѣлъ.

Соня. Ничего, ничего... (*Утираетъ глаза*).

(*Входятъ* **Юля, Дядинъ** *и* **Желтухинъ**).

VII.

Тѣ же, **Юля, Дядинъ, Желтухинъ,** *потомъ* **Серебряковъ и Орловскій.**

Голосъ Серебрякова. Ау! Гдѣ вы, господа?

Соня (*кричитъ*). Папа, здѣсь!

Дядинъ. Самоваръ несутъ! Восхитительно! (*Хлопочетъ съ Юлей около стола*).

(*Входятъ* **Серебряковъ** *и* **Орловскій.**)

Соня. Сюда, папа!

Серебряковъ. Вижу, вижу...

Желтухинъ (*громко*). Господа, объявляю засѣданіе открытымъ! Вафля, откупоривай наливку!

Хрущовъ (*Серебрякову*). Профессоръ, забудемъ все, что между нами произошло! (*Протягиваетъ руку*). Я прошу у васъ извиненія.

Серебряковъ. Благодарю. Очень радъ. Вы тоже простите меня. Когда я послѣ того случая на другой день старался обдумать происшедшее и вспомнилъ о нашемъ разговорѣ, мнѣ было очень непріятно... Будемъ друзьями. (*Беретъ его подъ руку и идетъ къ столу*).

Орловскій. Вотъ такъ бы давно, душа моя. Худой миръ лучше доброй ссоры.

Дядинъ. Ваше превосходительство, я счастливъ, что вы изволили пожаловать въ мой оазисъ. Неизъяснимо пріятно!

Серебряковъ. Благодарю, почтеннѣйшій. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ прекрасно. Именно оазисъ.

Орловскій. А ты, Саша, любишь природу?

Серебряковъ. Весьма (*Пауза*). Не будемъ, господа, молчать, будемъ говорить. Въ нашемъ положеніи это самое лучшее—надо глядѣть несчастьямъ въ глаза смѣло и прямо. Я гляжу бодрѣе васъ всѣхъ и это отъ того, что я больше всѣхъ несчастливъ.

Юля. Господа, я сахару класть не буду; пейте съ вареньемъ.

Дядинъ (*суетится около гостей*). Какъ я радъ, какъ я радъ!

Серебряковъ. Въ послѣднее время, Михаилъ Львовичъ, я такъ много пережилъ и столько передумалъ, что, кажется, могъ бы написать въ назиданіе потомству цѣлый трактатъ о томъ, какъ надо жить. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а несчастія учатъ насъ.

Дядинъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Богъ милостивъ, все обойдется благополучно.

Соня (*вздрагиваетъ*).

Желтухинъ. Что это вы такъ вздрогнули?

Соня. Кто то крикнулъ.

Дядинъ. Это на рѣкѣ мужики раковъ ловятъ. (*Пауза*).

Желтухинъ. Господа, мы вѣдь условились, что проведемъ этотъ вечеръ такъ, какъ будто ничего не случилось... Право, а то напряженіе какое то...

Дядинъ. Я, ваше превосходительство, питаю къ наукѣ не только благоговѣніе, но даже родственныя чувства. Брата моего Григорія Ильича жены братъ, можетъ быть, изволите знать, Константинъ Гаврилычъ Новоселовъ былъ магистромъ иностранной словесности.

Серебряковъ. Знакомъ не былъ, но знаю (*Пауза*).

Юля. Завтра ровно 15 дней, какъ умеръ Егоръ Петровичъ.

Хрущовъ. Юличка, не будемъ говорить объ этомъ.

Серебряковъ. Бодро, бодро! (*Пауза*).

Желтухинъ. Все-таки чувствуется какое то напряженіе...

Серебряковъ. Природа не терпитъ пустоты. Она лишила меня двухъ близкихъ людей и, чтобы пополнить этотъ дефектъ, скоро послала мнѣ новыхъ друзей. Пью ваше здоровье, Леонидъ Степановичъ!

Желтухинъ. Благодарю васъ, дорогой Александръ Владиміровичъ! Въ свою очередь позвольте мнѣ выпить за вашу плодотворную научную дѣятельность.

> **Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,**
> **Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное**
> **Русскій народъ!**

Серебряковъ. Цѣню ваше привѣтствіе. Отъ души желаю, чтобы скорѣе наступило время, когда наши дружескія отношенія перейдутъ въ болѣе короткія.

(*Входитъ* **Ѳедоръ Ивановичъ**).

VIII.

Тѣ же и **Ѳедоръ Ивановичъ.**

Ѳедоръ Ивановичъ. Вотъ оно что! Пикникъ!

Орловскій. Сыночекъ мой... Красавецъ...

Ѳедоръ Ивановичъ. Здравствуйте. (*Цѣлуется съ Соней и Юлей*).

Орловскій. Цѣлыя двѣ недѣли не видались. Гдѣ былъ? что видѣлъ?

Θедоръ Ивановичъ. Поѣхалъ я сейчасъ къ Ленѣ, тамъ мнѣ сказали, что вы здѣсь, ну я и поѣхалъ сюда.

Орловскій. Гдѣ шатался?

Θедоръ Ивановичъ. Три ночи не спалъ... Вчера, отецъ, въ карты пять тысячъ проигралъ. И пилъ, и въ карты игралъ, и въ городѣ разъ пять былъ... Совсѣмъ очумѣлъ.

Орловскій. Молодчина. Стало быть, теперь выпивши?

Θедоръ Ивановичъ. Ни въ одномъ глазѣ. Юлька, чаю! Только съ лимономъ, покислѣй... А каковъ Жоржъ то, а? Взялъ ни съ того, ни съ сего и чичикнулъ себѣ въ лобъ! И нашелъ тоже изъ чего: изъ Лифоше! Не могъ взять Смита и Вессона!

Хрущовъ. Замолчи ты, скотина!

Θедоръ Ивановичъ. Скотина, но только породистая (*Разглаживаетъ себѣ бороду*). Одна борода чего стоитъ... Вотъ я и скотина, и дуракъ, и каналья, а стоитъ мнѣ только захотѣть— и за меня любая невѣста пойдетъ. Соня, выходи за меня замужъ! (*Хрущову*). Впрочемъ, виноватъ... Pardon...

Хрущовъ. Перестань дурака ломать.

Юля. Пропащій ты человѣкъ, Θединька! Во всей губерніи нѣтъ другого такого пьяницы и мотыги, какъ ты. Даже глядѣть на тебя жалко. Фараонъ Фараономъ—чистое наказаніе!

Θедоръ Ивановичъ. Ну, запѣла Лазаря! Иди, сядь рядомъ со мной... Вотъ такъ. Я къ тебѣ на двѣ недѣли поѣду жить... Отдохнуть надо. (*Цѣлуетъ ее*).

Юля. Отъ людей за тебя совѣстно. Ты долженъ отца своего подъ старость утѣшать, а ты его только срамишь. Дурацкая жизнь и больше ничего.

Θедоръ Ивановичъ. Бросаю пить! Баста! (*Наливаетъ себѣ наливки*). Это сливянка или вишневка?

Юля. Не пей же, не пей.

Θедоръ Ивановичъ. Одну рюмку можно (*Пьетъ*). Дарю тебѣ, лѣшій, пару лошадей и ружье. Къ Юлѣ поѣду жить... Проживу у нея недѣльки двѣ.

Хрущовъ. Тебѣ бы въ дисциплинарномъ батальонѣ пожить.

Юля. Пей, пей чай!

Дядинъ. Ты съ сухариками, Θединька.

Орловскій (*Серебрякову*). Я, братъ Саша, до сорока лѣтъ велъ такую же вотъ жизнь, какую мой Θедоръ. Разъ я, душа моя, сталъ считать, сколько женщинъ на своемъ вѣку я сдѣлалъ несчастными? Считалъ, считалъ, дошелъ до семидесяти и бросилъ. Ну-съ, а какъ только исполнилось мнѣ сорокъ лѣтъ, вдругъ на

меня, братъ Саша, что то нашло. Тоска, мѣста себѣ нигдѣ не найду, однимъ словомъ, разладъ въ душѣ, да и шабашъ. Я туда-сюда, и книжки читаю, и работаю, и путешествую — не помогаетъ! Ну-съ, душа моя, поѣхалъ я какъ то въ гости къ покойному куму моему, свѣтлѣйшему князю Дмитрію Павловичу. Закусили, пообѣдали. Послѣ обѣда, чтобы не спать, затѣяли на дворѣ стрѣльбу въ цѣль. Народу собралось видимо-невидимо. И нашъ Вафля тутъ былъ.

Дядинъ. Былъ, былъ... Помню.

Орловскій. Тоска у меня, понимаешь ли, Господи! Не выдержалъ. Вдругъ слезы брызнули изъ глазъ, зашатался и какъ крикну на весь дворъ, что есть мочи: «Друзья мои, люди добрые, простите меня ради Христа!» Въ ту же самую минуту стало на душѣ у меня чисто, ласково, тепло, и съ той поры, душа моя, во всемъ уѣздѣ нѣтъ счастливѣй меня человѣка. И тебѣ это самое надо сдѣлать.

Серебряковъ. Что?

(На небѣ показывается зарево).

Орловскій. Вотъ это самое. На капитуляцію сдаться надо.

Серебряковъ. Образчикъ туземной философіи. Ты совѣтуешь мнѣ прощенія просить. За что? Пусть у меня прощенія просятъ.

Соня. Папа, но вѣдь *мы* виноваты!

Серебряковъ. Да? Господа, очевидно, въ настоящую минуту всѣ вы имѣете въ виду мои отношенія къ женѣ. Неужели по-вашему я виноватъ? Это даже смѣшно, господа. Она нарушила свой долгъ, оставила меня въ тяжелую минуту жизни...

Хрущовъ. Александръ Владиміровичъ, вы слушаете меня... Вы 25 лѣтъ были профессоромъ и служили наукѣ, я сажаю лѣса и занимаюсь медициной, но къ чему, для кого все это, если мы не щадимъ тѣхъ, для кого работаемъ? Мы говоримъ, что служимъ людямъ, и въ то же время безсовѣстно губимъ другъ друга. Напримѣръ, сдѣлали ли мы съ вами что-нибудь, чтобы спасти Жоржа? Гдѣ ваша жена, которую всѣ мы оскорбляли? Гдѣ вашъ покой, гдѣ покой вашей дочери? Все погибло, разрушено, все идетъ прахомъ. Вы, господа, называете меня Лѣшимъ, но вѣдь не я одинъ, во всѣхъ васъ сидитъ лѣшій, всѣ вы бродите въ темномъ лѣсу и живете ощупью. Ума, знаній и сердца у всѣхъ хватаетъ только на то, чтобы портить жизнь себѣ и другимъ. (*Елена Андреевна выходитъ изъ дому и садится на скамью подъ окномъ*

IX.

Тѣ же и **Елена Андреевна.**

Хрущовъ. Я считалъ себя идейнымъ, гуманнымъ человѣкомъ и наряду съ этимъ не прощалъ людямъ малѣйшихъ ошибокъ, вѣрилъ сплетнямъ, клеветамъ за одно съ другими, и когда, напримѣръ, ваша жена довѣрчиво предложила мнѣ свою дружбу, я выпалилъ ей съ высоты своего величія: «Отойдите отъ меня! Я презираю вашу дружбу!» Вотъ каковъ я. Во мнѣ сидитъ лѣшій, я мелокъ, бездаренъ, слѣпъ, но и вы, профессоръ, не орелъ! И въ то же время весь уѣздъ, всѣ женщины видятъ во мнѣ героя, передового человѣка, а вы знамениты на всю Россію. А если такихъ, какъ я, серьезно считаютъ героями и если такіе, какъ вы, серьезно знамениты, то это значитъ, что на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, что нѣтъ истинныхъ героевъ, нѣтъ талантовъ, нѣтъ людей, которые выводили бы насъ изъ этого темнаго лѣса, исправляли бы то, что мы портимъ, нѣтъ настоящихъ орловъ, которые по праву пользовались бы почетной извѣстностью...

Серебряковъ. Виноватъ... Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы полемизировать съ вами и защищать свои права на извѣстность.

Желтухинъ. Вообще, Миша, прекратимъ этотъ разговоръ.

Хрущовъ. Я сейчасъ кончу и уйду. Да, я мелокъ, но и вы, профессоръ, не орелъ! Мелокъ Жоржъ, который ничего не нашелъ умнѣе сдѣлать, какъ только пустить себѣ пулю въ лобъ. Всѣ мелки! Что же касается женщинъ...

Елена Андреевна (*перебивая*). Что же касается женщинъ, то и онѣ не крупнѣе (*Идетъ къ столу*). Елена Андреевна ушла отъ своего мужа и, вы думаете, она сдѣлаетъ что-нибудь путное изъ своей свободы? Не безпокойтесь... Она вернется... (*Садится за столъ*). Вотъ ужъ и вернулась... (*Общее замѣшательство*).

Дядинъ (*хохочетъ*). Это восхитительно! Господа, не велите казнить, велите слово вымолвить! Ваше превосходительство, это я похитилъ у васъ супругу, какъ нѣкогда нѣкій Парисъ Прекрасную Елену! Я! хотя рябые Парисы и не бываютъ, но, другъ Горацiо, на свѣтѣ есть много такого, что не снилось нашимъ мудрецамъ!

Хрущовъ. Ничего не понимаю... Это вы, Елена Андреевна?

Елена Андреевна. Эти двѣ недѣли я прожила у Ильи Ильича... Что вы на меня всѣ такъ смотрите? Ну, здравствуйте... Я сидѣла у окна и все слышала (*Обнимаетъ Соню*). Давайте мириться. Здравствуй, милая дѣвочка... миръ и согласіе!

Дядинъ (*потирая руки*). Это восхитительно!

Елена Андреевна (*Хрущову*). Михаилъ Львовичъ (*Даетъ руку*). Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Здравствуйте, Өедоръ Иванычъ... Юличка...

Орловскій. Душа моя, профессорша наша славная, красавица... Она вернулась, опять пришла къ намъ...

Елена Андреевна. Я соскучилась по васъ. Здравствуй, Александръ! (*Протягиваетъ мужу руку, тотъ отворачивается*). Александръ!

Серебряковъ. Вы нарушили вашъ долгъ.

Елена Андреевна. Александръ!

Серебряковъ. Не скрою, я очень радъ видѣть васъ и готовъ говорить съ вами, но не здѣсь, а дома... (*Отходитъ отъ стола*).

Орловскій. Саша! (*Пауза*).

Елена Андреевна. Такъ... Значитъ, Александръ, нашъ вопросъ рѣшается очень просто: никакъ. Ну такъ тому и быть! Я эпизодическое лицо, счастье мое канареечное, бабье счастье... Сиди сиднемъ весь вѣкъ дома, ѣшь, пей, спи и слушай каждый день, какъ говорятъ тебѣ о подагрѣ, о своихъ правахъ, о заслугахъ. Что вы всѣ опустили головы, точно сконфузились? Давайте пить наливку, что ли? Эхъ!

Дядинъ. Все обойдется, исправится, все будетъ хорошо и благополучно.

Өедоръ Ивановичъ (*подходитъ къ Серебрякову, взволнованный*). Александръ Владимировичъ, я тронутъ... Прошу васъ приласкайте вашу жену, скажите ей хоть одно доброе слово и, честное слово благороднаго человѣка, я всю жизнь буду вашимъ вѣрнымъ другомъ, подарю вамъ лучшую свою тройку.

Серебряковъ. Благодарю, но, извините, я васъ не понимаю.

Өедоръ Ивановичъ. Гм... не понимаете... Иду я разъ съ охоты, смотрю—на деревѣ филинъ сидитъ... Я въ него трахъ бекасинникомъ! Онъ сидитъ... Я въ него девятымъ номеромъ... Сидитъ... Ничто его не беретъ. Сидитъ и только глазами хлопаетъ.

Серебряковъ. Къ чему же относится?

Өедоръ Ивановичъ. Къ филину (*Возвращается къ столу*).

Орловскій (*прислушивается*). Позвольте, господа... Тише... Кажется, гдѣ то въ набатъ бьютъ...

Өедоръ Ивановичъ (*увидѣвъ зарево*). Ой-ой-ой! Погляди на небо! Какое зарево!

Орловскій. Батюшки, а мы сидимъ тутъ и не видимъ!

Дядинъ. Ловко.

Өедоръ Ивановичъ. Те-те-те! Вотъ такъ иллюминація! Это около Алексѣевскаго.

Хрущовъ. Нѣтъ, Алексѣевское будетъ правѣе... Скорѣе это въ Ново-Петровскомъ.

Юлія. Какъ страшно! Боюсь я пожаровъ!

Хрущовъ. Конечно, въ Ново-Петровскомъ.

Дядинъ (*кричитъ*). Семенъ, сбѣгай на плотину, погляди оттуда, что горитъ. Можетъ, видно!

Семенъ (*кричитъ*). Это Телибѣевскій лѣсъ горитъ!

Дядинъ. Что?

Семенъ. Телибѣевскій лѣсъ!

Дядинъ. Лѣсъ... (*Продолжительная пауза*).

Хрущовъ. Мнѣ надо идти туда... на пожаръ. Прощайте... Извините, я былъ рѣзокъ—это оттого, что никогда я себя не чувствовалъ въ такомъ угнетенномъ состояніи, какъ сегодня... У меня тяжко на душѣ... Но все это не бѣда... Надо быть человѣкомъ и твердо стоять на ногахъ. Я не застрѣлюсь и не брошусь подъ колеса мельницы... Пусть я не герой, но я сдѣлаюсь имъ! Я отращу себѣ крылья орла, и не испугаютъ меня ни это зарево, ни самъ чортъ! Пусть горятъ лѣса—я посѣю новые! Пусть меня не любятъ, я полюблю другую (*Быстро уходитъ*).

Елена Андреевна. Какой онъ молодецъ!

Орловскій. Да... «Пусть меня не любятъ—я полюблю другую». Какъ сіе понимать прикажете?

Соня. Увезите меня отсюда... Домой хочу...

Серебряковъ. Да, пора уже ѣхать. Сырость здѣсь невозможная. Гдѣ то были мой плэдъ и пальто...

Желтухинъ. Плэдъ въ коляскѣ, а пальто здѣсь. (*Подаетъ пальто*).

Соня (*въ сильномъ волненіи*). Увезите меня отсюда... Увезите...

Желтухинъ. Я къ вашимъ услугамъ...

Соня. Нѣтъ, я съ крестненькимъ поѣду. Возьмите меня съ собой, крестненькій...

Орловскій. Поѣдемъ, душа моя, поѣдемъ (*Помогаетъ ей одѣться*).

Желтухинъ (*въ сторону*). Чортъ знаетъ... Ничего, кромѣ подлостей и униженія.

(**Өедоръ Ивановичъ** *и* **Юля** *укладываютъ въ корзину посуду и салфетки*).

Серебряковъ. Лѣвая нога болитъ въ ступнѣ... Ревматизмъ, должно быть... Опять придется всю ночь не спать.

Елена Андреевна (*застегивая мужу пальто*). Милый Илья Ильичъ, принесите мнѣ изъ дому мою шляпу и тальму!

Дядинъ. Сію минуту! (*Уходитъ въ домъ и возвращается съ шляпой и тальмой*).

Орловскій. Зарева, душа моя, испугалась! Не бойся, оно стало меньше. Пожаръ потухаетъ...

Юля. Полъ-банки кизиловскаго варенья осталось... Ну, это пусть Илья Ильичъ скушаетъ. (*Брату*) Леничка, бери корзину.

Елена Андреевна. Я готова. (*Мужу*) Ну, бери меня, статуя командора, и проваливайся со мной въ свои 24 унылыхъ комнаты. Туда мнѣ и дорога!

Серебряковъ. Статуя командора... Я посмѣялся бы этому сравненію, но мнѣ мѣшаетъ боль въ ногѣ. (*Всѣмъ*) До свиданія, господа! Благодарю васъ за угощеніе и за пріятное общество... Великолѣпный вечеръ, отличный чай—все прекрасно, но, простите, только одного я не могу признать у васъ—это вашей туземной философіи и взглядовъ на жизнь. Надо, господа, дѣло дѣлать. Такъ нельзя! Надо дѣло дѣлать... Да-съ... прощайте... (*Уходитъ съ женой*).

Өедоръ Ивановичъ. Пойдемъ, салопница! (*Отцу*) Прощай, отче! (*Уходитъ съ Юлей*).

Желтухинъ (*съ корзиной идя за ними*). Тяжелая корзина, чортъ бы ее побралъ... Терпѣть не могу этихъ пикниковъ. (*Уходитъ и кричитъ за сценой*). Алексѣй, подавай!

X.

Орловскій, Соня и Дядинъ.

Орловскій (*Сонѣ*). Ну, что же сѣла? Пойдемъ, Манюся. (*Идетъ съ Соней*).

Дядинъ (*въ сторону*). А со мной никто не простился... Это восхитительно! (*Тушитъ свѣчи*).

Орловскій (*Сонѣ*). Что же ты?

Соня. Не могу я идти, крестненькій... Я въ отчаяніи! Мнѣ невыносимо тяжело!

Орловскій (*встревоженно*). Что такое? Душа моя, красавица...

Соня. Останемся... Побудемъ здѣсь немного.

Орловскій. То увезите, то останемся... Тебя не поймешь...

Соня. Здѣсь я потеряла сегодня свое счастье... Не могу... Ахъ, крестненькій, зачѣмъ я еще не умерла! (*Обнимаетъ его*). Ахъ, еслибъ вы знали, еслибъ вы знали!

Орловскій. Тебѣ водицы... Пойдемъ сядемъ... Иди...

Дядинъ. Что такое? Софья Александровна, матушка... Я не могу, я весь дрожу... (*Слезливо*). Не могу я видѣть этого... Дѣточка моя...

Соня. Илья Ильичъ, родной мой, свезите меня на пожаръ! Умоляю васъ!

Орловскій. Зачѣмъ тебѣ на пожаръ? Что ты тамъ будешь дѣлать?

Соня. Умоляю васъ, свезите, а то я сама пойду. Я въ отчаяніи... Крестненькій, мнѣ тяжело, невыносимо тяжело. Свезите меня на пожаръ.

(*Быстро входитъ* **Хрущовъ**).

XI.

Тѣ же и **Хрущовъ**.

Хрущовъ (*кричитъ*). Илья Ильичъ!

Дядинъ. Здѣсь! Что тебѣ?

Хрущовъ. Я не могу идти пѣшкомъ, дай мнѣ лошадь.

Соня (*узнавъ Хрущова, радостно вскрикиваетъ*). Михаилъ Львовичъ! (*Идетъ къ нему*) Михаилъ Львовичъ! (*Орловскому*) Уйдите, крестненькій, мнѣ поговорить съ нимъ нужно. (*Хрущову*) Михаилъ Львовичъ, вы сказали, что полюбите другую... (*Орловскому*). Уйдите, крестненькій. (*Хрущову*) Я теперь другая... Я хочу одну только правду... Ничего, ничего, кромѣ правды! Я люблю, люблю васъ... люблю...

Орловскій. Вотъ такъ исторія съ географіей. (*Хохочетъ*).

Дядинъ. Это восхитительно!

Соня (*Орловскому*). Уйдите, крестненькій... (*Хрущову*) Да, да, одной только правды и больше ничего... Говорите же, говорите... Я все сказала...

Хрущова (*обнимая ее*). Голубка моя!

Соня. Не уходите, крестненькій... Когда ты объяснялся мнѣ, я всякій разъ задыхалась отъ радости, но я была скована предразсудками; отвѣчать тебѣ правду мнѣ мѣшало то же самое, что теперь мѣшаетъ моему отцу улыбаться Еленѣ. Теперь я свободна...

Орловскій (*хохочетъ*). Спѣлись, таки, наконецъ. Выкарабкались на берегъ! Честь имѣю васъ поздравить. (*Низко кланяется*). Ахъ вы безстыдники, безстыдники! Канителили, другъ дружку за фалды ловили!

Дядинъ (*обнимая Хрущова*). Мишенька, голубчикъ, какъ ты меня обрадовалъ! Мишенька!

Орловскій (*обнимая и цѣлуя Соню*). Дуся, канареечка моя... Дочка моя крестненькая... (*Соня хохочетъ*). Ну, закатилась!

Хрущовъ. Позвольте, я никакъ не могу опомниться... Дайте мнѣ еще поговорить съ нею... Не мѣшайте... Умоляю васъ, уходите... (*Входятъ Ѳедоръ Ивановичъ и Юля*).

XII.

Тѣ же, **Ѳедоръ Ивановичъ** *и* **Юля.**

Юля. Но вѣдь ты, Ѳединька, все врешь, все врешь! Ты все врешь!

Орловскій. Тссс! Тише, ребятки! Мой разбойникъ идетъ. Спрячемся, господа, поскорѣе! Пожалуйста. (*Орловскій, Дядинъ, Хрущовъ и Соня прячутся*).

Ѳедоръ Ивановичъ. Я забылъ тутъ свой кнутъ и перчатку.

Юля. Но вѣдь ты все врешь!

Ѳедоръ Ивановичъ. Ну, вру... Что жъ изъ этого? Не хочу я сейчасъ ѣхать къ тебѣ... Погуляемъ, тогда и поѣдемъ.

Юля. Забота мнѣ съ тобой! Чистое наказаніе! (*Всплескиваетъ руками*). Ну не дуракъ ли этотъ Вафля! До сихъ поръ со стола не убралъ! Вѣдь самоваръ украсть могутъ... Ахъ, Вафля, Вафля, кажется, ужъ старый, а ума меньше, чѣмъ у дитя!

Дядинъ (*всторонку*). Благодаримъ покорно.

Юля. Когда мы шли, тутъ кто то смѣялся...

Ѳедоръ Ивановичъ. Это бабы купаются... (*Поднимаетъ перчатку*). Чья то перчатка... Сонина... Сегодня Соню точно муха укусила. Въ Лѣшаго влюблена. Она въ него по уши врѣзалась, а онъ, болванъ, не видитъ.

Юля (*сердито*). Куда же это мы идемъ?

Ѳедоръ Ивановичъ. На плотину... Пойдемъ погуляемъ... Лучшаго мѣста во всемъ уѣздѣ нѣтъ... Красота!

Орловскій (*всторону*). Сыночекъ мой, красавецъ, борода широкая...

Юля. Я сейчасъ слышала чей то голосъ.

Ѳедоръ Ивановичъ. Тутъ чудеса, тутъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ... Такъ то, дядя! (*Хлопаетъ ее по плечу*).

Юля. Я не дядя.

Ѳедоръ Ивановичъ. Будемъ разсуждать мирно. Слушай, Юличка. Я прошелъ сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы... Мнѣ уже 35 лѣтъ, а у меня никакого званія, кромѣ какъ поручикъ сербской службы и унтеръ-офицеръ русскаго запаса. Болтаюсь между небомъ и землей... Нужно мнѣ образъ жизни перемѣ-

нить и знаешь... понимаешь, у меня теперь въ головѣ такая фантазія, что, если я женюсь, то въ моей жизни произойдетъ круговоротъ... Выходи за меня, а? Лучшей мнѣ не надо.

Юля *(смущенно)*. Гм... Видишь ли... Сначала исправься, Өединька.

Өедоръ Ивановичъ. Да ну, не цыгань! Говори прямо!

Юля. Мнѣ совѣстно... *(Оглядывается).* Постой, какъ бы кто не вошелъ, или не подслушалъ... Кажется, Вафля въ окно смотритъ.

Өеодоръ Ивановичъ. Никого нѣтъ

Юля *(бросается ему на шею)*. Өединька! *(Соня хохочетъ; Орловскій, Дядинъ и Хрущевъ хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши и кричатъ: „браво! браво!").*

Өеодоръ Ивановичъ. Тьфу! Испугали! Откуда вы взялись?

Соня. Юличка, поздравляю! И я тоже, и я тоже! *(Смѣхъ, поцѣлуи, шумъ).*

Дядинъ. Это восхитительно! Это восхитительно!

Занавѣсъ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Не разъ говорилось о томъ, съ какой глубокой симпатіей относится къ Чехову русскій читатель. Это какое то особенное отношеніе: не благоговѣйное преклоненіе передъ геніемъ, то преклоненіе, въ которомъ чувствуется наряду съ изумленіемъ какая то отчужденность, непониманіе, «страхъ Божій», и не шумный восторгъ, которымъ интеллигенція, а особенно молодежь, окружала выразителей общественныхъ настроеній въ родѣ Некрасова, Добролюбова и другихъ—это та проникновенная сердечность, которая не любитъ словъ и стыдливо прячется въ глубинѣ человѣческой души.

Мы увлекались Горькимъ, съ повышеннымъ интересомъ слѣдили за Андреевымъ, чтили и продолжаемъ благоговѣйно чтить Толстого, а Чехова любимъ... Часто тѣ, которымъ не пришлось его видѣть, спрашиваютъ у его знакомыхъ, какой у него былъ голосъ, какіе были глаза, какъ онъ выглядѣлъ вообще, и удивительно, что въ этихъ вопросахъ сквозитъ не наше россійское любопытство, склонное къ сплетнѣ и праздной болтовнѣ,—сквозитъ искреннее участіе, все та же любовь. Про другого писателя можно сказать, что онъ «имѣлъ большое значеніе», «сыгралъ важную роль» и т. п., Чеховъ же былъ дорогъ, какъ бываютъ дороги отецъ, мать, сестра, близкіе друзья. Его книги многими читаются, какъ письма, оставшіяся послѣ смерти дорогого человѣка, каждое его слово улавливается съ чуткимъ вниманіемъ.

Когда онъ умеръ, то это была не только «невозвратимая утрата» для литературы: это была общая тоска множества чужихъ и незнакомыхъ какъ ему, такъ и другъ другу людей, тоска по одному всѣмъ близкому и нужному человѣку. Русская интеллигенція вмѣстѣ съ Раневской съ печалью смотрѣла на бѣлую аллею вишневаго сада, по которой онъ ушелъ навсегда, и казалось ей, «что идетъ ея покойная мама», и въ трепетѣ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ чудилось вѣяніе родной души Чехова. Мы

не преувеличимъ, если скажемъ, что это былъ единственный человѣкъ, смерть котораго причинила столькимъ людямъ искреннее, глубокое горе...

И вотъ именно эта любовь не даетъ возможности отдѣлить въ Чеховѣ человѣка отъ художника, подвергнуть холодному кропотливому анализу его произведенія. Никакими мѣрками его не измѣришь, ни подъ какое «направленіе» не подведешь... Онъ писалъ, какъ жилъ, и всю необъятность своихъ впечатлѣній отъ ранней бодро-смѣющейся молодости до послѣднихъ лѣтъ, обвѣянныхъ проникновенной скорбью, выразилъ въ своихъ книгахъ.

Въ періодъ, предшествовавшій такъ называемому «освободительному движенію», къ нему шли съ вопросомъ, «како вѣруеши», ибо отъ каждаго выдающагося человѣка требовали платформы, отвѣтовъ на «текущіе вопросы», а онъ не укладывался въ платформу, смотрѣлъ дальше «текущихъ вопросовъ», и временно волна красныхъ брошюръ заслонила собою сѣрые томики его произведеній. Ослѣпленные заревомъ революціоннаго пожара, мы не захотѣли вѣрить тому, что жизнь будетъ прекрасна только черезъ двѣсти, триста лѣтъ, мы захотѣли этой жизни завтра, и только тогда, когда погасла вспышка, многое поняли, многому научились и опять вернулись къ Чехову, уже не требуя отъ него «опредѣленнаго міросозерцанія» и «платформы».

У него не было этого «міросозерцанія» въ общепринятомъ смыслѣ слова—міросозерцанія, окрашеннаго опредѣленной тенденціей, и напрасно будемъ мы въ его произведеніяхъ выискивать такого героя или героиню, который думаетъ и чувствуетъ, какъ самъ авторъ, который имѣетъ одинаковыя съ нимъ «убѣжденія».

Нужно обладать большой душой, геніальной чуткостью и философской широтою мысли, чтобы ко всему прислушаться и на все отозваться, какъ отозвался Чеховъ. «Имѣющіе уши» часто не слышатъ или слышатъ только что-нибудь одно. Чеховъ, подобно герою сказки, слышалъ не только, какъ трава растетъ, онъ слышалъ, какъ растетъ душа человѣка и какъ она увядаетъ. Насъ оглушила «телѣга жизни» своимъ будничнымъ грохотомъ, и мы одно время какъ будто обидѣлись на него за то, что онъ не хочетъ указать опредѣленнаго пути этой телѣгѣ. Писатель, который былъ одинаково близокъ и къ старому профессору, скучно заканчивающему свое «знаменитое» существованіе, и къ дѣтямъ, которыя отождествляютъ кошку и папину шубу, а за нянинымъ сундукомъ предполагаютъ существо-

ваніе цѣлаго сложнаго міра,—писатель, которому плачъ ошпареннаго ребенка казался ужасомъ не меньше соціальныхъ несправедливостей,—не могъ примкнуть къ *опредѣленному* направленію, успокоиться на *опредѣленной* программѣ, ибо эта программа, несмотря на всю свою гуманность и широту, не исчерпала бы и сотой доли тѣхъ вопросовъ, которые тревожили и волновали его чуткую душу: она была бы для него такъ же фальшива и безсмысленна, какъ тотъ рецептъ, который въ «Ночь передъ судомъ» написалъ «г-жѣ Сѣѣловой д-ръ Зайцевъ».

Обыкновенно «Чеховскую тоску» разсматриваютъ очень узко, ставя ее въ зависимость отъ той удушливой атмосферы, которая царитъ въ Россіи вообще, а въ 80-хъ годахъ подавляла въ особенности. Отыскавъ такую «основу» въ творчествѣ Чехова, гг. критики вѣжливо упрекаютъ его за то, что онъ не только не указалъ выхода изъ «болота», но даже не выразилъ опредѣленно своего сочувствія тѣмъ, кто этотъ выходъ якобы уже нашелъ. Иными словами, Чеховъ изображалъ только пошлыхъ и такъ называемыхъ «лишнихъ людей», а не далъ намъ ни одного героя, говорящаго бодрыя слова, зовущаго «впередъ»: значитъ, онъ «пессимистъ», типичный «восьмидесятникъ».

Но если не укладываются въ «платформу» исканія Чехова, то еще труднѣе уложить его тоску въ рамки политическихъ и соціальныхъ вопросовъ и помѣтить «номеромъ» 80-хъ годовъ. Эти политическія и соціальныя причины безусловно сыграли значительную роль въ творчествѣ Чехова, ибо онъ не могъ не замѣчать тѣхъ условій жизни, которыя окружали его со всѣхъ сторонъ, но во всякомъ случаѣ доминирующаго значенія онѣ не имѣли.

Человѣческая личность, какъ таковая, всегда стояла у Чехова на первомъ планѣ, но она не мѣшала ему чутко реагировать и на общественные вопросы, съ тою только разницею, что онъ не рѣшалъ ихъ такъ просто, какъ рѣшаетъ большинство, при помощи своей партійной энциклопедіи. Въ общественныхъ вопросахъ Чеховъ отличался удивительной прямотой и откровенностью, которыя соединялись въ немъ съ чуткой терпимостью и прямотой взгляда, и потому вмѣсто ненависти мы найдемъ у него жалость и грусть вмѣсто злобы. Онъ не преувеличивалъ ни въ ту и ни въ другую сторону, ничего не замалчивалъ. Припомнимъ одну страницу въ удивительномъ разсказѣ «Мужики», который такъ возмутилъ многихъ недальновидныхъ народниковъ.

«Въ теченіе лѣта и зимы бывали такіе часы и дни, когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними

было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджогъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ. Да, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и не откуда ждать ея. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся такъ же отвратительно; самый мелкій чиновникъ или приказчикъ обходится съ мужиками, какъ съ бродягами, и даже старшинамъ и церковнымъ старостамъ говоритъ «ты» и думаетъ, что имѣетъ на это право. Да и можетъ ли быть какая-нибудь помощь или добрый примѣръ отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»

А развѣ не «страшно» въ большихъ городахъ среди всякихъ статскихъ и иныхъ совѣтниковъ, которые грабятъ, притѣсняютъ всѣхъ, кого можно, а иные изъ нихъ вымещаютъ на меньшей братіи ту нищету и униженіе, среди которыхъ они начинали свою карьеру?

Развѣ нельзя найти оправданія чиновнику Невыразимову, который за «два рубля денегъ да за галстукъ на придачу» сидитъ въ пасхальную ночь дежурнымъ въ присутствіи и, чувствуя, что «потребность новой, лучшей жизни, невыносимо защемившая его за сердце», никогда не будетъ удовлетворена честнымъ путемъ, мечтаетъ о тѣхъ заманчивыхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгали другіе, чтобы выйти изъ хронической нужды и униженія: «Украсть нешто?—подумалъ онъ...—«Доносъ написать, что ли? Прошкинъ донесъ и въ гору пошелъ»... Но такъ какъ даже для доноса онъ чувствуетъ себя слишкомъ ничтожнымъ и «необразованнымъ», то ему ничего не остается, какъ выместить свою незадачливость на тараканѣ, нечаянно попавшемся ему на глаза: «Невыразимовъ взялъ его за одну ножку и бросилъ въ стекло. Въ стеклѣ вспыхнуло и затрещало. И Невыразимову стало легче».

И такъ безконечной лѣстницей стоятъ въ жизни люди, одинъ на сантиметръ выше другого, и каждый изъ нихъ смотритъ на ниже стоящаго, какъ Невыразимовъ на таракана, и каждый вымещаетъ на другомъ свою досаду, будь то неосуществившаяся надежда на Анну и Станислава или шестнадцатирублевое жалованье, которымъ надо оплатить содержаніе цѣлой семьи.

Чеховъ не могъ не замѣтить, что въ нашемъ обществѣ, даже среди лучшихъ его представителей, много ненависти и озлобленія, направленныхъ не столько противъ извѣстныхъ условій и порядковъ, мѣшающихъ всѣмъ жить по-человѣчески, сколько противъ самихъ людей, которые и на высшихъ и на низшихъ ступеняхъ являются продуктами этихъ порядковъ и, будучи пошлыми, жалкими и ничтожными, приносятъ вредъ скорѣе пассивный, нежели активный. Яркими красками изображая массовую психологію различныхъ группъ и слоевъ русскаго общества, иллюстрируя ее громадной галлереей художественно-исполненныхъ портретовъ-миніатюръ, Чеховъ тѣмъ самымъ, казалось бы, создалъ заколдованный кругъ пошлости, ничтожества и безпомощности, изъ котораго нельзя выйти никакъ и ни при какихъ условіяхъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ,—заколдованнаго круга нѣтъ, ибо если человѣческое общество въ цѣломъ и представляетъ изъ себя жалкій муравейникъ, то отдѣльная человѣческая личность таитъ въ себѣ стремленіе къ прекрасному, чистое и безкорыстное; правда, это стремленіе очень туманно, оно не оформилось и не только не находитъ себѣ въ данный моментъ настоящаго примѣненія, но иногда даже мѣшаетъ человѣку дѣлать то, что онъ и при существующихъ условіяхъ могъ бы дѣлать, и тѣмъ не менѣе оно *есть*, *существуетъ* въ человѣкѣ, а, слѣдовательно, и прекрасная жизнь наступитъ, хотя и черезъ сотни лѣтъ. Чеховъ вѣритъ въ то, что «жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасна», и черпаетъ эту вѣру не въ настойчивости и выносливости, съ которыми человѣкъ, перенося всяческія лишенія, достигаетъ своего «крыжовника»,—онъ черпаетъ ее въ душахъ тѣхъ своихъ героевъ, которыхъ мы почему то привыкли называть «лишними людьми». Тонкій сатирикъ и юмористъ, онъ уже не смѣется надъ этими, казалось бы, праздными мечтателями, а прислушивается къ ихъ рѣчамъ чутко, осторожно, точно боясь спугнуть эту вѣру въ прекрасное и въ нихъ и въ самомъ себѣ. Эти «лишніе люди» сообщаютъ ему какую то грустную умиротворенность: «...мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ... мы отдохнемъ»... Хрупкая красота ихъ души

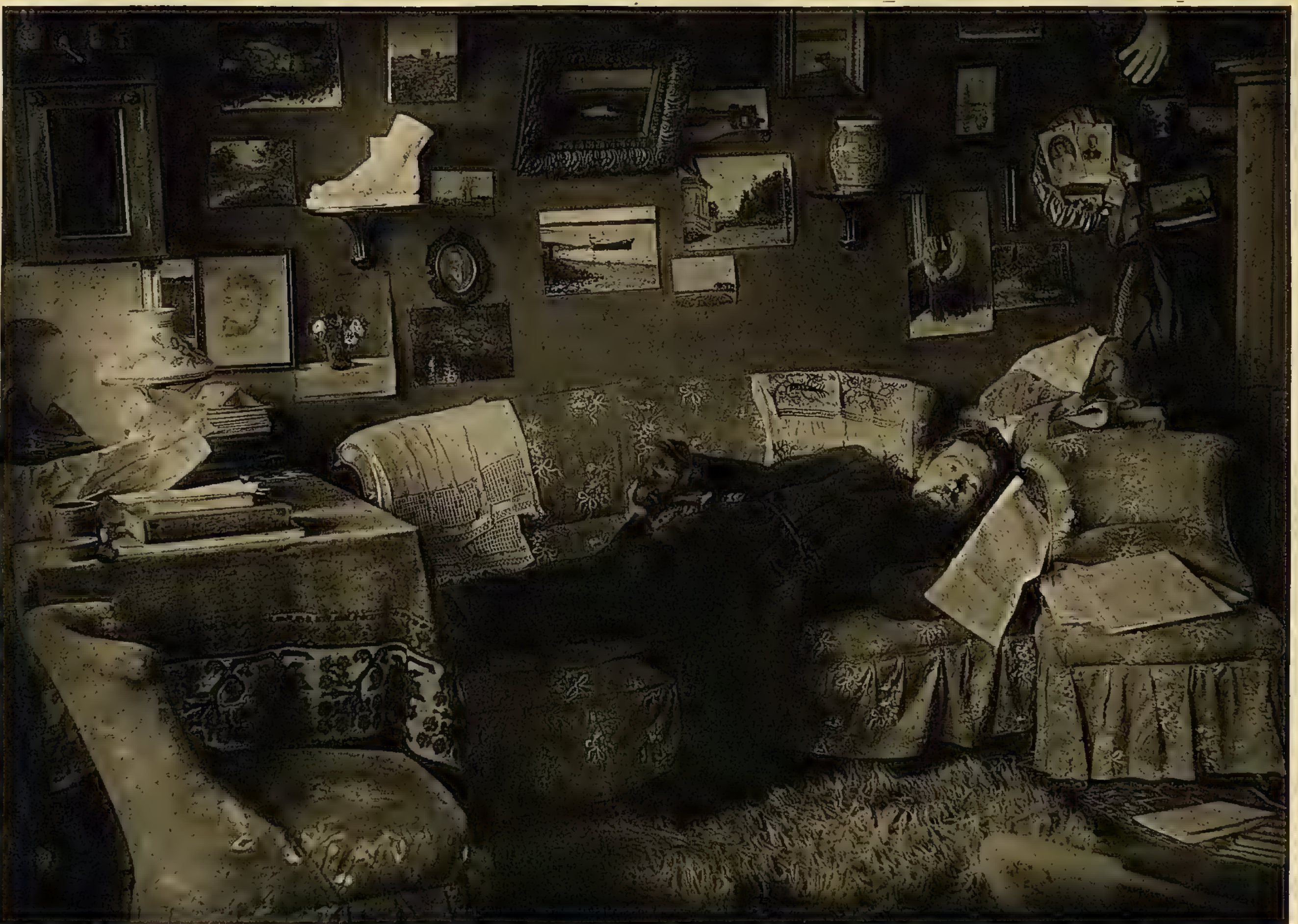
сближаетъ и роднитъ съ ними Чехова, она кажется ему самымъ нужнымъ въ человѣкѣ, а остальное должно приложиться. Эта красота, выражаясь словами Гоголя, «высвѣтлитъ всего человѣка» и въ конечномъ итогѣ побѣдитъ: жизнь *будетъ* прекрасна. Чеховъ какъ бы испытывалъ свою вѣру въ человѣка и все глубже и глубже вступалъ въ сумерки жизни, слушалъ пошлость и слушалъ тоску, тосковалъ и сомнѣвался самъ и все-таки шелъ и не возвращался въ ужасѣ назадъ; его не испугали, какъ Гоголя, «свиныя рыла вмѣсто лицъ», онъ не обезсилѣлъ духовно, не растерялся... Только тотъ, кто такъ любилъ людей и вѣрилъ въ нихъ, могъ съ такой силой обнаружить ихъ слабость. Онъ улыбался съ грустнымъ участіемъ, какъ улыбается чуткій, отзывчивый врачъ, который дѣлаетъ больному тяжелую, но необходимую операцію...

Обнажая человѣческую пошлость, онъ любилъ противополагать ея тупому самодовольству своихъ тоскующихъ героевъ и поставилъ рядомъ «Трехъ сестеръ» и жену Андрея, Наташу; Астрова, Соню, дядю Ваню и профессора Серебрякова и т. д. Во многихъ его произведеніяхъ идутъ почти рука объ руку чуждые другъ другу люди, какъ, напримѣръ, Ольга Ивановна и Дымовъ въ разсказѣ «Попрыгунья», и чувствуется, какъ всюду и вездѣ выростаетъ трагедія отъ соприкосновенія пошлости съ чуткой человѣческой душой. И очень часто эта пошлость заливаетъ своимъ мутнымъ потокомъ еще нетронутыя молодыя существа и ведетъ ихъ, какъ героиню разсказа «Анна на шеѣ», къ гибели и нравственному разложенію. Она не щадитъ даже дѣтей, и первыя грязныя брызги «житейской мелочи» съ особенной болью падаютъ въ душу ребенка. Взрослый человѣкъ, «погруженный въ свою обиду», не замѣчаетъ, какъ восьмилѣтній мальчикъ Алеша, котораго онъ обманулъ, «дрожалъ, заикался, плакалъ»; «онъ первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу такъ грубо столкнулся съ ложью; ранѣе же онъ не зналъ, что на этомъ свѣтѣ, кромѣ сладкихъ грушъ, пирожковъ и дорогихъ часовъ, существуетъ еще и многое другое, чему нѣтъ названія на дѣтскомъ языкѣ»...

Рѣзко оттѣняетъ ужасъ человѣческой жизни природа чистая и спокойная, которую такъ любилъ Чеховъ, которую съ такою теплотой воплощалъ мягкой акварелью своихъ проникновенныхъ страницъ. Ему становится «отрадно» отъ картины прекраснаго деревенскаго утра, отъ чистой и прозрачной рѣчки, въ которой ходятъ стаи широколобыхъ головлей, отъ сверкающихъ росой

зеленыхъ кустовъ, но стоило только оглянуться на жизнь— «и очарованіе счастья, какое чудилось кругомъ, исчезло въ одно мгновеніе». «Я любилъ свой родной городъ», говоритъ герой повѣсти «Моя жизнь». «Онъ казался мнѣ такимъ красивымъ и теплымъ! Я любилъ эту зелень, тихія солнечныя утра, звонъ нашихъ колоколовъ; но люди, съ которыми я жилъ въ этомъ городѣ, были мнѣ скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любилъ и не понималъ ихъ... Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго человѣка. Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что это даютъ изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена воинскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ и даже позволяла угощать себя и разъ въ церкви никакъ не могла подняться съ колѣнъ, такъ какъ была пьяна; во время набора брали и врачи, а городовой врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по первому разряду; благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали вослѣдъ:—«Благодарить надо!»—и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 копеекъ. А тѣ, которые взятокъ не брали, какъ, напримѣръ, чины судебнаго вѣдомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Лишь отъ однѣхъ дѣвушекъ вѣяло нравственной чистотой; у большинства изъ нихъ были высокія стремленія, честныя чистыя души; но онѣ не понимали жизни и вѣрили, что взятки даются изъ уваженія къ душевнымъ качествамъ, и, выйдя замужъ, скоро старились, опускались и безнадежно тонули въ тинѣ пошлаго мѣщанскаго существованія».

Окруженные тиной пошлаго мѣщанскаго существованія живутъ «лишніе люди». Имъ почти всегда страшно и скучно, потому что тонкое кружево ихъ мечты рвется отъ соприкосновенія съ жизнью; они всѣ бездѣятельны, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ Астровъ, Алехинъ, Соня и дядя Ваня, много работаютъ; ихъ работа какая то механическая, пассивная, въ ней больше страданія, чѣмъ смысла, и она не облегчаетъ жизни, не окрыляетъ человѣка, но какъ бы способствуетъ выцвѣтанію его

Антонъ Павловичъ Чеховъ (1895 г.) *съ любимой собачкой „Бромъ“ въ своемъ имѣніи „Мелихово“.*

личности. Сознаніе необходимости труда не раждается внутри ихъ, но предлагается, какъ старый рецептъ, который рекомендуютъ, не имѣя взамѣнъ лучшаго. Тузенбахъ говоритъ Иринѣ о необходимости работать, но въ этихъ словахъ нѣтъ сильнаго и бодраго призыва: работа нужна, какъ отвлеченіе, какъ средство не ощущать жизни и всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые она ставитъ: «хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы придти вечеромъ домой, въ утомленіи повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же. Рабочіе, должно быть, спятъ крѣпко!» говоритъ Тузенбахъ. Помѣщикъ Алехинъ работаетъ до отупѣнія, спитъ, не раздѣваясь, живетъ среди пыли, мѣшковъ съ зерномъ, служитъ въ земствѣ и работой очищаетъ имѣніе отъ долговъ, но и онъ такъ же тоскуетъ, какъ Ирина и Тузенбахъ, какъ Гаевъ и Раневская, слабые, не привыкшіе къ труду, не умѣющіе даже спасти отъ продажи свой любимый, родной вишневый садъ. Между трудящимся и празднымъ среди Чеховскихъ героевъ нѣтъ различія: учительница Вѣра Васильевна отдала всю свою жизнь на обученіе деревенскихъ ребятишекъ, состарилась и огрубѣла въ работѣ, и она такъ же несчастна и одинока, какъ молодая, богатая владѣлица фабрики, подавленная своими милліонами. Если пусто и страшно въ нетопленной деревенской школѣ, то такъ же пусто и страшно въ громадномъ домѣ при фабрикѣ, полномъ дорогой мебели, ковровъ и картинъ.

Отчего же трудъ не спасаетъ? Отчего на слова Тузенбаха о томъ, что нужно приготовляться къ прекрасной жизни, «участвовать въ ней теперь хоть издали» (и для этого «нужно работать»)—никто не отвѣчаетъ, а Вершининъ, любуясь цвѣтами, говоритъ о томъ, что въ жизни его не хватало «именно вотъ такихъ цвѣтовъ», и еслибы дали ему эту жизнь прожить сначала, то онъ, вмѣсто квартирокъ съ двумя стульями, съ печами, которыя постоянно дымятъ, «создалъ бы для себя иную обстановку жизни, устроилъ бы себѣ такую квартиру съ цвѣтами, съ массою свѣта»?...

Докторъ Астровъ рисуетъ картину труда: «Въ Великомъ посту на третьей недѣлѣ поѣхалъ я въ Малицкое на эпидемію... Сыпной тифъ... Въ избахъ народъ въ повалку... Грязь, вонь, дымъ, телята на полу съ больными вмѣстѣ... Поросята тутъ же... Возился я цѣлый день, не присѣлъ, маковой росинки во рту не было, а пріѣхалъ домой, не даютъ отдохнуть — привезли съ желѣзной дороги стрѣлочника; положилъ я его на столъ, чтобы ему операцію дѣлать, а онъ возьми и умри у меня подъ

хлороформомъ. И когда вотъ не нужно, чувства проснулись во мнѣ, и защемило мою совѣсть, точно это я умышленно убилъ его... Сѣлъ я, закрылъ глаза—вотъ этакъ, и думаю: тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь пробиваемъ дорогу, помянутъ ли насъ добрымъ словомъ? Нянька, вѣдь не помянутъ!»

Если трудъ и «пробиваетъ дорогу для будущей жизни», то въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ онъ существуетъ теперь, когда «по ночамъ болитъ все тѣло», а душа тупѣетъ и размѣнивается на мелочи, и нѣтъ ни свѣта, ни радости—онъ ужасенъ.

Чеховъ слишкомъ любилъ людей для того, чтобы удовлетвориться медленнымъ строительствомъ жизни, и каждый камень, который кладется въ ея основу, для него не камень, а человѣкъ живой, страдающій, чуткій. Но онъ не доходитъ въ своемъ мучительномъ недоумѣніи до того «бунта», подъ вліяніемъ котораго Иванъ Карамазовъ отказывается отъ «будущей гармоніи»; онъ вѣритъ въ гармонію, страстно стремится къ ней и съ тоскливымъ, выстраданнымъ смиреніемъ какъ бы хочетъ покориться неизбѣжности, но это не всегда ему удается, и онъ временами сомнѣвается въ томъ, долженъ ли человѣкъ жертвовать собою для будущаго, не имѣетъ ли онъ права *теперь* взять отъ жизни прекрасное, сдѣлать свое существованіе красивымъ и содержательнымъ? И это не только не преступно, но это должно, потому что не одной перестройкой внѣшнихъ условій создается новая жизнь: ее главнымъ образомъ будетъ творить прекрасная, изящная человѣческая личность, а для этого она должна воспитывать себя не только этически, но и эстетически; душа должна впитывать въ себя краски жизни, и полковникъ Вершининъ имѣетъ право отъ «квартирокъ съ двумя стульями и съ печами, которыя постоянно дымятъ», уйти туда, гдѣ много цвѣтовъ и масса свѣта. Человѣкъ имѣетъ право искать для себя личнаго счастья, любить, привязываться къ близкимъ... Но осуществимо ли это? Попытка смягчить тяжкія условія строительства будущаго оказывается безплодной. Съ одной стороны пошлость и ужасъ обыденщины, вторгающейся всюду и вездѣ, и вотъ мы видимъ, какъ молодой наивный и жизнерадостный «учитель словесности» Никитинъ, женившись по любви на такой же жизнерадостной и молодой дѣвушкѣ, послѣ недолгой совмѣстной жизни съ нею, казалось бы счастливой, приходитъ въ отчаяніе и пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Гдѣ я, Боже мой? Меня окружаетъ пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, гор-

щечки со сметаной, кувшины съ молокомъ, тараканы, глупыя женщины... Нѣтъ ничего страшнѣе, оскорбительнѣе, тоскливѣе пошлости. Бѣжать отсюда, бѣжать сегодня же, иначе я сойду съ ума!» Съ другой стороны врожденное, воспитанное вѣками безсиліе, которое мѣшаетъ человѣку стряхнуть съ себя путы жизни. Герой повѣсти «Три года», Лаптевъ, чувствуетъ на себѣ весь гнетъ рабской наслѣдственности и безсиленъ бороться съ нимъ. «Что же меня держитъ здѣсь?» говоритъ онъ, оглядываясь на ненавистный амбаръ, гдѣ его предки всякими правдами и неправдами, по копейкамъ, собирали свои милліоны; «и ему», говоритъ Чеховъ, «было досадно и на себя и на эту черную собаку, которая валялась на камняхъ, а не шла въ поле, въ лѣсъ, гдѣ бы она была независима и радостна. И ему и этой собакѣ мѣшало уйти со двора, очевидно, одно и то же—привычка къ неволѣ, къ рабскому состоянію». «Какіе нервы и какую кровь мы получили въ наслѣдство?» говоритъ тотъ же Лаптевъ своему брату. «Ты вотъ три года разсуждаешь, какъ дьячокъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написалъ,—вѣдь это холопскій бредъ! А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорютъ, я робѣю передъ ничтожествами, идіотами, скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворниковъ, швейцаровъ, городовыхъ, жандармовъ, я всѣхъ боюсь, потому что я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забитъ и запуганъ! Мы съ тобой хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ имѣть дѣтей».

«Лишніе люди» активнаго сопротивленія жизни не оказываютъ, но они нужны, потому что ихъ изящныя мягкія души мерцаютъ, какъ свѣтлячки, въ мрачномъ хаосѣ пошлости и всякихъ ужасовъ. Есть среди нихъ кротко-религіозные люди, какъ архіерей, преосвященный Петръ, какъ послушникъ Іеронимъ; они затворились въ своей вѣрѣ, но не отвернулись отъ людей, не оградили себя стѣной нетерпимости и фанатизма; съ ними легко и ясно на душѣ, и раждается вѣра въ осмысленность существованія на землѣ, въ великую справедливость, которая только временно скрыта отъ людей. Въ «лишнихъ людяхъ» много той чистоты и наивной безпомощности, которыя свойственны только дѣтямъ, и Чеховъ, который такъ трогательно любилъ дѣтей, такъ ласково и тонко умѣлъ ихъ понимать и изображать, любитъ въ своихъ героях это «дѣтское», сохранившееся, несмотря на всѣ нечистыя пятна жизни, и вѣритъ самъ тоже какъ то по-дѣтски,

инстинктивно, въ конечное торжество справедливости, въ ея побѣду надъ мутной грязью жизни. Когда студентъ духовной академіи разсказалъ кучкѣ людей, собравшихся ночью въ Великую пятницу на деревенскомъ огородѣ о Христѣ и отреченіи апостола Петра, и женщины заплакали, то онъ подумалъ: «то, о чемъ онъ только что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему — къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра. И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ. «Прошлое,—думалъ онъ,—связано съ настоящимъ непрерывною цѣпью событій, вытекающихъ одно изъ другого». И ему казалось, что онъ только что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой».

«А когда онъ переправлялся на паромѣ черезъ рѣку и потомъ, поднимаясь на гору, глядѣлъ на свою родную деревню и на западъ, гдѣ узкою полоской свѣтилась холодная багровая заря, то думалъ о томъ, что правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ; и чувство молодости, здоровья, силы—ему было только 22 года—и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья овладѣвало имъ мало-по-малу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла». Если вѣра студента даетъ ему такое «невыразимо сладкое ожиданіе счастья», то, можетъ быть, здѣсь причиной является бодрость молодости, предвкушеніе жизни, еще не начавшейся, и потому заманчивой, но вѣрятъ и другіе, вѣритъ Соня, у которой жизнь личная кончилась, не начинаясь, и пусть плачетъ она, прижавшись къ своему бѣдному дядѣ Ванѣ, она все-таки побѣдила: «мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка...... Мы отдохнемъ...» Она не «лишняя», какъ не «лишніе» и всѣ тѣ герои Чехова, которые своей глубокой облагораживающей скорбью очищаютъ человѣка отъ тины пошлаго мѣщан-

скаго самодовольства, тревожатъ его животный покой, пробуждая въ немъ «душу живу». Они неудачники въ своей личной жизни, они не отвоевали себѣ «цвѣтовъ и свѣта», которыхъ такъ хотѣлъ для нихъ Чеховъ, но они вмѣстѣ съ нимъ явились носителями той идеи, что «правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ»...

По тому пути, на который они, слабые и истомленные, тщетно хотѣли стать, пошла молодая героиня изъ разсказа «Невѣста»; она поборола окружающую пошлость, наслѣдственное рабское непротивленіе, и умирающій Чеховъ радостно привѣтствовалъ въ ея лицѣ смѣлыхъ завоевателей новой прекрасной жизни...

М. Новикова.

Рис. 1.

ПЕРВЫЙ
Сборникъ А. П. Чехова.

Въ грязномъ переулкѣ Москвы, среди бѣдности и мерзости людской, затеплилась эта чистая, нѣжная, сначала брызжущая смѣхомъ, затѣмъ все болѣе и болѣе грустная поэтическая жизнь.

Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ семья Чеховыхъ еле-еле перебивалась скудными, случайными заработками братьевъ—дешовыми уроками, нищенскимъ художественнымъ и литературнымъ гонораромъ. Николай Павловичъ, талантливый художникъ, рисовалъ каррикатуры; Антонъ Павловичъ писалъ для «Будильника», «Стрекозы», «Осколковъ» маленькія юмористическія статьи, комическія объявленія, смѣхотворные календари. Изъ нихъ очень немногое, и то въ сильно измѣненномъ видѣ, попало въ позднѣйшее «собраніе сочиненій»: «взыскательный художникъ» поспѣшилъ отречься отъ своего молодого творчества, часто незрѣлаго, иногда подневольнаго...

Мы, почитатели его гибкаго, проникновеннаго таланта, не можемъ съ нимъ согласиться: глубоко интересенъ и поучителенъ самый ростъ этого таланта; дороги, мѣстами, его яркіе проблески; *органичнѣе* выступаетъ и образъ писателя.

Авторская карьера Чехова налаживалась не безъ треній. «Стрекоза» 1880 г. (№ 2) въ почтовомъ ящикѣ писала: «Москва,

Драчевка, А. Чехову. Совсѣмъ недурно. Присланное помѣстимъ. Благословляемъ и на дальнѣйшее подвижничество». Шутливое выраженіе «подвижничество» оказалось пророческимъ. Тотъ же журналъ отклонилъ потомъ «Прошеніе», какъ «длинное и натянутое», «Ужасный сонъ» за то, онъ «тѣмъ только и ужасенъ, что невозмутимо повторяетъ всѣмъ надоѣвшія темы», «Портретъ» — потому, что «до насъ («Стрекозы») онъ не касается: вы, очевидно, писали его для другого журнала». Приходилось выслушивать и такіе комплименты: «присланное не важно», «не расцвѣвъ—увядаете».

Но молодой авторъ чувствовалъ свою силу и энергично боролся за жизнь. Изъ потемковъ тогдашней юмористической журналистики, придушенной и обезкровленной цензурою, онъ медленно и неуклонно пробивался къ свѣту настоящей литературы, къ полупризнанію его удѣльнаго писательскаго вѣса при жизни и позднему полному признанію послѣ смерти...

Рис. 2.

Въ началѣ 80-ыхъ годовъ вмѣстѣ съ братомъ Н. П., взявшимъ на себя иллюстрированіе, онъ задумалъ издать сборникъ избранныхъ своихъ разсказовъ. Денегъ на расплату съ типографіей не хватило, изданіе было прервано, отпечатанные листы (всего 7) безслѣдно исчезли, кромѣ одного экземпляра, сохранившагося въ семьѣ А. П. Только въ 1884 г. ему удалось напечатать «Сказки Мельпомены», которыя считаются его первымъ сборникомъ. Объ его неудавшемся предшественникѣ знаютъ только близкія къ Чехову лица.

Между тѣмъ онъ заслуживаетъ вниманія и талантливыми рисунками Н. П. Чехова, и содержаніемъ разсказовъ А. П.

Цѣльныхъ разсказовъ 11; 12-ый обрывается на полуфразѣ.

«Жены артистовъ». — «Переводъ... съ португальскаго». Передъ нами, въ «переводѣ... съ португальскаго», столь знакомые

Чехову нравы артистической и литературной богемы, голодной, непризнанной и все же вѣрящей въ себя, самонадѣянно глядящей на міръ: авторъ дикаго романа «Сомнамбула среди океана» (рис. 1), «свободнѣйшій гражданинъ столичнаго города Лиссабона, Альфонсо Зинзага, молодой романистъ столь извѣстный... только самому себѣ и подающій надежды... тоже самому себѣ, утомленный цѣлодневнымъ хожденіемъ по бульварамъ и редакціямъ, и голодный, какъ самая голодная собака»; его жена Амаранта, которая заснула мертвецкимъ сномъ отъ романа Альфонса «Колесованіе въ Сантъ-Московскѣ сорока четырехъ двадцатиженцевъ»; «Лиссабонскія губернскія вѣдомости», которыя изъ пагубнаго недоразумѣнія не печатаютъ великихъ произведеній великаго Зинзаги; художникъ Франческо Бутронца, «человѣкъ талантливый, кое-кому извѣстный и, что такъ немаловажно подъ луной, обладающій умѣньемъ... ежедневно обѣдать»; его жена нѣмка Каролина, которая отказалась позировать голой передъ окномъ — за это и за особый талантъ садиться на стулья съ палитрами (рис. 2), мужъ ее обзывалъ «несчастной переваренной нѣмецкой колбасой» и пивной бутылкой; Петръ Петрученца Петруріо, «будущій артистъ королевскихъ театровъ», который «учился падать и ударился вискомъ о сундукъ» (рис. 3); Фердинандъ Лай, опереточный пѣвецъ, «будущій португальскій Оффенбахъ, віолончелистъ и флейтистъ», который всѣхъ «просто на клочки рветъ своимъ баритономъ», который цѣлые дни, а иногда и ночи пѣлъ «и ужасно, и мучительно, и съ остервенѣніемъ», «видно было, что онъ пѣлъ и въ то же время страдалъ» (рис. 4).

Рис. 3.

Всѣ они живутъ только подачками единственнаго своего мецената—графа Барабанта-Алимонда. Ихъ тѣшитъ иллюзія бу-

дущей славы, но не сладко живется «женамъ артистовъ» «столичнаго города Лиссабона» (рис. 5, видъ «столичнаго города Лиссабона», улица четырехъ гробокопателей), которымъ приходится брать на себя всю черную работу и кормить великихъ мужей своими ничтожными заработками.

Разсказъ этотъ, въ измѣненномъ видѣ вошедшій въ «Сказки Мельпомены», растянутъ, но въ немъ много отдѣльныхъ черточекъ живыхъ и комическихъ.

За нимъ слѣдуетъ «Папаша» (рис. 7). Начало его совершенно Чеховское, ранней манеры.

«Тонкая, какъ голландская сельдь, мамаша вошла въ кабинетъ къ толстому и круглому, какъ жукъ, папашѣ и кашлянула. При входѣ ея съ колѣнъ папаши спорхнула горничная и шмыгнула за портьеру; мамаша не обратила на это ни малѣйшаго вниманія, потому что успѣла уже привыкнуть къ маленькимъ слабостямъ папаши и смотрѣла на нихъ съ точки зрѣнія умной жены, понимающей своего цивилизованнаго мужа. Она взываетъ къ родительскому сердцу «папаши»: «Пампушка, да будь же хоть отцомъ, наконецъ, если не хочешь... не можешь быть мужемъ!» Сыну-гимназисту ихъ грозитъ оставленіе на второй годъ, и нужно насѣсть на учителей. «Папаша» принимается за дѣло. Преподавателю ариѳметики онъ прямо говоритъ: «Вы вѣдь съ намѣреніемъ поставили двойку».—Учитель сдѣлалъ большіе глаза и... только; а почему онъ не обидѣлся—это останется для меня навсегда тайною учительскаго сердца. — «Съ намѣреніемъ, — продолжалъ папаша: — вы гостя ожидали-съ. Ха-хе-ха-хе!.. Что-жъ? Извольте-съ!.. Я согласенъ... Ему же дань—дань... Понимаю службу, какъ видите... Какъ ни прогрессируйте тамъ, а... все-таки, знаете... ннда... старые обы-

Рис. 4.

чаи лучше всего, полезнѣе... чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ». Папаша съ сопѣніемъ вытащилъ изъ кармана бумажникъ, и двадцатипятирублевка потянулась къ кулаку учителя. «Извольте-съ!» Учитель покраснѣлъ, съежился и... только. Почему онъ не указалъ папашѣ на дверь — для меня останется навсегда тайной учительскаго сердца... Папашѣ удается вырвать обѣщаніе, что двойка по ариѳметикѣ будетъ исправлена, если исправятъ свои дурные баллы другіе учителя. Уходитъ онъ довольный: «Вашей супругѣ отъ меня почтительное резюме». «Въ тотъ же день вечеромъ у папаши на колѣняхъ опять сидѣла мамаша (а уже

Рис. 5.

послѣ нея сидѣла горничная). Папаша увѣрялъ ее, что «сынъ нашъ» перейдетъ, и что ученыхъ людей не такъ уломаешь деньгами, какъ пріятнымъ обхожденіемъ и вѣжливенькимъ наступленіемъ на горло».

Не менѣе, если не болѣе «Женъ артистовъ», растянутъ третій разсказъ «Петровъ день». Онъ мало обработанъ, типы еле намѣчены, но въ немъ чувствуется мѣстами «правда жизни», ея скучная, безсмысленная и пошлая канитель. Тутъ и отставной генералъ, котораго приглашаютъ на охоту только потому, что

ему много должны, и который протестуетъ векселя пригласившаго изъ-за легкаго столкновенія во время охоты, и скандалистъ Михей Егорычъ, который всѣмъ пакоститъ изъ любви къ искусству, и гимназистъ, который корчитъ изъ себя большого и напивается до рвоты только потому, что пьютъ другіе, а дядюшка говоритъ: «безъ меня не пей, но при мнѣ... выпей немножко»; и нелѣпая охота, и нелѣпая ревность; тягучіе, безцѣльные разговоры, безпричинные, безцѣльные поступки—уголокъ, обрывокъ безтолковой суеты жизни въ Чеховскомъ освѣщеніи.

Въ обрисовкѣ героевъ этого разсказа и ихъ неосмысленныхъ похожденій кое-гдѣ проглядываетъ позднѣйшая Чеховская манера: отдѣльные мазки, обиліе разныхъ черточекъ, на первый взглядъ разрозненныхъ и не нужныхъ для развитія разсказа, и все же дающихъ, въ концѣ концовъ, цѣльное впечатлѣніе.

Рис. 6.

Всѣ пьютъ. «Чего это небо сегодня такое синее?» спросилъ Кардамоновъ. Охотники подумали, потолковали и черезъ четверть часа порѣшили, что неизвѣстно, «отчего это небо сегодня такое синее». Ваня вдругъ «сталъ на колѣни и продекламировалъ двадцать стиховъ изъ Овидія. Генералъ замѣтилъ, что латинскій языкъ очень похожъ на французскій... Егоръ Егорычъ согласился съ нимъ и добавилъ, что при изученіи французскаго языка необходимо знать похожій на него латинскій». Все это имъ, и синее небо и языки, ни къ чему, и даже водку хлещутъ они больше по привычкѣ, чѣмъ для удовольствія.

Содержаніе его очень несложно и совсѣмъ не напоминаетъ обычныхъ описаній охоты и охотничьихъ приключеній въ нашей юмористической журналистикѣ.

«Наступилъ день, въ который забываются долги, жучки, дорогіе харчи, тещи и даже молодыя жены,—день, въ который г. уряднику, запрещающему стрѣлять, можно показать двадцать кукишей». Собирается на охоту «отставной гвардіи корнетъ Егоръ Егорычъ Обтемперанскій» съ компаніей. «Въ домѣ и во дворѣ поднялась страшная кутерьма. Все живущее вокругъ Егора Егорыча заходило, забѣгало и застучало по всѣмъ лѣстницамъ, сараямъ и конюшнямъ... Перемѣнили одного коренного. У кучеровъ слетѣли съ головъ картузы, у лакея, Катькина прихвостня, засіялъ подъ носомъ красный фонарь, кухарокъ назвали «стервозами», послышалось имя сатаны и аггеловъ его»..

Рис. 7.

«Братъ Егора Егорыча, «невыносимѣйшій въ мірѣ человѣкъ, извѣстный губерніи скандалистъ», насильно втискивается въ компанію, чтобы испортить охоту. Пустилъ его въ экипажъ Кардамоновъ, который послалъ въ прошломъ году въ «Ниву» статью подъ заглавіемъ: «Интересный случай многоплодія среди крестьянскаго народонаселенія», прочелъ въ почтовомъ ящикѣ непріятный для авторскаго самолюбія отвѣтъ, пожаловался сосѣдямъ и прослылъ писателемъ». Во время охоты гимназистъ Ваня все промахивается и ворчитъ: «высоко взялъ, чортъ возьми!» Раненую перепелку генералъ «поднесъ ко рту и клыками перегрызъ ей горло». Охота вообще не удалась. Докторъ, котораго тащили насильно, и скандалистъ Михей Егорычъ мѣшали всѣмъ. Принялись за закуску и перепились. Докторъ исчезъ, ушелъ въ сторону и заснулъ, а Михей Егорычъ пустилъ слухъ, что онъ отправился къ женѣ Егора Егорыча: «Я спрашиваю»: «Куда вы

Рис. 8.

Рис. 9.

идете?..»—«За клубникой, говоритъ, рожки шлифовать. Я, говоритъ, ужъ наставилъ рожки, а теперь шлифовать ѣду». Взбѣшенный Егоръ Егорычъ мчится домой и, вмѣсто доктора, котораго, совершенно пьянымъ, забыли въ лѣсу, находитъ подъ жениной кроватью псаломщика Фортунатова. Всѣ перессорились и переругались. Тѣмъ и кончился «Петровъ день».

Слѣдующій разсказъ «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» отличается необычною для Чехова искусственностью замысла. Онъ слабѣе всѣхъ остальныхъ. Майоръ Щелколобовъ подслушалъ нелестные отзывы о немъ молоденькой жены и рѣшилъ проучить ее плеткой почему то во время катанія на лодкѣ. Лодка перевернулась, Щелколобовы начали тонуть. Спасать ихъ поплылъ волостной писарь, который тащить двухъ сразу не рѣшился и колебался въ выборѣ. Щелколобовъ молитъ спасти его и кинуть жену, обѣщая жениться на сестрѣ спасителя; Щелколобова обѣщаетъ за спасеніе сама выйти замужъ за него. Писарь нашелъ оба эти обѣщанія выгодными для себя, спасъ обоихъ, чтобы не получить ничего.

Рис. 10.

«Исповѣдь, или Оля, Женя, Зоя» въ формѣ письма объясняетъ, почему Макаръ Балдастовъ не женился. Онъ былъ влюбленъ въ Олю Груздовскую, но испугъ передъ наступавшимъ гусакомъ сдѣлалъ ея лицо настолько «идіотскимъ», что она «потеряла всю прелесть» (рис. 6). Покинувъ мечты о профессурѣ, онъ сдѣлался писателемъ. «Земной шаръ — плохое мѣсто для искусства. Земля велика и обильна, но писателю жить въ ней

негдѣ. Писатель—это вѣчный сирота, изгнанникъ, козелъ отпущенія, беззащитное дитя... Человѣчество раздѣляю я на двѣ части: на писателей и завистниковъ. Первые пишутъ, а вторые умираютъ отъ зависти и строятъ разныя пакости первымъ. Я погибъ, погибаю и буду погибать отъ завистниковъ. Они испортили мою жизнь. Они забрали въ руки бразды правленія въ писательскомъ дѣлѣ, именуютъ себя редакторами, издателями и всѣми силами стараются утопить нашу братію. Проклятіе имъ!» Балдастовъ ухаживалъ тогда за Женей Пшиковой. Она вѣрила въ его талантъ и убѣдила послать одно произведеніе въ юмористическій журналъ. Черезъ двѣ недѣли почтовый ящикъ журнала принесъ такой отвѣтъ: «Село Шлендово. Г. М. Б—у. Та-

Рис. 11.

ланта у васъ ни капельки. Чортъ знаетъ, что нагородили! Не тратьте марокъ понапрасну и оставьте насъ въ покоѣ. Займитесь чѣмъ-нибудь другимъ». Макаръ пробовалъ сгладить впечатлѣніе неудачи: «Ну, и глупо... Сейчасъ видно, что дураки писали».

«Женя задумалась и зѣвнула. «Что жъ?—сказала она.—Можетъ быть, у васъ и на самомъ таки дѣлѣ нѣтъ таланта! Имъ это лучше знать. Въ прошломъ году Ѳедоръ Ѳедосеевичъ со мной цѣлое лѣто рыбу удилъ, а вы все пишете, пишете... Какъ это скучно!» Каково? И это послѣ безсонныхъ ночей, проведенныхъ вмѣстѣ надъ писаніемъ и читаніемъ! Послѣ обоюднаго жертвоприношенія музамъ... А? Женя охладѣла къ моему писа-

тельству, а слѣдовательно, и ко мнѣ. Мы разошлись. Иначе и быть не могло». Балдастовъ, страстный любитель музыки, увлекся затѣмъ Зоей Пепсиновой. Въ фойэ во время «Фауста» онъ началъ объясненіе въ любви, но вдругъ съ нимъ случилась неудержимая икота. Объясненіе было прервано. Иканіе продолжалось. «Лучше икать у дверей, чѣмъ надъ ухомъ любимой женщины!» Отецъ Зои сказалъ: «Могли бы и дома поикать, сударь!» Макаръ въ бѣшенствѣ отправляется домой. «Пріѣхавши домой, я какъ на-зло пересталъ икать... Я ударилъ себя по затылку и воскликнулъ: «Икай теперь! Теперь можешь икать,

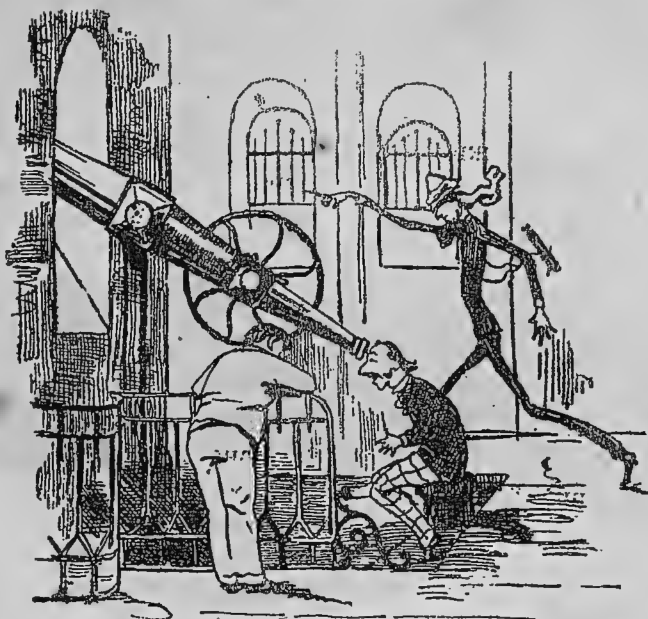

Рис. 12.

освистанный женихъ! Нѣтъ, ты не освистанный! Ты не освисталъ себя, а... объикалъ!» Ему отказали: нельзя же отдавать дочь замужъ за человѣка, «который позволяетъ себѣ въ обществѣ заниматься отрыжкой».

«Грѣшникъ изъ Толедо»—«переводъ съ испанскаго». Это довольно мѣткая пародія на страшные «испанистые» романы съ инквизиціей, кострами и т. д. Монахъ принялъ красавицу Марію Спаланцо за вѣдьму (рис. 8) только потому, что исчезла бѣжавшая впереди собака: она обратилась де въ Марію. За вѣдьмой гонятся (рис. 9). Мужу приказываютъ ее выдать, но онъ пря-

четъ ее на кораблѣ. Выдавшему скрывшуюся вѣдьму было обѣщано отпущеніе грѣховъ. Спаланцо считалъ себя великимъ грѣшникомъ, потому что занимался химіей, и послѣ долгихъ колебаній выдалъ жену мертвою, отравивъ ее.

«Темпераменты» (по послѣднимъ выводамъ науки) поразительно мѣтки и жизненны. Вотъ, напр., характеристика меланхолика. «Глаза сѣро-голубые, готовые прослезиться. На лбу и около носа морщинки. Ротъ нѣсколько кривъ. Зубы черные. Склоненъ къ ипохондріи. Вѣчно жалуется на боль подъ ложечкой, колотье въ боку и плохое пищевареніе. Любимое занятіе—стоять передъ зеркаломъ и разсматривать свой вялый языкъ. Думаетъ, что слабъ грудью и нервенъ, а потому ежедневно пьетъ вмѣсто чая декоктъ и вмѣсто водки—жизненный элексиръ. Съ прискорбіемъ и со слезами въ голосѣ увѣдомляетъ своихъ ближнихъ, что лавровишневыя и валеріановыя капли ему уже не помогаютъ... Полагаетъ, что разъ въ недѣлю не мѣшало бы принимать слабительное. Давно уже порѣшилъ, что его не понимаютъ доктора. Знахари, знахарки, шептуны, пьяные фельдшера, иногда повивальныя бабки—первые его благодѣтели. Шубу надѣваетъ въ сентябрѣ, снимаетъ въ маѣ. Въ каждой собакѣ подозрѣваетъ водобоязнь, а съ тѣхъ поръ, какъ его пріятель сообщилъ ему, что кошка въ состояніи задушить спящаго человѣка, видитъ въ кошкахъ непримиримыхъ враговъ человѣчества. Духовное завѣщаніе у него давно уже готово. Божится и клянется, что ничего не пьетъ, изрѣдка пьетъ теплое пиво. Женился на сироткѣ. Тещу, если она у него есть, величаетъ прекраснѣйшей и мудрѣйшей особой; наставленія ея выслушиваетъ молча, склонивъ голову на бокъ; цѣловать ея пухлыя, потныя, пахнущія огуречнымъ разсоломъ руки считаетъ своей священнѣйшей обязанностью. Ведетъ дѣятельную переписку съ дяденьками, тетеньками, крестной мамашей и друзьями дѣтства. Газетъ не читаетъ. Втихомолку читаетъ Дебе и Жозана. Во время вѣтлянской чумы пять разъ говѣлъ. Страдаетъ слезоточеніемъ и кошмарами. На службѣ не особенно счастливъ: дальше помощника столоначальника не дотянетъ. Любитъ «Лучинушку». Въ оркестрѣ онъ—флейта и віолончель. Вздыхаетъ день и ночь, а

Рис. 13.

потому спать съ нимъ въ одной комнатѣ не совѣтую. Предчувствуетъ потопы, землетрясенія, войну, конечное паденіе нравственности и собственную смерть отъ какой-нибудь ужасной болѣзни. Умираетъ отъ пороковъ сердца, лѣченія знахарей и зачастую отъ ипохондріи. Женщина-меланхоликъ — невыносимѣйшее, безпокойнѣйшее существо. Какъ жена—доводитъ до отупѣнія, до отчаянія и самоубійства. Тѣмъ только и хороша, что отъ нея избавиться не трудно: дайте ей денегъ и спровадьте ее на богомолье».

«Летающіе острова» — пародія на Жюля Верна, съ «просверленіемъ луны колоссальнымъ буравомъ», таинственнымъ незна-

Рис. 14.

комцемъ, который грозитъ просверлить луну раньше героя (рис. 10) и тѣмъ заставляетъ его послѣдовать за собою ночью въ свою обсерваторію (рис. 11), путешествіемъ на луну и т. д. Отдѣльныя мѣста этой пародіи полны типичнаго Чеховскаго юмора.

Одинъ изъ героевъ сострилъ:

«Джентльмены подумали и, черезъ десять минутъ нашедши, что слова Бекаса остроумны, громко засмѣялись. «Съ кѣмъ я имѣю честь смѣяться, сэръ?» спросилъ Лундъ лысаго джентльмена. «Вы имѣете честь идти, смѣяться и говорить съ членомъ всѣхъ географическихъ, археологическихъ и этнографическихъ обществъ, магистромъ всѣхъ существовавшихъ и существую-

щихъ наукъ, членомъ Московскаго артистическаго кружка, почетнымъ попечителемъ школы коровьихъ акушеровъ въ Саутъ-Гамптонѣ, подписчикомъ «Иллюстрированнаго Бѣса», профессоромъ желто-зеленой магiи и начальной гастрономiи въ будущемъ новозеландскомъ университетѣ, директоромъ Безыменной обсерваторiи, Вильямомъ Болванiусомъ». Болванiусъ—въ своемъ родѣ достопримѣчательное лицо: онъ авторъ замѣчательныхъ сочиненiй: «Существовала ли луна до потопа? Если существовала, то почему же она не утонула» и «Способъ стереть вселенную въ порошокъ и не погибнуть въ то же время»—брошюра, подвергшаяся запрещенiю. Онъ «прожилъ два года въ австралiйскихъ камышахъ, гдѣ питался раками, тиной, яйцами крокодиловъ и въ эти два года не видѣлъ ни разу огня. Будучи въ камышахъ, онъ изобрѣлъ микроскопъ, совершенно сходный съ нашимъ обыкновеннымъ микроскопомъ, и нашелъ спинной хребетъ у рыбъ вида «Riba». Воротившись изъ своего долгаго полезнаго путешествiя, онъ поселился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона и всецѣло посвятилъ себя астрономiи. Будучи убѣжденнымъ женоненавистникомъ (онъ былъ три раза женатъ, а потому и имѣлъ три пары прекраснѣйшихъ вѣтвистыхъ роговъ) и не желая до поры до времени быть открытымъ, онъ жилъ аскетомъ. Обладая тонкимъ дипломатическимъ умомъ, онъ ухитрился сдѣлать такъ, что обсерваторiя и труды его по астрономiи были извѣстны одному только ему. Къ сожалѣнiю и несчастiю всѣхъ благомыслящихъ англичанъ, этотъ великiй человѣкъ не дожилъ до нашего времени. Въ прошломъ году онъ тихо скончался: «купаясь въ Нилѣ, онъ былъ проглоченъ тремя крокодилами». Разсказъ объ обсерваторiи (рис. 12) Болванiуса Чеховъ обрываетъ замѣчанiемъ въ скобкахъ: «слѣдуетъ длиннѣйшее и скучнѣйшее описанiе обсерваторiи, которое переводчикъ въ видахъ экономiи мѣста и времени нашелъ нужнымъ не переводить». Три предпрiимчивыхъ англичанина мчатся на 18 аэростатахъ къ таинственнымъ пятнамъ возлѣ луны. «Они сидѣли въ герметически закупоренномъ кубѣ, въ которомъ находился сгущенный воздухъ и препараты для изготовленiя кислорода. (Примѣчанiе

Рис. 15.

переводчика: «Химиками выдуманный духъ. Говорятъ, что безъ него жить невозможно. Пустяки. Безъ денегъ только жить невозможно»). Начало этого грандіознаго, доселѣ небывалаго полета было совершено въ ночь подъ 13-ое марта 1870 года. Дулъ юго-западный вѣтеръ. Магнитная стрѣлка показывала NWW... (*слѣдуетъ скучнѣйшее описаніе куба и 18 аэростатовъ*)... Въ кубѣ царило глубокое молчаніе. Джентльмены кутались въ плащи и курили сигары. Томъ Бекасъ, растянувшись на полу, спалъ, какъ у себя дома. Термометръ (примѣчаніе переводчика: такой инструментъ есть) показывалъ ниже 0. Въ продолженіе первыхъ 20 часовъ не было сказано ни одного слова, и особеннаго ничего не произошло. Шары проникли въ область облаковъ. Нѣсколько молній погнались за шарами, но ихъ не догнали, потому что они принадлежали англичанину. На третій день Джонъ Лундъ заболѣлъ дифтеритомъ, а Тома Бекаса обуялъ сплинъ. Кубъ, столкнувшись съ аэролитомъ, получилъ страшный толчокъ. Термометръ показывалъ—76». Вскорѣ съ путешественниками на луну произошла катастрофа. «Раздался страшный трескъ... Что то треснуло, раздалась тысяча пушечныхъ выстрѣловъ, пронесся гулъ, неистовый свистъ... Мѣдный кубъ, попавъ въ среду разрѣженную, не вынесъ внутренняго давленія, треснулъ, и клочья его понеслись въ безконечное пространство. Это была ужасная, единственная въ исторіи вселенной минута!! Мистеръ Болваніусъ ухватился за ноги Тома Бекаса, этотъ послѣдній ухватился за ноги Джона Лунда, и всѣ трое съ быстротою молніи понеслись въ невѣдомую бездну (рис. 13). Шары отдѣлились отъ нихъ и, освобожденные отъ тяжести, закружились и съ трескомъ полопались.—«Гдѣ мы, сэръ?»—«Въ эѳирѣ!»—«Хмъ... Если въ эѳирѣ, то чѣмъ же мы дышать будемъ?»—«А гдѣ сила вашей воли, сэръ Лундъ?»—«Мистеры,—крикнулъ Бекасъ,—честь имѣю объявить вамъ, что мы почему то летимъ не внизъ, а вверхъ». — «Хмъ... Сто чертей! значитъ, мы уже не находимся въ области притяженія земли... Насъ тянетъ къ себѣ наша цѣль! Ура-а! Сэръ Лундъ, какъ ваше здоровье?» — «Благодарю васъ, сэръ, я вижу наверху землю, сэръ!».

— «Это не земля, а одно изъ нашихъ пятенъ! Мы сейчасъ разобьемся о него!» «Трррахъ!!!» Путешественники попали на одинъ изъ летающихъ острововъ... *(слѣдуетъ описаніе картины, понятной однимъ только англичанамъ)*... Пошли осматривать островъ. Онъ былъ шириной... длиной... (*Цифры и цифры... Богъ съ ними!*). Тому Бекасу удалось найти дерево, сокомъ сво-

имъ напоминающее русскую водку. Странно, что деревья были ниже травы (?). Островъ былъ необитаемъ. Ни одно живое существо не касалось доселѣ его почвы... «Сэръ, посмотрите, что это такое?» обратился мистеръ Лундъ къ сэръ Болваніусу, поднимая какой то свертокъ. «Странно... удивительно... поразительно», забормоталъ Болваніусъ. Свертокъ оказался объявленіями какого то Іоганна Гоффа, писанными на одномъ изъ варварскихъ языкомъ, кажется, русскомъ. Какъ попали сюда эти объявленія? «Прррроклятіе! — закричалъ мистеръ Болваніусъ: — Здѣсь были раньше насъ? Кто могъ быть здѣсь?! Прроклятіе! Оооо! размозжите, громы небесные, мои великіе мозги! Дайте мнѣ сюда его!! Я проглочу его съ его объявленіями». И мистеръ Болваніусъ, поднявъ вверхъ руки, страшно захохоталъ. Въ глазахъ его блеснулъ подозрительный огонекъ. Онъ сошелъ съ ума».

Летающій островъ носился надъ Гавромъ и затѣмъ опустился въ заливъ (рис. 14). «Островъ Іоганна Гоффа уже болѣе не существуетъ. Онъ, принявъ на себя трехъ отважныхъ людей, сталъ тяжелѣй и, вышедши изъ нейтральной полосы, былъ притянутъ землей и утонулъ въ Гаврскомъ заливѣ... Джонъ Лундъ занятъ теперь вопросомъ о просверленіи луны. Близко уже то время, когда луна украсится дырой. Дыра будетъ принадлежать англичанамъ. Томъ Бекасъ живетъ теперь въ Ирландіи и занимается сельскимъ хозяйствомъ. Онъ разводитъ куръ и сѣчетъ свою единственную дочь, которую воспитываетъ по-спартански. Ему не чужды и вопросы науки: онъ страшно сердится на себя за то, что забылъ взять съ Летающаго острова сѣмянъ отъ дерева, сокомъ своимъ напоминающаго русскую водку». Отъ 57-дневнаго голоданія онъ, конечно, оправился.

Нужно было очень вчитаться въ Жюля Верна, чтобы такъ тонко схватить и такъ вѣрно передать все смѣшное его литературной манеры...

Такъ же художественно пародируетъ Чеховъ и Виктора Гюго въ разсказѣ «Тысяча одна страсть, или страшная ночь»: «Робкое подражаніе Виктору Гюго». Имъ, къ сожалѣнію, обрывается на полуфразѣ сборникъ. А. П. прекрасно уловилъ романтическую трескучесть стиля французскаго писателя, экстравагантность его сравненій и постоянное стремленіе подхлестнуть читателя накопленіемъ всевозможныхъ ужасовъ.

«На башнѣ пробило полночь. Я задрожалъ. Настало время. Я судорожно схватилъ Теодора за руку и вышелъ съ нимъ на улицу. Небо было темно, какъ типографская тушь. Было темно,

какъ въ шляпѣ, надѣтой на голову. Темная ночь—это день въ орѣховой скорлупѣ. Мы закутались въ плащи и отправились. Сильный вѣтеръ продувалъ насъ насквозь. Дождь и снѣгъ—эти мокрые братья—страшно били въ наши физіономіи. Молнія, несмотря на зимнее время, бороздила небо по всѣмъ направленіямъ. Громъ, грозный, величественный спутникъ прелестной, какъ миганіе голубыхъ глазъ, быстрой, какъ мысль, молніи, ужасающе потрясалъ воздухъ. Уши Теодора засвѣтились электричествомъ. Огни св. Эльмы съ трескомъ пролетали надъ нашими головами. Я взглянулъ наверхъ. Я затрепеталъ. Кто не трепещетъ передъ величіемъ природы?»

Передъ этой пародіей три цѣльныхъ разсказа: «Передъ свадьбой», которымъ Чеховъ воспользовался для своей «Свадьбы», «Письмо къ ученому сосѣду», интересное только прекраснымъ рисункомъ Н. П. Чехова (рис. 15), изображающимъ своего рода гоголевскаго Киѳу Мокіевича, «Войска Донского отставного урядника изъ дворянъ», Василія Семи-Булатова, приглашающаго сосѣда пріѣхать къ нему потолковать о томъ, почему зимою день короткій, а ночь длинная, лѣтомъ же наоборотъ, почему львиная морда совсѣмъ непохожа на человѣческій ликъ, и пр., и прекрасный разсказъ «Въ вагонѣ» съ полными юмора жанровыми сценками желѣзнодорожной жизни, которыми А. П. воспользовался въ рядѣ своихъ послѣдующихъ произведеній («Ну, публика!» и др.).

Таково содержаніе этого любопытнаго сборника. Не все въ немъ одинаково цѣнно, не вездѣ чувствуется будущій Чеховъ, но почти всюду разсыпаны искры большого таланта, который своими путями пробивался изъ міра «Стрекозы», «Будильника» и «Осколковъ» къ своей провиденціальной цѣли—проникновенію въ самыя глубины всероссійской пошлости, обвѣянному легкимъ юморомъ и задумчивою грустью...

Вл. Каллашъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

От редакціи 5

Вл. Каллашъ. Памяти А. П. Чехова (17 января 1860—17 января 1910 г.) 7

Ф. Мускатблитъ. Біографія Антона Павловича Чехова. (1860—1890). 10

М. Новикова. Антонъ Павловичъ Чеховъ. 154

Вл. Каллашъ. Первый сборникъ А. П. Чехова. 166

Московское Книгоиздательское Товарищество „Образованіе"

Редакція: Долгоруковская, д. 89, кв. 1. Телефонъ 104-31.

Главная контора: Москва, 3-я Тверская-Ямск., д. Ларіонова, кв. 2. Телефонъ 245-30

№ 2.

1-50

